

ДЭН
СИММОНС

ЛЕТО
НОЧИ

Роман

Дейл Стюарт / Майкл О'Рурк

ДЭН СИММОНС

Лето ночи

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Симмонс Д.

Лето ночи / Д. Симмонс — «Азбука-Аттикус», 1991 — (Дейл
Стюарт / Майкл О'Рурк)

ISBN 978-5-389-16932-6

«Лето ночи» – от Дэна Симмонса, прославленного автора «Террора» и «Друда», «Пятого сердца» и «Темной игры смерти» и знаменитой эпопеи «Гиперион» / «Эндимион». Это книга о последнем лете детства. О том времени, когда мы тесной компанией пропадали в лесу и на речке, наперегонки гоняли на велосипедах, пугали друг друга страшилками про гроб на колесиках и черную руку. Ведь еще чуть-чуть – и каждый пойдет своей дорогой; а потом будет всю жизнь вспоминать это особенное время, когда мы были безоглядно счастливы и абсолютно свободны, а за каждым углом поджидали небывалые приключения. Атмосферу провинциального городка Симмонс воспроизводит с той же любовью и яркостью, с какой Брэдбери в «Вине из одуванчиков» изображал свой Гринтаун. И вот ты уже готов поверить в зло, древнее, как боги Египта, и коварное, как семейство Борджа... Перевод публикуется в новой редакции, с авторским предисловием для юбилейного издания.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-16932-6

© Симмонс Д., 1991
© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

Предисловие к юбилейному изданию	6
Глава 1	25
Глава 2	29
Глава 3	39
Глава 4	45
Глава 5	52
Глава 6	59
Глава 7	70
Глава 8	84
Глава 9	100
Глава 10	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Дэн Симмонс

Лето ночи

Dan Simmons
Summer of Night

© 1991 by Dan Simmons

© О. Г. Бурсова, перевод, 2007

© Д. С. Кальницкая, перевод предисловия, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Предисловие к юбилейному изданию

С момента публикации «Лета ночи» в 1991 году я получил столько бумажных и электронных писем с отзывами об этом романе, сколько не получал ни об одном другом (за исключением, возможно, «Гипериона»). Самое интересное, что в подавляющем большинстве эти отправленные из разных уголков мира письма пишут люди приблизительно моего возраста, которые помнят свое детское лето 1960-го (время действия романа) и которых чтение тронуло до такой степени, что им хочется рассказать, насколько ощущение свободы из их детских воспоминаний похоже на свободу описанных в «Лете ночи» детей. А потом мои корреспонденты жалуются, что у их детей и внуков такой свободы нет. Мне всегда странно думать: как так вышло, что у человека, выросшего во Франции, в России, Японии или Израиле (письма приходили и из этих стран), детство оказалось похожим на детство моих героев в маленьком американском городке в 1960 году?

На первый взгляд «Лето ночи» – роман ужасов, но на самом деле он посвящен присущим детству тайнам и недомолвкам. А еще он повествует об отдельном мире детства, который мы потеряли или, вероятно, вот-вот потеряем. Быть может, это и есть основная причина, почему столько людей приняли этот роман так близко к сердцу.

Но каковы же другие общие для всех составляющие, благодаря которым читатели из разных уголков мира смогли так полно отождествиться с Майком, Дейлом, Лоренсом (ни в коем случае не Ларри), Кевином, Харленом, Корди и другими детьми из «Лета ночи»?

Ку-ка-ре-ку!

Я полагаю, что этот тайный и общий для всех компонент – свобода, которая была у детей в 1960-м, возможность обитать в своих собственных мирах... быть детьми в активном физическом мире, отделенном от родителей и других взрослых, но тем не менее настоящем, насыщенном детском мире, который, как я тоже искренне полагаю, в двадцать первом веке почти исчез.

Ранним летним утром Дейл, Лоренс, Майк, Кевин и Харлен махали на прощание своим мамам (хотя мама Джима Харлена не всегда присутствовала), а потом их чаще всего никто не видел до самого ужина или даже до ночи.

На двадцать девятой странице первого издания «Лета ночи» в твердой обложке эти пятеро ребят из Велосипедного патруля отправляются вечером «патрулировать» свой городок Элм-Хейвен в штате Иллинойс:

– Поехали, – тихо сказал Майк.

Он привстал на педалях, пригнулся к рулю и рванул вперед, взметнув за собой тучу пыли. Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен помчались за ним.

В тихом сером сумраке они двинулись вдоль Первой авеню на юг, то минуя густую тень вязов, то внезапно оказываясь на более светлых участках. Слева расстилались поля, темные силуэты домов возвышались справа.

Представьте себе, что сегодня компания одиннадцатилетних ребят куда-то уехала вечером на велосипедах и не вернулась домой до темноты. По телевизору тут же бы объявили тревогу по системе поиска пропавших детей. Ночное небо уже бы пронзали прожектора поисковых вертолетов. Рыдающие родители давали бы интервью в вечерних новостях.

Если бы летним вечером в Элм-Хейвене Майк, Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен вернулись на своих велосипедах домой после десяти, их, возможно, отругали бы (Кевина его беспокойная

мать, вероятно, ругала бы и расспрашивала обстоятельнее прочих, а Харлен, чья мать, скорее всего, пропадала где-нибудь на свидании, вообще остался бы без взбучки), но вряд ли слишком сильно.

Вот что можно прочесть в начале третьей главы «Лета ночи»:

Не так уж много событий в жизни человеческого существа – по крайней мере, человеческого существа мужского пола – бывают столь роскошными, бесценными, наполненными предвкушением вожаемой свободы и счастливого будущего, как первый день лета для одиннадцатилетнего мальчишки. Грядущее лето можно уподобить роскошному пиру, а времени впереди так много и тянуться оно будет так медленно, что каждый день покажется нескончаемо долгим и позволит смаковать каждое блюдо этого пира.

Как учитель начальной школы с восемнадцатилетним стажем, я читаю множество заявлений из разных школьных округов в разных концах страны, которые призывают отменить летние каникулы, утверждают, что дети должны учиться круглый год, и от этого мне становится тошно.

Разумеется, трехмесячные летние каникулы – это пережиток, оставшийся с тех времен, когда дети всех возрастов использовались в качестве бесплатной рабочей силы на фермах и ранчо во время сева или жатвы или когда клеймили или загоняли скот.

Конечно, детям свойственно забывать кое-что из пройденного за предыдущий учебный год, когда каникулы растягиваются более чем на два месяца, а в школу все возвращаются только в конце августа или в начале сентября, поэтому потом приходится заново втолковывать некоторые темы.

«И что с того?» – отвечу я на это. Какой же человек в здравом уме променяет роскошный пир, когда времени впереди так много и тянуться оно будет так медленно, что каждый день покажется нескончаемо долгим и позволит смаковать каждое блюдо этого пира, пира свободы, на несколько зазубренных строк из таблицы умножения?

Как учитель начальной школы с восемнадцатилетним стажем, могу подтвердить, что позабытые за лето обрывки знаний преподаватель может восстановить за несколько недель в первый же месяц нового учебного года. (А еще могу подтвердить, что большую часть этих потерянных обрывков на самом деле не стоило и заучивать.)

Но зато всегда будет то самое чувство, которое испытывают Дейл и Лоренс Стюарты, просыпаясь в первый день лета, такое чувство, «как будто мрачная завеса школьного года наконец поднялась и позволила миру вернуть все присущие ему краски».

Кто же в здравом уме променяет это драгоценное летнее многоцветье и детскую свободу на несколько паршивых фактов по обществознанию или списки слов по правописанию?

Радио в курятнике

Дети из Велосипедного патруля любили собираться в курятнике Майка О'Рурка. В романе описывается, как они приехали туда в свое первое свободное летнее утро 1960 года.

Кур там уже не держали, но запашок остался. Кто-то притащил в курятник старый продавленный диван с торчащими пружинами и несколько колченогих кресел. Еще кто-то (вероятно, мистер О'Рурк) водрузил в углу корпус от огромного коротковолнового напольного радиоприемника 1930-х годов. Пока ребята, в том числе и приехавший со своей фермы страшно умный толстяк Дуэйн Макбрайд, слоняются по курятнику в первый летний день, Джим Харлен залезает за радиоприемник, а потом и в сам корпус. Сидя там, он сначала пощелкивает, изображая разогревающиеся лампы, потом шуршит, воспроизводя шум помех, а потом:

– Вот игрок отходит назад! Еще назад! Он направляется к правой стене «Комиски-парк»! Прыгает за мячом! Он уже на стене! Он...

– А-а, тут ничего интересного, – снова пробормотал Дуэйн. – Та-та-ти-та-та... Вот. Попробуем лучше Берлин.

– *Ach du lieber der fershtugginer ball ist op und outta hier!* – донесся голос Харлена, мгновенно сменившего необыкновенно протяжный чикагский говорок на тевтонскую манеру произношения, отрывистую, резкую. – *Der Fürher ist nicht gehappy. Nein! Nein! Er ist gerflugt und vertunken und der veilige pisstofffen!*

– И здесь тоже ничего путного, – пробормотал Дуэйн. – Попробуем Париж.

Когда сейчас я читаю или слышу об интернет-сообществах, я вспоминаю Майка, Дейла, Лоренса (ни в коем случае не Ларри), Дуэйна Макбрайда, Кевина и их друзей из Велосипедного патруля, которые собираются в курятнике Майка, а потом снова вскакивают на велики и мчатся куда-нибудь. Для меня «интернет-сообщества» – это просто очередные тексты, очередные электронные кляксы на стеклянной странице, очередная стеклянная титька¹, к которой в наши дни дети и взрослые, сидя дома, могут присосаться, вместо того чтобы выйти на свет и вступить во взаимодействие с настоящим миром. Почему же сегодняшние дети до чертиков много говорят, но почти ни черта не делают?

Ответ, возможно, частично заключается в том, что мы украли у них почти весь настоящий мир.

Как мы крадем у наших детей пространство

У мальчишек (и почти всех девчонок) в Элм-Хейвене летом 1960-го был очерчен свой радиус для развлечений, в пределах которого они разъезжали на велосипедах.

Если объехать весь городок Элм-Хейвен – получалась где-то миля. Если ехать на восток от города мимо бара «Под черным деревом», через холмы и в леса к Дохлому ручью у подножия холма и к кладбищу Святого Креста Господня на вершине следующего холма – получалось чуть больше полутора миль по гравийной дороге. До располагавшейся дальше фермы дяди Генри и тети Лины – две мили без особого напряжения, еще через полмили – дом Дуэйна Макбрайда. Если пройти за кладбище Святого Креста Господня и около мили шагать по лесу – попадешь в заброшенные каменоломни, прозванные Козлиными горами, еще две мили по дремучему лесу – выйдешь на загадочную Цыганскую дорогу.

Милях в четырех, в основном по гравийной дороге, располагался Каменный ручей, где ребята плавали на глубине под однополосным автомобильным мостом (это там водились раки). Плевое дело. В четырех-пяти милях по той же дороге от Каменного ручья – национальный парк Джубили, путешествие туда на велосипеде занимало целый день, потому что надо же было еще успеть поиграть, побродить по окрестностям, погрозиться сигануть с высоченной скалы Писающих влюбленных², которую мальчишки прозвали так, потому что Харлен как-то с нее помочился.

¹ Отсылка к сборнику Харлана Эллисона «The Glass Teat: Essays of Opinion on Television» («Стеклянная титька: Сочинения о телевидении», 1970), составленному из его статей с телекритикой, которые публиковались в газете *Los Angeles Free Press* в 1968–1970 гг. Более поздние статьи были собраны в книге «The Other Glass Teat» («Другая стеклянная титька», 1975). (*Здесь и далее примеч. перев.*)

² Имеется в виду скала Прыгающих влюбленных (Lover's Leap), названная по легенде о спрыгнувшей и разбившейся паре. Скала эта находится не в парке Джубили, а в парке Старвед-рок; именно этот парк фигурирует и в тексте романа. Однако рядом с Бримфилдом (реальный прообраз Элм-Хейвена) расположен не парк Старвед-рок (до него полтора часа езды на машине), а именно парк Джубили.

Родители с утра не спрашивали, куда направляются дети, а дети им не рассказывали. Правильная политика.

Таким образом, в любой отдельно взятый летний день территория, на которой эти ребята из Элм-Хейвена могли играть без присмотра (если погода годилась для езды на велосипеде), достигала в поперечнике десятка миль, а путь туда-обратно составлял двадцать миль. С 1960 года ситуация несколько изменилась.

Я пытался найти какие-нибудь надежные социологические данные о том, насколько именно за последние три-четыре десятилетия сократилось пространство, в котором могут свободно перемещаться дети восьми-двенадцати лет, но, даже воспользовавшись помощью гораздо более продвинутых в смысле поиска пользователей с моего интернет-форума, сумел выяснить очень немногое. Приходится руководствоваться личными наблюдениями и историями из жизни других, а подавляющее большинство утверждает, что в двадцатом веке дети практически сделались пленниками в собственных домах и дворах, пленниками составленного их родителями расписания.

Передо мной интересная статья Санфорда Гастера «Доступ городских детей к своему району: как он изменился за несколько поколений» в двадцать третьем выпуске журнала «Среда и поведение» за январь 1991 года.

Как и следует из названия, статья рассказывает о том, что за три поколения американские дети потеряли «пространство, в котором можно свободно перемещаться», но посвящена она городским детям и рассматривает поколения, жившие, в частности, с 1915-го по 1976-й в районе Инвуд на севере Манхэттена. Очевидно, что жизнь манхэттенских детей, скорее всего, не имеет никакого отношения к той свободе, которой пользовались Майк, Кевин, Дейл, Лоренс, Дуэйн, Харлен, Корди и другие в 1960 году в крохотном городишке Элм-Хейвен в Иллинойсе («Население 650 / внимание: автоматический контроль скорости»).

Но это не совсем так.

Среди самых первых обитателей Инвуда были ирландские, немецкие и русские иммигранты. Позднее несколько раз происходили наплывы выходцев из Италии, Польши, Греции и Армении. Инвуд был районом для рабочего класса, чистым и добропорядочным. В 1950-х там начали появляться первые афроамериканцы, а к моменту написания статьи значительную часть Инвуда занимали исключительно чернокожие семьи, так что в этих местах нельзя было провести исследование, касающееся белых детей.

Привольнее всего, с точки зрения абсолютной свободы, детям в Инвуде было в 1920-х и 1930-х годах: территория для игр включала леса, строительные площадки и огромный парк Инвуд-Хилл. В 1930-х во время политики Нового курса³ Управление общественных работ США навсегда изменило местность, проложив магистраль Генри Гудзона прямо через парк Инвуд-Хилл. Эта магистраль Великой Китайской стеной пролегла прямо посреди лесов и территории, на которой играли дети. (В рамках того же проекта построили связавший Инвуд с материком мост Генри Гудзона и многочисленные съезды с него – сомнительное улучшение с точки зрения местных ребятишек.)

В то же самое время еще доступные дикие уголки парка Инвуд-Хилл «облагородили»: на месте лесов и тропинок появились дорожки, корты, спортивные и игровые площадки, скамейки и фонари. К середине 1960-х на нетронутых участках Инвуд-Хилла в основном промышляли молодежные чернокожие банды. Афроамериканское сообщество (родители и духовенство) быстро среагировали на эти перемены и перекроили свободное время своих детей, организовав разнообразные занятия под присмотром взрослых: управляемая взрослыми спортивная «малая лига», школьные программы, молодежные центры и тому подобное.

³ Экономическая политика, проводившаяся правительством Ф. Д. Рузвельта для вывода страны из Великой депрессии после биржевого краха 1929 г.

Таким образом, не входившие в молодежные банды дети из афроамериканских семей в возрасте от восьми до тринадцати лет первыми попали под строгий родительский контроль, и то время, когда они могли свободно бродить в лесах и на пустырях, сначала сократилось, а потом закончилось вовсе. А к 1970-м и белые дети точно таким же образом перешли под строгий контроль взрослых. Пространство в парке Инвуд-Хилл радиусом в три-пять миль, где дети могли свободно перемещаться в 1920-х, практически исчезло, дети (в основном из-за родительского страха перед бандами, наркодилерами и автомобилями) все больше времени проводили дома, на огороженных заборами дворах и охраняемых детских площадках.

Вот один из приведенных в статье выводов:

В течение почти всего нынешнего века в Инвуде действовали различные факторы, из-за которых значительно ограничились самостоятельные занятия, которым дети могли посвятить свое время в окрестностях дома. Самыми значительными факторами выступили сокращение количества и разнообразия тех мест, куда могли отправиться дети, и все возрастающий контроль взрослых над играми за пределами дома. Нельзя свалить всю вину на преступность, упадок физической среды и автомобильное движение [процитировано точно по оригиналу!].

В 1920-х годах Инвуд был захвачен стремительным и почти безостановочным процессом – там раскапывали, строили, сносили и занимались разными другими преобразованиями, а потому в распоряжении местных детей оказался целый мир, где можно было играть без присмотра, – котлованы, скалы, фермы, болота, леса, амбары, отдельные большие дома и строительные площадки. К 1940-м годам строительство в Инвуде практически завершилось, численность населения достигла максимума, а запланированные в ходе Нового курса изменения ландшафта были воплощены в жизнь, и в результате всего этого среда для игр упростилась и оказалась под контролем: площадки, поля для игры в бейсбол, а в 1950-х годах и многоквартирные дома.

Обстановка, в которой росли дети в Инвуде в 1940-х, зеркально отражает ту, в которой рос я сам с моим младшим братом в Де-Мойне в 1956–1957 годах. За нашим домом располагался частный заказник, дальше на две с лишним мили растянулась лощина с «городскими лесами», которая соединялась с огромным лесным заповедником, где практически не было тропинок или каких-либо облагороженных участков. Более того – вокруг этой лощины строились мириады домов, а любой мальчишка вам подтвердит, что строительные площадки – заброшенные ямы, котлованы, насыпные холмы, недостроенные дома и даже оставленная по вечерам и выходным без присмотра строительная техника – это превосходное место для игр. И мы использовали его по полной и вытворяли, что душе вздумается: забирались на верхние этажи недостроенных домов, где еще не было ни пола, ни крыши, и ходили там по узким доскам; устраивали сражения, бросаясь комьями земли; заклеивали моего младшего брата (он всегда был самым отчаянным сорвиголовой среди всех) скотчем в большой картонной коробке и спускали эту коробку с вершины тридцатифутовой горы напрямик в наполовину заполненный водой строительный котлован глубиной двадцать футов (моему братишке, подобно Гудини, всегда удавалось выбраться).

Потом мы переехали из Де-Мойна в крохотный городишко Бримфилд в центральном Иллинойсе («Население 650 / Внимание: автоматический контроль скорости»), который позже послужил прообразом Элм-Хейвена, и наше пространство, где можно было свободно перемещаться, увеличилось в разы – не только потому, что мы стали на пару лет старше. Теперь нужно было немного дальше (почти пять миль) ехать на велосипеде и идти пешком, чтобы в заброшенном гравийном карьере в лесу (Козлиные горы) заклеивать моего братишку Уэйна скотчем в чуть более просторной коробке и спускать ее с чуть более высокой (пятьдесят футов) горы в чуть более глубокий (двадцать пять футов) котлован, заполненный водой целиком. Но оно

того стоило. (Уэйн выбирался из коробки. Так или иначе. Но довольно долгое время мы просто смотрели на пузыри, всплывающие на поверхность темной воды, а потом, еще дольше, на гладкую поверхность без всяких пузырей. Признаюсь, в такие моменты я прокручивал в голове множество всевозможных сценариев – как лучше преподнести пытливым родителям кончину своего младшего братишки. По большей части в таких историях фигурировали цыгане, которые выбежали из леса, заклеили Уэйна скотчем в коробке и сбросили в котлован, пока мы все лежали связанными.) (Трудно быть старшим братом.)

Мои друзья-исследователи нашли довольно большое количество британских материалов, посвященных ограничениям, связанным с играми и перемещением детей, и результаты этих исследований по большей части совпадают с тем, что я слышу из рассказов друзей и вижу сам здесь в США: свобода перемещения у детей восьми-одинадцати лет практически исчезла.

Вот начало одной такой статьи, в которой приводятся результаты различных исследований, в газете «Обсервер» за 3 августа 2008 года:

Сцена, олицетворяющая детство: маленькие братья и сестры бегут к кряжистому дубу, повисают на нижних ветвях и изо всех сил карабкаются вверх. И все же миллионы детей лишены такого удовольствия, потому что обеспокоенные родители не хотят подвергать свои чада риску.

Согласно результатам одного крупного исследования, проведенного в рамках проекта «Плей-Инглан» под эгидой Национального управления по делам детей Великобритании, половине опрошенных детей запрещали залезать на деревья, 21 % детей запрещали играть в «каштанчики», 17 % – в салочки. Некоторые родители в своем стремлении защитить доходят до того, что отказывают детям в праве играть в прятки.

Я не знаю, как играть в английские «каштанчики», но у меня было детство (и в этом детстве случались под рукой мячики и комки грязи), поэтому я догадываюсь. Дальше в статье говорится:

Стремление обращаться с детьми как с хрупкими предметами, которые следует заворачивать в вату, изменило детство. Согласно исследованиям, у 70 % нынешних взрослых самые значительные приключения в детстве происходили на воздухе, среди деревьев, рек и лесов, сегодня так можно сказать о 29 % детей. Большинство опрошенных детей заявили, что их самые значительные приключения происходили на детских площадках.

Самое значительное приключение в жизни ребенка случилось на вшивой детской площадке??!! Да Дейла, Лоренса, Майка, Дуэйна, Кевина, Харлена и их друзей стошнило бы от подобного утверждения. (А Корди Кук сначала бы посмеялась от души, но потом ее бы тоже стошнило.)

Читая «Лето ночи», вы увидите, что даже в центре города, на огромной детской площадке во дворе большой и страшной Старой центральной школы, самым любимым детским аттракционом была новехонья гигантская бочка-отстойник высотой восемь футов: эту бочку подкатили к самой высокой горке (такую сегодня не разрешили бы ни на одной школьной площадке), и детишки играли там в «короля горы» – сталкивали друг друга вниз, тут же взбегали по горке обратно, снова прыгивали на предательски скользкий изогнутый бок, и опять все по новой.

Это будет покруче «каштанчиков».

Последняя британская статья, которую раскопали мои друзья-исследователи, называется «Как за четыре поколения дети потеряли право свободно перемещаться», она опубликована в

2007 году, и ее название очень точно описывает положение дел и в Англии, и в США, у детей и из пригородов, и даже из маленьких городков.

Там описывается многолетнее исследование, в котором участвовала одна семья и в котором оценивалось то пространство, где могли свободно перемещаться дети восьми лет (самая нижняя граница интересующей меня возрастной группы от восьми до двенадцати) с 1919-го по 2007-й.

Прадедушке Джорджу, которому восемь исполнилось в 1919-м, разрешали уходить на шесть миль от города на рыбалку. Дорога по большей части пролегла через дремучие леса, по железнодорожным путям, проселкам и тропинкам.

Дедушка Джек, которому восемь исполнилось в 1950-м, мог углубляться в лес где-то на расстояние мили. *Но он играл в лесу один или с друзьями-одногодками!* Как и мальчишки из Элм-Хейвена 1960-го, Джек большую часть времени проводил на улице, и почти не сидел дома с радио или телевизором. (На момент написания статьи ему было восемьдесят восемь, и он все еще оставался «большим любителем пеших прогулок».)

Мать по имени Вики, которой восемь стукнуло в 1979-м, могла одна ходить в городской бассейн, располагавшийся где-то в полумиле от дома. Но Вики добавляет: «Я вполне свободно перемещалась – ездила на велосипеде по окрестностям, играла с друзьями в парке и сама ходила в бассейн и в школу».

Современному ребенку, сыну Эду, которому восемь исполнилось в 2007-м, разрешают одному доходить лишь до конца улицы – это около трехсот ярдов.

И даже это расстояние свидетельствует о большей свободе, чем та, которой, по моим наблюдениям, пользуются местные дети. Сыну наших соседей не разрешали выходить со двора без присмотра, пока ему не исполнилось двенадцать, хотя наш «старый район» в исторической части города считался сравнительно безопасным и напоминал отдельный маленький городок. Когда мальчуган наконец начал ездить на велосипеде, ему каждый раз приходилось облачаться в доспехи, достойные средневекового рыцаря, – он надевал не только шлем, но и ножные щитки из магазина для любителей роликовых коньков. (Интересно, как же это Майк, Дейл, Лоренс, Кевин, Харлен и другие ребята из Элм-Хейвена обходились без велосипедных шлемов? В те времена взрослые не катались на велосипедах, так что перед глазами не было прекрасных примеров в виде затянутых в спандекс дядек и тетек, вцепившихся в руль велосипеда стоимостью в три с половиной тысячи долларов и прикрывших свои бесценные черепушки шлемами стоимостью в несколько сотен долларов. Дети из Элм-Хейвена (дети моего поколения) никогда не носили шлемов. Как ни странно, мы не слышали ни об одном погибшем или парализованном в результате черепно-мозговой травмы ребенке. Рано или поздно каждый перелетал через руль, но результатом были царапины и синяки, а не остаток жизни, проведенный на больничной койке в виде овоща.)

Как бы то ни было, в нашем районе каждый ребенок, приближающийся к велосипеду, не только всегда упакован в шлем, словно фашистский штурмовик, – велосипед еще и снабжен торчащим ввысь десятифутовым шестом, на котором болтается оранжевый флажок с надписью: «Пожалуйста, не сбивайте меня!» В последние годы знакомым соседским мальчишкам младше четырнадцати не разрешали выезжать из поля зрения родителей. Да и после четырнадцати – только до конца квартала и обратно. И даже на подобном скромном расстоянии (на такое дети из Элм-Хейвена спокойно отъезжали в семь лет, и никто не поднимал шум) матери наблюдали за ними пристально, словно ястребы.

Вот вывод, приведенный в одном отрезвляющем британском исследовании 2001 года Джилл Валентайн и Джоном Маккендриком:

Игры на открытом воздухе и без присмотра ограничивает не недостаточное количество площадок или оборудования, но тревога родителей, волнующихся о безопасности детей. Роди-

тели думают, что сегодня дети подвергаются большему риску, чем во времена их собственного детства. Во всех исследованиях, касающихся родительских страхов, фигурируют два самых значительных – ребенка похитит незнакомец или собьет машина. Тем не менее, несмотря на все возрастающую тревогу, реальная ситуация такова, что сегодня безопасность детей, как никогда, высока.

«Погодите! – скажете вы. – Но это в Британии. А здесь в Америке под каждым кустом караулит похититель детей, педофил, псих, убийца!»

Так ли это?

По статистике, американские дети, проживающие за пределами центральных городских районов с их зонами поражения, то есть обитатели пригородов, небольших городков и сельской местности, в наши дни находятся в такой же безопасности, как и дети в 1940-х, 50-х, 60-х годах и далее до конца двадцатого века и после. Это мы, взрослые (мы, родители), не верим, что дети будут в безопасности, если вырвутся из нашего непосредственного поля зрения, из-под контроля старших. (Несмотря даже на свидетельства тех же исследований о том, что многие из вышеупомянутых «педофилов» в конечном итоге работают в школах, на площадках, в детских садах и спортивных школах и осуществляют тот самый «контроль», тогда как раньше дети безопасно и свободно бродили сами по себе и не подвергались подобным опасностям.)

Но в круглосуточных теленовостях рассказывают про каждую объявленную в стране тревогу в связи с исчезновением ребенка. А в полицейских фильмах и сериалах постоянно похищают, убивают и пытаются детей.

Взрослые идут наперекор здравому смыслу (не говоря уже о своих собственных воспоминаниях о детстве, когда они были одиннадцатилетними мальчишками и девчонками, свободно бродили по окрестностям и играли со сверстниками) и перестраховываются.

И таким образом, превращают своих детей в пленников.

А пленников этих, как пациентов психиатрических лечебниц, умиротворяют и удерживают в заключении при помощи транквилизаторов – мобильных телефонов, компьютеров, айпадов, айподов, телевизоров, эсэмэсок и других стеклянных титек.

Но я до сих пор утверждаю, и меня поддержат участники Велосипедного патруля – Майк, Дейл, Кевин, Лоренс, Дуэйн, Харлен, Корди и другие: если вы, взрослые, крадете у детей время и пространство, вы крадете и само детство.

Смерть ребенка в романе

И все же...

И все же...

Один из персонажей «Лета ночи», ребенок, погибает. (Прошу прощения, если это спойлер, но больше я не выдам ни одной важной детали, так что вы не догадаетесь, о каком именно персонаже идет речь.) (Разве что это мальчик.)

Мне очень трудно было описывать эту смерть не только потому, что погибает ребенок, или потому, что смерть одного из главных героев всегда тревожит автора, создателя этого персонажа. Следует отметить, что, хотя довольно много написано о том, как влияет смерть ребенка на родителей, найдется очень мало исследований (социологических, психологических или художественных), посвященных влиянию смерти ребенка на его друзей и ровесников из его окружения. (Один из лучших анализов подобной травмы – когда ребенок теряет друга – в художественной литературе, который мне попадался, – это малоизвестный роман Уэлдона Хилла «Долгое лето Джорджа Адамса»⁴.)

⁴ Weldon Hill. *The Long Summer of George Adams*. Philadelphia: D. McKay Co, 1961.

Персонаж, погибший в «Лете ночи», был глубоко интересен мне и в реальности, где я его знал, и в романе, где я воссоздал его, смешав с другим своим хорошим другом. Одного из этих друзей, характеры которых я взял за основу персонажа, убили.

Более того, «Лето ночи» – наиболее автобиографичное произведение из всех мною написанных, и персонажи, хоть и вымышленные, глубоко меня трогали. Еще когда я в 1990 году писал этот роман, я знал, что они, возможно, еще появятся в других моих рассказах, повестях и романах, хотя мне не очень импонирует подход, при котором автор рассовывает одних и тех же героев по разным своим книгам.

И точно, один из персонажей-мальчишек (который, как я узнал, спустя чуть меньше десятилетия после событий в Элм-Хейвене потерял ногу на вьетнамской войне) перебрался в Румынию и стал священником (и одним из двух главных героев) в романе «Дети ночи». Я был рад снова встретиться с ним и обнаружить, что, несмотря на увечье, он остался все тем же великодушным храбрецом, которого я знал еще ребенком в «Лете ночи». Еще через несколько лет он, уже перестав быть священником, промелькнул в качестве второстепенного персонажа (безымянного пилота вертолета на Гавайях) в романе «Костры Эдема», и я был страшно доволен, узнав, на ком он успел жениться после «Детей ночи» и чем теперь занимается.

Храбрая девчонка Корди Кук, «белое отребье» из «Лета ночи», которую я никак не рассчитывал снова повстречать и о которой не рассчитывал услышать, тоже появляется в «Кострах Эдема» важным персонажем второго плана. Сначала я удивился, узнав о ее богатстве, но потом в рассказываемой мною истории обнаружилась причина, и я все понял. Упорства Корди всегда было не занимать.

Еще один мой любимый герой-мальчишка из «Лета ночи» появляется важным персонажем второго плана в ироническом триллере 2000 года «Бритва Дарвина». Тощий младший братишка, отчаянный смельчак из Элм-Хейвена, к 2000-му превратился в калифорнийского специалиста по расследованию несчастных случаев, ростом шесть футов и два дюйма и весом двести тридцать фунтов; у него с женой своя собственная фирма, специализирующаяся на делах о страховом мошенничестве. Его чувство юмора осталось прежним. (И он все так же ненавидел, когда его называли «Ларри».) От этого персонажа мы узнаем кое-что и о том, что стало с его старшим братом.

Еще один участник Велосипедного патруля из Элм-Хейвена 1960 года появляется в качестве главного героя в романе 2002 года «Зимние призраки». Он успел сделаться преподавателем английского языка в Монтане, потерял жену и семью после вполне заслуженного им развода и, страдая от серьезного нервного срыва, принял решение (ужасное или чудесное – на ваш выбор) вернуться на кишашую призраками ферму рядом с Элм-Хейвеном, которая раньше принадлежала его другу детства, и написать там роман.

Как выяснилось, Элм-Хейвен и его застывшие окрестности из зимы 2000-го кардинально отличались от роскошного залитого теплым светом лета 1960-го. Но и главный герой «Зимних призраков» помнил события 1960-го иначе, чем о них рассказывалось в «Лете ночи». Сверхъестественное перестало быть сверхъестественным. Необъяснимое наконец... по большей части... объяснилось.

Когда я писал «Зимних призраков», моей целью было создать эдакую литературную ленту Мёбиуса из двух романов – почти что буквально перекрученную и закольцованную историю с двумя поверхностями, но с точки зрения топологии всего лишь с одной стороной. Можно прочертить карандашом линию по обеим сторонам физической трехмерной ленты Мёбиуса, не отрывая при этом кончик карандаша от бумаги, – точно так же читатель может прочесть «Зимних призраков» и «Лето ночи» как две отдельные истории, две отдельные, но равные (и странным образом взаимозависимые) реальности, которые обе тем не менее основаны на одних и тех же событиях.

Когда читатели говорят мне, что собираются прочесть обе эти книги, и спрашивают, с чего начинать: с «Лета ночи» или с «продолжения» – «Зимних призраков», я пытаюсь объяснить (и не всегда успешно), что второй роман – это на самом деле никакое не продолжение и не важно, с какой книги начинать. С чего бы вы ни начали, второй роман поможет прояснить второй. (Не важно, где вы приложите карандаш к бумаге, чтобы начертить бесконечную линию на ленте Мёбиуса.)

Но в «Зимних призраках» есть «привидение». Это привидение – неизгладимое воспоминание о персонаже-мальчишке, у которого было бесчисленное число возможностей в будущем и который погиб слишком рано, слишком жестокой смертью. Какое бы объяснение его гибели ни выбрал читатель, сама гибель окончательна и бесповоротна.

Или нет?

Как выяснилось, смерть одного из героев «Лета ночи» расстроила не одного меня. Во многих письмах, полученных мною из разных уголков света после публикации романа в 1991-м, корреспонденты требовали, чтобы я «воскресил персонажа». (Произошло ли это в «Зимних призраках» – решать читателю.)

В сердитых (или расстроенных и великодушных) письмах, обычных и электронных, приводились сложные схемы, объясняющие, каким образом этот интересный (и уязвимый) персонаж на самом деле не погиб: его просто унесли и законсервировали под каким-нибудь фермерским полем рядом с Элм-Хейвеном. (И прочее в том же духе.)

Много лет спустя, когда знакомая художница на сто двадцать пятую годовщину Центральной школы в моем колорадском городе, где я преподавал одиннадцать лет, создавала огромное настенное керамическое панно с ее изображением, многие спрашивали: «А кто тот грустный мальчик, выглядывающий из окна второго этажа школы?»

Это мой потерянный герой из «Лета ночи», и таким образом художник смог сделать так, чтоб он остался жить.

Дети, внезапно ставшие целевой аудиторией для коммерции

Огромная разница между детьми из Элм-Хейвена 1960-го и сегодняшними заключается в том, что мощнейшая машина американского капитализма, занятая рекламой и продажами, тогдашних детей из Элм-Хейвена пока еще для себя не открыла.

Самым ценным и дорогим имуществом любого мальчишки из Элм-Хейвена был велосипед, и этот велосипед у всех (за исключением разве что Кевина) либо переходил по наследству от старших братьев и сестер, либо покупался родителями, но весьма и весьма поддержанным. Мальчишки обожали свои велосипеды и не могли без них обходиться (в конце концов, это ведь благодаря велосипедам они свободно перемещались на немалые расстояния, а свобода воспринималась ими как должное). Хотя велосипеды и валялись по ночам перед домом и никто не боялся, что их украдут (за исключением того случая, когда негодяй Чак Комптон и его мерзкий прихвостень Арчи – это настоящие имена из моего прошлого – действительно их украли), мальчишки в основном обращались со своими бесценными средствами передвижения довольно небрежно. В частности, ребята из Элм-Хейвена (за исключением Кевина) имели привычку на полном ходу соскакивать с велосипедов, так что те сами по себе катились через чей-нибудь двор и падали или врезались в стену курятника Майка.

Еще одной действительно ценной вещью, которой обладал каждый мальчишка из Элм-Хейвена, была бейсбольная перчатка. Эти перчатки, дряхлые и по несколько раз перетянутые, не имели цены, поскольку почти все ребята не только выступали в команде «малой лиги» своего городка (и ездили в ближайшие, например в Кикапу в Иллинойсе, где на питчерской горке властвовал великий и ужасный Дейв Эшли), но еще и играли в бейсбол неделями напролет

с утра до ночи на школьном поле, располагавшемся за домами Дейла, Лоренса и Кевина, на северной стороне городка, где начинались бесконечные фермерские поля.

Но, кроме этих сокровищ (велосипедов и бейсбольных перчаток), остальное имущество мальчишек из Элм-Хейвена (за исключением Кевина Грумбахера, Чака Сперлинга и еще нескольких «богатеев») было драным, подержанным, перешедшим по наследству от старших или и первое, и второе, и третье сразу.

Мальчишки щеголяли в универсальном детском наряде – футболках и закатанных джинсах (довольно жестких по нынешним меркам). Из логотипов на футболке могла быть изображена разве что эмблема бойскаутов (такую футболку любил носить Дейл Стюарт). Лоренс и Харлен предпочитали старые форменные рубашки бойскаутов младшей дружины, от постоянных стирок сделавшиеся мягкими и тонкими и такие короткие (по крайней мере, у Джима Харлена), что выцветшие синие манжеты едва прикрывали локти.

Сама идея дизайнерских этикеток и логотипов показалась бы мальчишкам из Элм-Хейвена и их родителям дикой (исключение составляло разве что незаметное слово «Levi» на пуговицах джинсов).

Летом ребята из Элм-Хейвена носили простые или высокие кеды. Старые. Очень-очень старые. Носки и пальцы ног торчали почти из каждой такой пары обуви. Здесь выделялся только Дуэйн Макбрайд (этот толстяк весь состоял из исключений), который носил свои древние черные кеды круглый год. (А еще выцветшие вельветовые штаны и фланелевые рубашки, даже в самую жару.)

Здесь следует отметить, что у всех мальчишек из Элм-Хейвена, даже у бедняков вроде Майка О'Рурка, у которого в доме из водопровода имелаась только раковина с насосом, поэтому в туалет даже в самые холодные зимние ночи приходилось ходить на улицу (нужник, к несчастью для Велосипедного патруля, располагался прямо рядом с тем самым курятником, что очень удручало в жаркие летние деньки), так вот, у всех тем не менее, кроме «одежды для игр», была припасена отдельная «школьная одежда». Обычно джинсы в школу не надевали, а если все-таки надевали, то заправляли в них рубашку с воротником. Почти у каждого мальчишки была пара ботинок для школы, старых и разбитых, но эту обувь, как и самих ребят, тем не менее можно было несколько раз в год начистить до блеска.

Только Дуэйн Макбрайд каждый день носил одни и те же кеды и одежду.

Весь гардероб обычного мальчишки из Элм-Хейвена, вышедшего прогуляться летним днем, можно было бы оценить доллара в четыре с половиной – и то лишь когда те самые джинсы, футболка и кеды были еще новыми.

Порицание коммерциализации уже стало общим местом. (Хотя мне нравится, как это делает юный Элвин Гринман в образе Альфреда, пухлого молодого уборщика, из фильма 1947 года «Чудо на 34-й улице», который втолковывает Эдмунду Гвенну (уж точно настоящему Санта-Клаусу): «Ну да, в нашем мире полно всяких поганых „аций“, но одна из худших – это коммерциализация. Зашибай деньгу. Даже в Бруклине то же – и не важно, что символизирует Рождество, просто зашибай деньгу».)

Это было в 1947-м. Альфреду (и Санта-Клаусу) пришлось бы расстаться с челюстью, увидь они «коммерциализацию» двадцать первого века.

Пока я восемнадцать лет работал школьным учителем (да и после), моим наставником в важных вопросах образования был Нил Постман, писатель, критик, занимавшийся культурой и СМИ, и неизменный гуманист. Хотя Постман умер в 2003 году, его мысли о воздействиях технологий и культурных изменений на всех нас (но особенно на детей) сегодня актуальны как никогда. В 1971-м я дописывал свой магистерский диплом, готовясь стать учителем, и на тот момент важнейшей эпохальной книгой Постмана было «Преподавание как подрывная

деятельность»⁵. Из-за этой книги те, кто Постмана не понимал, сочли его очередным радикалом-шестидесятником. Много лет спустя, в 1979-м, в хаосе, последовавшим за 60-ми, Постман написал «Преподавание как сохраняющая деятельность»⁶, и те, кто его не понимал, сочли его консервативным сторонником Рейгана.

Нил Постман выходил далеко за рамки обоих этих несправедливо навешенных ярлыков. Он отлично понимал практически позабытое высказывание Андре Жида: «Единственное настоящее образование – это то, которое вступает с тобой в противоречие»⁷.

Что еще важнее, Постман понимал (и весьма красноречиво мог это объяснить), что пространство, место и понятие «детства», как мы его понимаем, не существовало для взрослых (и детей) до конца восемнадцатого века и было практически уничтожено к концу века двадцатого. (Как художник и любитель искусства, я очень хорошо осознавал первую часть этого утверждения: в течение многих веков на картинах и портретах детей просто-напросто не изображали в их естественных пропорциях, по крайней мере до начала девятнадцатого века. До середины восемнадцатого века дети везде представляли в виде эдаких уменьшенных взрослых с неправильными пропорциями головы и туловища, и дело тут было далеко не только в художественном упрощении. Художники, как и остальные их современники, просто-напросто считали детей маленькими взрослыми и изображали их соответственно.)

Эпоха, когда детство наконец признали отдельным самостоятельным периодом в жизни, периодом, для которого действуют другие правила (иными словами, периодом, когда дети не должны подвергаться тем же ужасам, требованиям, явлениям, которые составляют бремя взрослого человека), наступила по-настоящему только после изобретения печатного станка, когда люди дошли до предположения о том, что детская информационная среда должна отличаться от информационной среды взрослых (должна подвергаться большему ограничению).

И эта защитная стена рухнула. (Фактически, я представляю себе конец детства, наблюдаемый мною в конце двадцатого века, в виде исчезнувшей двери в родительскую спальню. Больше от детей не скрыто ничего из того, чем занимаются – включая секс, – о чем думают, говорят, спорят или волнуются взрослые, в том числе и родители.)

Повинуясь неосознанной привычке, мы приветствуем все технические и культурные революции последних десятилетий, но есть одна революция, над которой стоит задуматься.

Именно эта революция, провозглашенная почти всеми нами (включая родителей), убила мир детства, которым так наслаждались Дейл, Лоренс (ни в коем случае не Ларри), Майк, Кевин, Харлен, Корди, Донна Лу и многие другие ребята из Элм-Хейвена 1960-го. Постман пишет об этой революции, которая исключила понятие отдельного и защищенного детства, как его понимали в восемнадцатом и девятнадцатом веке, сделала его практически невозможным.

Я, разумеется, имею в виду «информационную революцию», из-за которой стало невозможно хранить от детей секреты – секреты, касающиеся секса, политики, социальной сферы, истории, медицины, то есть взрослой жизни в полном объеме, а ведь ее необходимо хотя бы частично скрывать от детей, если допустить существование этапа, известного как детство.

*Н. Постман. Мост в восемнадцатый век: как прошлое может улучшить наше будущее*⁸. С. 124

Без отдельных секретов и недомолвок нельзя создать защитный барьер между детством и самыми тяжелыми аспектами взрослой жизни.

⁵ Neal Postman, Charles Weingartner. *Teaching as a Subversive Activity*. New York: Delacorte Press, 1969.

⁶ Neal Postman. *Teaching as a Conserving Activity*. New York: Delacorte Press, 1979.

⁷ А. Жид. *Дневники*. Запись от 17 сентября 1935 г.

⁸ Neal Postman. *Building a Bridge to the Eighteenth Century: How the Past Can Improve Our Future*. New York: Alfred A. Knopf, 1999.

Детям из Элм-Хейвена казалось, что они имеют дело с ужасающими враждебными потусторонними силами: злобным и разумным колоколом Борджа в башне Старой центральной школы, мертвым пехотинцем, вернувшимся с того света, чтобы преследовать Мемо, неопишымым труповозом, – но дети никогда всерьез не подумали бы обратиться за помощью к родителям или другим взрослым (за единственным исключением, когда Майк пошел к молодому священнику, но это оказалось очень плохой идеей).

В те времена миры детей и взрослых просто-напросто существовали по отдельности. В романе «Лето ночи» каждый из персонажей-детей поневоле сталкивается с каким-либо ужасным аспектом мира взрослых: грубая сексуальность, смерть друга-сверстника, жестокость, одиночество, пьянство, – но в каждой такой ситуации дети из Элм-Хейвена черпают силы друг у друга и из своего отдельного мира с его тайнами и недомолвками, которые и были самым детством.

Сегодня дети всех возможных возрастов стали мишенями для рекламных кампаний и коммерции. Вместо джинсов «Левис» ребята из семей среднего класса хотят носить дизайнерские джинсы. Вместо ничем не примечательных футболок (или любимой футболки с эмблемой бойскаутов) они надевают рубашки с огромными логотипами, словно бы покупая возможность поработать вывеской для какой-нибудь корпорации. Слишком многие мальчишки сегодня хотят носить разную спортивную обувь: баскетбольные кроссовки, универсальные кроссовки, теннисные кроссовки, беговые кроссовки, – которая стоит от шестидесяти долларов за пару и больше, тогда как мальчишки из 1960 года всеми видами спорта занимались в своих обычных или высоких кедах. Девчонки в списке подарков к Рождеству указывают куклы марки «Америкэн гёрл», а те стоят от сотни долларов и выше.

Как писал Нил Постман в 1999 году: «Суть в том, что детство, если оно еще и осталось, теперь является экономическим понятием. Культура почти ничего не желает делать для детей – только превращать их в потребителей». В следующем десятилетии после того, как Постман написал эти слова, ситуация лишь ухудшилась. (Поскольку Постман, как я уже упоминал, умер в 2003-м, он, слава богу, не застал тошнотворный супермаркетинговый феномен а-ля Лолита, известный как «Ханна Монтана» и запущенный на канале «Дисней» в 2006-м.)

У Майка, Кевина, Лоренса, Дуэйна, Корди, Донны Лу, Дейла, Харлена и других детей из Элм-Хейвена 1960-го по большому счету денег не было, разве что иногда перепадал пятицентовик, который можно было потратить на холодную бутылку кока-колы в красном автомате в магазине на Мейн-стрит, где работала мама Майка, или на жвачку в автомате в кафе во время бесплатного сеанса в парке Бандстенд⁹. Огромное всевидящее око Мордора – множасьи СМИ и Мэдисон-авеню¹⁰ со своей армией орков – пока еще этих детей не нашло. Дети еще не были «потребителями».

Они пока были просто людьми.

Самый умный парень не из наших

Весь учебный год перед Старой центральной школой после занятий учителя выстраивали фермерских ребят, чтобы те расселись по автобусам, пока городские ребята ждали в классах, ерзая за партами. Когда эти автобусы разъезжались, наконец отпускали и городских.

Фермерские и городские. Это была серьезная разница. Городские все лето играли друг с другом, вместе разъезжали на велосипедах, организовывали Велосипедный патруль, играли в бейсбол. Фермерские... ну, почти всем им приходилось трудиться. Если поблизости жил какой-нибудь другой ребенок, до фермы которого можно было дойти пешком по бесконечным

⁹ Bandstand (англ.) – парковая эстрада.

¹⁰ Нью-йоркская улица, на которой располагались офисы главных рекламных агентств США.

кукурузным полям, такие дети проводили время вместе, плавали в коровьих водопоях, кидались комьями земли в силосную башню, стреляли по воробьям в амбаре из духовых ружей, но по большей части жизнь у фермерских была более уединенной и одинокой, чем у городских.

За исключением Дуэйна Макбрайда.

Дуэйн Макбрайд был исключением почти из всех правил.

Этот фермерский мальчишка жил в двух с лишним милях от Элм-Хейвена, но летом проводил время с Майком, Дейлом, Кевином и другими завсегдатаями курятника. Дуэйн входил в Велосипедный патруль, хотя у него не было велосипеда. Остальные мальчишки были худыми (отчасти из-за умеренного питания, но в основном потому, что весь год они непрерывно занимались какой-нибудь физической активностью на свежем воздухе), а Дуэйн Макбрайд был толстяком.

Остальные мальчишки мало пользы видели от школы, ведь она (как и учителя) была скучной. А Дуэйн вышел далеко за рамки возможностей Старой центральной, да и почти любой другой школы в принципе.

Дуэйн Макбрайд во многом был самоучкой, и притом блестящим. С некоторой помощью своего дяди Арта Дуэйн прочел огромное количество книг, художественных и нехудожественных, которые вполне подошли бы для списка литературы в каком-нибудь весьма солидном колледже. Зимой Дуэйн в основном сидел на ферме один, пока его отец где-то выпивал, и там выучил пять иностранных языков на разговорном уровне, оттачивая произношение с помощью старых пластинок в 78 оборотов, раздобытых в архивах библиотеки Оук-Хилла. Он прочел «Илиаду» на греческом, «Энеиду» на латыни и «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» Канта, набранные фактурой, на немецком. И все это успел проделать, пока ему еще не стукнуло и двенадцати.

У Дуэйна Макбрайда было и еще одно важное отличие.

Всех остальных персонажей-детей из «Лета ночи» я создал при помощи художественного искажения, перемешав характеры настоящих мальчишек и девчонок, с которыми был знаком, когда жил в крохотном городке Бримфилд. А Дуэйн Макбрайд – это сочетание двух молодых людей, которых я встретил намного позже, уже в колледже Уобаш в Индиане.

Одним из этих умнейших молодых людей, послуживших прообразами Дуэйна Макбрайда, был Кит Н. Кит учился на втором курсе, а я на четвертом, но он на много-много лет опережал меня как в учебе, так и в общей эрудиции. Кит жив-здоров, преподает греческий, латынь, античность, историю кино и другие предметы в средних размеров гуманитарном университете в Индиане. На научно-фантастических конвентах меня не раз спрашивали: «Дэн, вы общаетесь со Стивеном Кингом, Дином Кунцем, Харланом Эллисоном, Питером Страубом, Дэвидом Морреллом и многими другими замечательными писателями. Кого вы можете назвать самым умным человеком из всех?»

И каждый раз я вынужден ответить: «Самый умный человек из всех, кого я знаю, – это, вероятно, один парень по имени Кит Н.»

Иногда у меня, возможно, и возникают сомнения по этому поводу, но недавно Кит приезжал на свадьбу моей дочери здесь в Колорадо. Я смотрел и слушал, как он беседует с другими гостями: художниками, социологами, редакторами, домохозяйками, пилотами, лингвистами, киноагентами, врачами, консультантами, специализирующимися на наркозависимости, членами университетской приемной комиссии, видеопродюсерами, – и абсолютно каждый раз Кит знал о профессиональной сфере собеседника столько, что создавалось впечатление, будто тот беседует с коллегой. Глядя на все это, я понял, что был прав: он почти наверняка самый умный среди огромного количества очень умных людей, с которыми я знаком.

Вторым прототипом Дуэйна Макбрайда (его тоже звали Дуэйн) был мой друг по колледжу, которого убили всего через пару лет после нашего выпуска. На последнем курсе в Уобаше я основал подпольный литературный журнал «Сатир» и работал в нем главным редактором, и

там я публиковал некоторые рассказы и публицистику Дуэйна. Блестящие работы. Блестящий автор. Блестящий и несчастный.

О нашей то прекращавшейся, то начинавшейся снова дружбе (и о нашем литературном соперничестве в колледже, которое существовало лишь в голове Дуэйна), а также о его убийстве и моих неудачных попытках учредить в Уобаши литературную премию его имени – обо всем этом можно подробно прочитать в моем эссе «Писать хорошо» в архиве на веб-сайте: http://www.dansimmons.com/writing_well/archive/2009_12.html

Да, я тоже не люблю интернет-ссылки в печатных книгах. Признаю, пользы от такой ссылки мало, разве что вы читаете все это на электронной читалке. И чтоб совсем уж вас доконать, октябрьское и ноябрьское эссе «От Дэна» на том же самом сайте были написаны в форме двухчастного рассказа, действие которого разворачивается в Элм-Хейвене, там есть некоторые мальчишки из Элм-Хейвена, а происходит все – или, во всяком случае, начинается – во время теледебатов Кеннеди и Никсона 21 октября 1960 года.

Но берегись, читатель!

События в этих мини-рассказиках затрагивают не только октябрь 1960-го, следующий за летом, описанным в романе «Лето ночи», но и будущее многих основных персонажей романа несколько десятилетий спустя. Вам может не понравиться. Читайте эти два бесплатных кусочка на свой страх и риск и только после того, как прочтете «Лето ночи»:

http://www.dansimmons.com/news/message/2008_10.html

http://www.dansimmons.com/news/message/2008_11.html

Но вернемся ненадолго к Дуэйну Макбрайду.

Я с таким удовольствием создавал этого персонажа и писал о нем отчасти по той простой причине, что Дуэйн был, по всей видимости, единственным настоящим гением, которого мне случалось изображать в своих произведениях.

Мы слишком небрежно обращаемся со словом «гений» – часто используем его, лишь чтобы охарактеризовать особенно умного человека. Но магистерский диплом в сфере педагогики и последовавшее за ним обучение в Нью-Йоркской Комиссии контактных образовательных служб, и не только там, подготовили меня к работе как с детьми из начальной школы, имеющими серьезные проблемы в развитии, так и с детьми очень одаренными.

Дуэйн Макбрайд был той самой редчайшей птицей – глубоко и всесторонне одаренным ребенком. В реальном мире у нас с вами столько же шансов наткнуться на живого гения, сколько и на инопланетянина.

Все пренебрежительно относятся к тестам на коэффициент интеллекта, но это до сих пор единственный надежный способ предсказать успех в учебе и профессиональной сфере. Вот уже сто лет в тестах на *IQ* измеряют пресловутый «фактор общего интеллекта», и при этом никто так толком и не знает, что это такое, но (по крайней мере, в западной цивилизации, основанной на книгах и знании) он может быть решающим фактором, определяющим вашу жизнь.

Вспомним, что стандартное отклонение в таком тесте – пятнадцать баллов. Итак, если предположить, что большинство из нас демонстрируют результат около среднего значения в сто баллов, мы все привыкли иметь дело с людьми, входящими в стандартное отклонение – пятнадцать баллов или уровень *IQ* около восьмидесяти пяти баллов, – но ниже нас по шкале. Мы даже знаем, как вежливо держать себя с теми, кто находится на уровне двух стандартных отклонений от нормы, с *IQ* где-то около семидесяти (результат на грани серьезного умственного расстройства).

Разница в три стандартных отклонения уже практически непреодолима (попытка коммуникации с человеком на уровне *IQ* пятьдесят пять или ниже). В каком-то смысле эти люди не входят в человеческое разумное сообщество.

Но то же самое верно и в отношении тех исключительных людей, которые умнее нас. Мы часто поражаемся тем, кто демонстрирует стандартное отклонение в большую от нас сторону. Часто работаем на одаренных людей с уровнем *IQ* сто тридцать и выше (два стандартных отклонения от нормы). Большинство из нас (мы можем знать об этом или не знать) встречают как минимум одного человека с тремя стандартными отклонениями от нормы. К добру или к худу, такие люди обычно меняют этот мир.

А Дуэйн Макбрайд?

Уровень *IQ* у Дуэйна, возможно, был около двухсот двадцати (более семи стандартных отклонений от нормы), но, к несчастью (или к счастью), тесты *IQ* не могут точно измерить интеллект такого уровня. Он в буквальном смысле зашкаливает. И во многих отношениях находится за пределами нашего понимания.

Мне интересен тот факт, что Майк, Дейл, Лоренс, Кевин и большинство других детей так сильно любили Дуэйна Макбрайда, хотя он частенько говорил непонятные тогда для них вещи. Дейл Стюарт, которого мы знаем по «Зимним призракам», стал уважаемым преподавателем колледжа и писателем, но всегда понимал, что даже на пике своей академической карьеры не знает столько, сколько знал его друг Дуэйн Макбрайд в свои одиннадцать лет.

С наибольшим подозрением к Дуэйну относился, пожалуй, Джим Харлен, но, как я позже выяснил в своем рассказе о предвыборных дебатах и в других местах, Харлен сам отличался острым умом, причем ущербным и завистливым. Он последовал своим собственным темным путем.

Я в буквальном смысле любил персонажа Дуэйна Макбрайда. С удовольствием бы проследил за его последующими приключениями (возможно, в политике и уж точно в какой-либо интеллектуальной области). Он был у меня Майкрофтом при менее сообразительном Шерлоке Холмсе; Ниро Вульфом, в дедукции и мышлении на голову превосходившим окружающих его простачков Сэмов Спейдов, да еще добавьте сюда толику таланта рассказчика, как у Питера Устинова¹¹. Я бы с радостью стал Дуэйну Макбрайду другом, хотя бы для того, чтобы поучиться у него, как я учился у Кита Н. и у того настоящего Дуэйна.

Но в конечном итоге я совершенно не удивился, узнав, что у Дуэйна Макбрайда был лишь один лучший душевный друг – его старый пес колли по кличке Виттгенштейн.

Бесплатный сеанс

В жизни нечасто случается воспроизвести произведение искусства, воспроизводящее жизнь. Но не так давно подобная возможность мне представилась.

Центральная метафора и узловый образ в «Лете ночи» – это бесплатный сеанс. Летом в Элм-Хейвене в 1960 году почти каждый субботний вечер на стене кафе в парке показывали кино – точно такие же бесплатные сеансы были частью моего детства в Бримфилде. Я снова отсылаю вас к архиву на сайте, где можно найти настоящую фотографию бесплатного сеанса (вместе с фотографиями настоящих детей, послуживших прообразами для Майка О’Рурка, Кевина Грумбахера, Джима Харлена, Дейла Стюарта, Лоренса Стюарта и остальных):

<http://www.dansimmons.com/about/snapshots2.htm>

На последнем снимке 1960 года с этой страницы изображены люди, сидящие на одеялах и в кузовах пикапов, и дети на эстраде, которые ждут, пока начнется тот самый бесплатный сеанс из реальной жизни.

¹¹ *Ниро Вульф* – частный детектив из романов Рекса Стаута. *Сэм Спейд* – частный детектив из «Мальтийского сокола» и ряда других произведений Дэшила Хэммета. *Питер Устинов* (1921–2004) – британский актер театра и кино, постановщик, драматург, писатель, теле- и радиоведущий; в шести фильмах 1978–1988 гг. («Смерть на Ниле», «Зло под солнцем» и др.) исполнил роль Эркюля Пуаро.

Смена кадра. Наш новый дом, где мы живем с 2007 года. Почти сразу после переезда сюда мы с Карен (наша взрослая дочь Джейн часто нам в этом помогала) запустили Летние кино вечера Симмонсов (кино под звездами!). Летом по субботам друзья и соседи регулярно приходят, усаживаются в нашем дворе, где выключено все освещение (за исключением желтых лампочек на ближайшей беседке, в которой на скамейке выставлены попкорн, лимонад и другое угощение), и смотрят старые фильмы, демонстрируемые при помощи цифрового проектора на огромном экране, который мы с таким трудом установили.

По большей части посетителям Летних кино вечеров Симмонсов, вероятно, известно, что я писатель, но это не имеет никакого отношения к нашим кинобеседам на заднем дворе. Зато к этим беседам имеют отношения электронные письма для киновикторины, которые я рассылаю приглашенным, с вопиюще подробными вопросами, скажем, о «Поющих под дождем». (В конце этого лета господин с дамой, которые выиграли несколько таких весьма сложных викторин, вручили нам с Карен «Почетный Оскар» за поддержание неугасаемого интереса к искусству кинематографа. Как мы выяснили, эту довольно тяжелую статуэтку они приобрели в Голливуде – в единственном лицензированном магазине в США, где можно купить такие.)

В последний кино вечер прошлого лета (так трудно представлять его сейчас, когда я в первый декабрьский день смотрю в окно, где уже садится солнце, хотя еще только прошла половина пятого) я сказал всем, что объясню, почему же мы устроили эти вечера. А потом достал экземпляр «Лета ночи» и прочитал следующий отрывок сорока с лишним людям, сидевшим в сумерках на складных стульях, детям, валявшимся на спальных мешках на пахнущей поздним летом траве:

Бесплатный сеанс обычно начинался после заката, но зрители собирались в парке Бандстенд значительно раньше, когда блики солнечного света еще озаряли Мейн-стрит и, подобно рыжей кошке, медленно уползали с прогретого тротуара. Экран натягивали на стене паркового кафе. Фермеры приезжали целыми семьями и спешили занять лучшие места на стоянке вдоль Брод-авеню, на той стороне, что прилегала к парку. Пристроив свои пикапы и фургоны, они располагались на травке или присаживались на эстраду, чтобы поболтать с горожанами и узнать все городские новости. Большинство же местных жителей подтягивались уже в сумерках, когда на фоне быстро темнеющего неба в воздухе бесшумно скользили летучие мыши. Брод-авеню под аркой высоких вязов превращалась в темный туннель, открывающийся в светлую широту Мейн-стрит и заканчивающийся ярко освещенным островком парка, где не смолкали шум и смех.

Традиция бесплатных сеансов уходила корнями во времена Второй мировой войны, когда ближайший кинотеатр – «Эвалтс Палас» в Оук-Хилле – был закрыт в связи с тем, что сын Эвалтса Уолт, единственный в городе киномеханик, поступил на службу в морской корпус. Фильмы еще демонстрировали в Пеории, но из-за нормированного отпуска бензина большинство горожан не могли позволить себе такую роскошь, как путешествие длиной в сорок миль.

Решение проблемы взял на себя старший мистер Эшли-Монтегю: летом 1942 года он каждую субботу привозил из Пеории проектор, вешал на стену кафе белое полотнище высотой двадцать футов и показывал всем желающим журналы новостей, хронику войны, мультфильмы и художественные ленты.

<...>

Вот и сегодня, с наступлением четвертого вечера июня 1960 года, длинный «линкольн» мистера Эшли-Монтегю припарковался на специально подготовленном для него месте у западной стенки эстрады. Увидев, как мистер Тейлор, мистер Сперлинг и другие члены городского совета помогают выгрузить и установить на деревянную платформу массивный проектор, зрители торопливо расселись на скамьях и разостланных прямо на траве одеялах. Детей шуганули из-под эстрады и с нижних ветвей ближайших деревьев. Родители усадили их на складные

стулья, поставленные в кузовах грузовичков и пикапов, вручили мешочки с попкорном, и парк погрузился в напряженную тишину ожидания. Небо над верхушками вязов становилось все темнее и темнее, и полотно экрана на стене кафе наконец засветилось и ожило.

Если вы собираетесь прочесть «Лето ночи» в первый раз, надеюсь, что «сеанс» вам понравится. А если вы тут уже бывали – добро пожаловать обратно в Элм-Хейвен.

Дэн Симмонс
Колорадо
1 декабря 2010 года

Я хотел бы поблагодарить Крейга и Криса Вульффов, Джеймса Д. Френча, Брэда Миллера, Уильяма Коулмена и других участников моего онлайн-форума за помощь в поиске исследований для комментариев о пространстве, в котором могут перемещаться дети.

В число этих замечательных исследований входят:

Asthana A, “Kids need the adventure of risky’ play,” *The Observer*, Sunday 3 August, 2008 (А. Астана. «Детям необходимы приключения в виде рискованных игр»);

Barnardo’s, *Playing it Safe*, London: Barnardo’s, 1995 (Благотворительная организация Барнардо. «От греха подальше»);

Carver A, Timperio A and Crawford D, “Playing it safe: the influence of neighbourhood safety on children’s physical activity,” Centre for Physical Activity and Nutrition Research, School of Exercise and Nutrition Sciences, Deakin University, Vic. 3125, Australia Received 31 August 2006; received in revised form 18 June 2007; accepted 19 June 2007 (А. Карвер, А. Тимперлио, Д. Кроуфорд. «От греха подальше: как безопасность в районе влияет на физическую активность детей»);

Cunningham, J, “Children’s unsupervised play is not a luxury, but a crucial aspect of their development,” Play Scotland annual conference 2001, article published 3 January 2002; Derbyshire D, “How children lost the right to roam in four generations,” *Daily Mail*, 15 June, 2007 (Дж. Каннингэм. «Игры детей без надзора взрослых – это не роскошь, но важнейший аспект развития»);

Ennew J, “Time for children or time for adults?,” in J Qvortrup, M Bardy, G Sgritta and H Wintersberger (eds) *Childhood Matters: Social Theory, Practice and Politics*, Aldershot: Avebury Press, 1994 (Дж. Инню. «Время для детей или время для родителей?»);

Gaster S, “Urban Children’s Access to their Neighborhoods: Changes over three generations,” *Environment and Behaviour*, January 1991, 70–85 (С. Гастер. «Доступ городских детей к своему району: как он изменился за несколько поколений»);

Hillman M, Adams J and Whitelegg J, *One False Move... A Study of Children’s Independent Mobility*, London: Policy Studies Institute, 1990 (М. Хиллман, Дж. Адамс, Дж. Уайтлегг. «Один неверный шаг... Исследование независимой мобильности детей»);

Skenazy, L, *Free Range Kids: How to Raise Safe, Self – Reliant Children (Without Going Nuts from Worry)*, одноименный сайт (Л. Сkenaзи. «Свободные дети: как вырастить самодостаточных осторожных детей и не сойти при этом с ума от тревоги»);

Whewey R and Millward A, *Child's play: Facilitating play on housing estates*, London: Chartered Institute of Housing, 1997 (Р. Вивей, А. Миллвард. «Детские игры: как устроить игру в жилом районе»).

Вывод, который можно сделать из всех вышеперечисленных исследований, таков: нынешнее поколение родителей до ***рачки трясется за своих детей, и, руководствуясь этим страхом, родители чрезмерно следят за ними, чрезмерно волнуются за них, чрезмерно организуют их жизнь и чрезмерно ими руководят – и таким образом крадут у молодого поколения пространство, время, тайны и недомолвки, которые необходимы, чтобы детство выжило в двадцать первом веке.

Дэн Симмонс

Уэйну, который был там, когда все случилось

Глава 1

Погруженная в безмолвие Старая центральная школа стояла непоколебимо и упрямо хранила свои тайны. Меловая пыль, скопившаяся за последние восемьдесят четыре года, кружилась в редких проблесках солнечного света, и воспоминания о тех, кто ушел отсюда за более чем восемь десятилетий, витали над темными лестницами и коридорами, наполняя застоявшийся воздух ароматом смерти – характерным запахом гробов из красного дерева. Стены Старой центральной были столь толстыми, что, казалось, поглощали все звуки, а свет, лившийся сквозь высокие старинные окна с искривленными от времени и собственной тяжести стеклами, имел легкий оттенок сепии.

Время в Старой центральной текло медленно, а то и вовсе останавливалось. Гулкое эхо шагов плыло вдоль коридоров и парило над лестницами, но звук его был странно приглушен и никак не совпадал с движением в полумраке.

Первый камень Старой центральной школы был заложен в 1876 году. В тот год армия генерала Кастера была наголову разбита возле реки Литл-Бигхорн¹², что текла далеко на западе, а посетителям филладельфийской выставки Столетия¹³ продемонстрировали первый телефонный аппарат. Школу возвели в Иллинойсе, как раз на полпути между штатами, где произошли эти два события, но движение истории ее не коснулось.

К весне 1960 года Старая школа стала походить на тех древних учителей, которые в ней преподавали: слишком старая, чтобы продолжать работать, но слишком самолюбивая, чтобы согласиться на отставку, – словом, сохраняющая горделивую осанку скорее по привычке и из упорного нежелания склониться. Бесплодная самка, озлобленная старая дева, Старая школа десятилетие за десятилетием брала напрокат чужих детей.

В сумраке ее огромных классных комнат и коридоров девочки играли с куклами, а повзрослев, умирали родами. Мальчики с криками носились по рекреациям и отбывали наказание в темных запертых чуланах, а потом находили вечный покой в местах, никогда не упоминавшихся на уроках географии: Сан-Хуан-Хилл¹⁴, Белло-Вуд¹⁵, Окинава¹⁶, Омаха-Бич¹⁷, Порк-Чоп-Хилл¹⁸ или Инчхон¹⁹.

В первые дни существования здание Старой центральной было окружено молоденькими саженцами. Теплыми майскими и сентябрьскими днями росшие возле самых стен стройные вязы дарили спасительную тень классным комнатам нижнего этажа. Но с годами ближние к

¹² Битва на реке Литл-Бигхорн между индейцами племен тетонов и шайеннов и Седьмым кавалерийским полком во главе с генералом Дж. Кастером произошла в штате Монтана 25 июня 1876 г. После одной из контратак индейцев кавалеристы отступили, потеряв 265 человек убитыми, в том числе и генерала Кастера. Это был последний случай, когда индейцам удалось одержать победу над армейским подразделением, уничтожив всех его солдат.

¹³ Выставка 1876 г., посвященная 100-летию образования США.

¹⁴ Сражение за высоту Сан-Хуан (Battle of San Juan Hill) – крупное вооруженное столкновение в период испано-американской войны, произошедшее 1 июля 1898 г. недалеко от г. Сантьяго (Куба).

¹⁵ В ходе Первой мировой войны в битве у леса Белло (Belleau Wood) – лесного массива на севере Франции – морской десант армии США одержал первую победу (6 июня 1918 г.).

¹⁶ Окинава – самый крупный остров в архипелаге Рюкю (Япония). Во время Второй мировой войны – место кровопролитных боев между японской и американской армиями (1 апреля – 21 июня 1945 г.), закончившихся победой американцев.

¹⁷ Одно из мест высадки войск союзников на побережье Нормандии (6 июня 1944 г., так называемый D-Day – день высадки) во время Второй мировой войны, где шли наиболее кровопролитные бои, вошло в историю под кодовым названием «Омаха-Бич».

¹⁸ Неподалеку от холма Порк-Чоп (Pork Chop Hill) 23 июня 1951 г. произошло одно из наиболее ожесточенных сражений корейской войны 1950–1953 гг.

¹⁹ Инчхон (Южная Корея; другое название: Чемульпо) – город на Желтом море, аванпорт Сеула. 15 сентября 1950 г. командующий американскими войсками во время корейской войны генерал Дуглас Макартур провел дерзкую и рискованную операцию по высадке десанта у этого считавшегося практически неприступным порта.

школе деревья умерли, а уцелевшие гигантские вязы, молчаливыми стражами выстроившиеся по периметру школьного участка, от старости и болезней засохли и превратились в жутких сучковатых уродцев. Их голые ветви, словно узловатые руки самой Старой центральной, отбрасывали длинные тени на игровые площадки и спортивные поля. Но и в строю этих величественных патриархов были свои, хоть и немногочисленные, потери: несколько деревьев давно уже срубили и куда-то увезли.

Те, кто приезжал в городок Элм-Хейвен²⁰ и не считал за труд свернуть с Хард-роуд и пройти пешком два квартала, чтобы взглянуть на Старую школу, часто ошибались, принимая ее за непомерно огромное здание администрации округа или какого-то иного учреждения, почему-то построенное в столь необычном месте. Абсурдные размеры этого строения многие объясняли чрезмерным – хотя и непонятно, на чем основанным, – тщеславием местных жителей. И действительно, вследствие каких причин и ради какой цели в городке, население которого едва насчитывало тысячу восемьсот человек, была возведена столь грандиозная трехэтажная постройка, да еще к тому же и стоящая совершенно обособленно?

Однако почти сразу эти же путешественники обращали внимание на хорошо оборудованные детские площадки и понимали, что перед ними школа. Причем довольно странная. Витиевато украшенная медью и бронзой башня покрылась зеленым налетом; ярь-медянка²¹ расцветила даже ее круто поставленную островерхую черную крышу, расположенную в пятидесяти футах над землей. Каменные арки, несомненно относящиеся к романскому стилю Ричардсона²², змеями взмывали над высокими, не менее двенадцати футов, окнами; россыпь круглых и овальных витражей на фасаде создавала впечатление какого-то странного гибрида школы и кафедрального собора; а щипцовая крыша и мансардные окна над ажурными карнизами третьего этажа заставляли вспомнить об архитектуре французских замков. Необычные волюты, похожие на окаменевшие свитки, создавали своеобразный орнамент над глубоко утопленными в стены дверями и слепыми окнами. Но наиболее сильно поражали всех неоправданно исполинские и даже в какой-то мере зловещие размеры здания.

Так или иначе, но Старая центральная школа с ее неуклюжей башней, с тремя рядами окон и чрезмерно тяжелыми карнизами, с остроконечными окнами мансарды – а фактически четвертого этажа – и необычной крышей казалась совершенно неуместной в таком городке.

Любой обладающий даже незначительным понятием об архитектуре как таковой непременно остановился бы на тихой мощеной улице, вышел из машины и, ахнув от удивления, щелкнул затвором фотоаппарата.

Но тут же, в считанные доли секунды, наблюдательный человек непременно заметил бы, что высокие окна похожи на огромные черные дыры – как будто они были спроектированы для того, чтобы поглощать свет, а не отражать его, – что элементы ричардсоняны, ампира Второй империи, равно как и итальянские мотивы, служили лишь внешним украшением грубой и примитивной в своей основе готики, характерной для архитектуры Среднего Запада, и что наибольшее впечатление производило не само по себе странное здание, сочетавшее в своем облике абсурдное разнообразие архитектурных деталей, а именно увенчанная башней невероятно огромная масса кирпича и камня, явно спроектированная сумасшедшим.

Кое-кто из путешественников, стараясь не поддаваться растущему чувству дискомфорта, а то и вовсе его игнорируя, мог бы обратиться с расспросами о Старой школе к местным

²⁰ Как говорил автор в предисловии, прообразом Элм-Хейвена послужил городок Бримфилд в штате Иллинойс, однако название Элм-Хейвен явно перекликается с Нью-Хейвеном – городом-портом на юге штата Коннектикут, на берегу пролива Лонг-Айленд, известным также как Elm City (Город вязов).

²¹ Ярь-медянка – зеленые или голубоватые отложения, формирующиеся со временем на меди, латуни или бронзе.

²² Ричардсон, Генри Хобсон (Richardson, Henry Hobson; 1838–1886) – архитектор. Окончил Гарвардский университет (1859) и Школу изящных искусств в Париже (1865). Создал неповторимый романский стиль Ричардсона (Richardsonian Romanesque). Функционально четко организуя постройки, заложил основы рационализма в американской архитектуре.

жителям или даже поехать в Оук-Хилл, главный городок округа, чтобы просмотреть записи и получить официальные сведения. В таком случае ему удалось бы обнаружить, что Старая центральная школа являлась частью генерального плана восьмидесятилетней давности, согласно которому в округе надлежало построить пять грандиозных школ: Северо-Восточную, Северо-Западную, Центральную, Юго-Восточную и Юго-Западную. Центральную возвели первой, и случилось так, что она осталась и единственной.

В семидесятых годах девятнадцатого века Элм-Хейвен был значительно больше, чем теперь, во второй половине века двадцатого, – отчасти благодаря железной дороге (ныне полностью заброшенной), а отчасти по причине массового наплыва иммигрантов, привлеченных из Чикаго амбициями градостроителей. Население округа, в 1875 году насчитывавшее двадцать восемь тысяч человек, к 1960 году, согласно проведенной тогда переписи, уменьшилось до двенадцати тысяч, причем большинство из них составляли фермеры. Число жителей Элм-Хейвена в том же 1875 году составляло четыре тысячи триста человек, и судья Эшли, миллионер и главный вдохновитель постройки Старой центральной школы, предсказывал, что скоро город опередит по числу жителей Пеорию и когда-нибудь сможет соперничать с Чикаго.

Архитектор, которого судья Эшли привез откуда-то с востока, – некий Солон Спенсер Олден – учился как у Генри Хобсона Ричардсона, так и у Р. М. Ханта²³, однако кошмарный плод этого обучения отразил только темные стороны романского Ренессанса и был напрочь лишен того великолепия и открытости, которые предлагали сооружения чисто романского стиля.

Судья Эшли настаивал – и жители городка с готовностью с ним согласились, – что школа должна быть построена с учетом того обстоятельства, что впоследствии она примет под свою опеку не одно поколение детей округа Кревкер²⁴ и число учащихся будет постоянно увеличиваться. Кабинеты оборудовали не только для начальных классов, но и для средней школы – ей отвели весь третий этаж. Правда, занятия там шли только до Первой мировой войны. Проектировщики предусмотрели и дополнительные помещения, в которых могла пока расположиться городская библиотека, а впоследствии, если в том возникнет необходимость, даже колледж.

Но колледж так и не был создан не только в Элм-Хейвене, но и во всем округе. После того как во время Депрессии 1919 года сын судьи Эшли разорился, их огромный фамильный дом, стоявший в конце Броуд-авеню, сгорел дотла. А Старая центральная на многие десятилетия осталась лишь начальной школой. По мере того как люди покидали город и новые школы возводились в других местах, ее посещало все меньше и меньше детей.

Третий этаж, предназначенный для старших классов, оказался совершенно ненужным уже к 1920 году, когда в Оук-Хилле построили настоящую среднюю школу. В полностью оборудованных классах воцарились мрак и паутина. В 1939 году располагавшаяся на одном этаже с начальной школой городская библиотека выехала из зала со сводами, а книжные полки на его просторных антресолях практически опустели и немо взирали на немногих учеников, семьящих по огромному проходу, спускающихся по чрезмерно широким лестницам или слоняющихся по полутемным подвальным помещениям словно в поисках пристанища в каком-то давно заброшенном городе невообразимо далекого прошлого.

²³ *Ричард Моррис Хант* (Richard Morris Hunt; 1828–1895) – американский архитектор, одна из наиболее примечательных фигур в развитии зодчества XIX в. Был первым американцем, окончившим Школу изящных искусств в Париже (1851–1854). Автор проекта постамента статуи Свободы.

²⁴ Французский исследователь и путешественник Рене Робер Кавелье де ла Саль (1643–1687) в 1667 г. прибыл в Северную Америку и впоследствии предпринял несколько экспедиций с целью расширения там французских владений. Во время одной из них построил на берегу озера Пеория форт Кревкер, позднее давший название всему административному округу. Возможно также, что название округа связано с именем Сент-Джона де Кревекура (Crevecoeur, St. John, de; 1735–1813), француза по происхождению, жившего в Америке в 1755–1781 гг. В 1782 г. он опубликовал в Европе сборник «Письма американского фермера» (*Letters from an American Farmer*), в котором создал идеализированную картину жизни поселенцев в Америке, ее природы и политического устройства и одним из первых назвал Америку «плавильным котлом» (melting pot), превращающим иммигрантов в новых, свободных людей.

Наконец осенью 1959 года новый городской совет и совет школ округа решили, что Старая центральная пережила свое время и что даже в нынешнем полупустом состоянии это архитектурное чудовище требует слишком много времени, сил и средств для отопления и поддержания в нем элементарного порядка, а потому гораздо целесообразнее с осени 1960 года перевести оставшихся здесь сто тридцать четыре ученика в новую объединенную школу в Оук-Хилле.

Как бы то ни было, но весной того же года, в последний день школьных занятий, всего за несколько часов до принудительной отставки, Старая центральная все еще стояла непоколебимо, погруженная в безмолвие, и упрямо хранила свои тайны.

Глава 2

Шестиклассник Дейл Стюарт сидел за партой в одном из классов Старой школы, твердо уверенный в том, что последний день занятий – это наихудшее из наказаний, выдуманных взрослыми для детей.

Время тянулось медленнее, чем в приемной дантиста, медленнее, чем после ссоры с мамой – в ожидании прихода отца и неминуемого наказания, медленнее, чем...

В общем, все было просто ужасно.

Часы, висевшие на стене над головой Двойной Задницы, показывали два часа сорок три минуты. Календарь на той же стене сообщал, что сегодня среда, 1 июня 1960 года, последний день школьных занятий, последний скучный день, который Дейлу и другим оставалось вытерпеть в чреве Старой центральной. Но на самом деле время словно остановилось, причем так намертво, что Дейл чувствовал себя увязшим в янтаре насекомым, похожим на того паука в желтом камне, которого отец Кавано одолжил однажды Майку.

Делать было *совершенно нечего*. Не было возможности даже учить уроки: все учебники шестиклассники сдали в школьную библиотеку еще в половине второго, и миссис Даббет скрупулезно их проверила, фиксируя малейший урон, нанесенный книге последним обладателем, хотя Дейл понятия не имел, каким образом она отличала новые повреждения от прошлогодних... Когда все было закончено и в сделавшейся вдруг неестественно пустой классной комнате не осталось ничего, кроме голых досок объявлений и дочиста надраенных деревянных парт, Двойная Задница равнодушно предложила ученикам «что-нибудь почитать». При этом ей было отлично известно, что книги, взятые в школьной библиотеке, были сданы еще в прошлую пятницу под страхом невыдачи табелей с итоговыми отметками.

Дейл, конечно, мог бы принести что-нибудь почитать из дома, например книжку о Тарзане, после полуденного обеда оставленную раскрытой на кухонном столе, или один из «эйс-дублей»²⁵, который он тоже читал на этих днях. Но хотя Дейл успевал проглатывать по несколько книг в неделю, ему и в голову не приходило, что можно заниматься этим в стенах школы. В школе полагалось выполнять письменные задания и слушать учителей, которые после объяснения материала задавали такие простые вопросы, что даже шимпанзе мог бы отыскать в учебнике правильный ответ.

Итак, Дейл и остальные двадцать шесть его одноклассников томились во влажной духоте класса, а тем временем небо за окнами темнело, обещая бурю. Старую центральную уже окутывал мрак, – казалось, даже сам воздух в здании сделался тусклым и тяжелым. Лето словно застыло у порога школы, замерли стрелки на часах, и пыльное безмолвие накрыло учеников подобно одеялу.

Дейл сидел за четвертой партой во втором ряду справа. Со своего места он отлично видел коридор, темневший за входом в раздевалку, дверь в пятый класс, где сидел его лучший друг Майк О'Рурк, так же как и Дейл, нетерпеливо ожидавший конца учебного года. Майк был ровесником Дейла – даже на месяц старше, – но, после того как О'Рурку пришлось по второму заходу пройти программу четвертого класса, мальчиков разделила пропасть величиной в целый учебный год. Майк воспринял случившееся с тем же апломбом, с каким он воспринимал большую часть жизненных коллизий: посмеялся над своей неудачей и остался прежним верховодом на школьном дворе и среди друзей. И не проявил ни малейшей обиды на миссис

²⁵ *Ace double (англ.)* – сборник из напечатанных «спина к спине», перевертышем, двух фантастических повестей разных авторов; иногда такие сборники, публиковавшиеся издательством «Ace Books» с 1952 г., включали и две повести одного автора.

Гроссейнт, старую каргу, которая оставила его на второй год просто так, из чистой злобы, – Дейл, во всяком случае, в этом ничуть не сомневался...

В самом классе у Дейла тоже было несколько закадычных приятелей – например, Джим Харлен, которого миссис Даббет сажала за переднюю парту первого ряда, чтобы приглядывать за ним. Сейчас Харлен, положив голову на руки, медленно обводил взглядом класс, и в его глазах плясали озорные искорки. Дейл видел этот танец и вполне разделял настроение друга, но изо всех сил старался скрыть свои чувства. Харлен заметил, что Дейл смотрит на него, и скорчил рожу. Его на редкость подвижный рот мог принимать любую форму, как у фигурки из «Силли Патти»²⁶.

Двойная Задница кашлянула, и Харлен живо повернулся к доске.

В ряду у окон сидели Чак Сперлинг и Диггер Тейлор – приятели, классные вожаки, заводилы. Отчаянные шутники. Дейл нечасто видел Чака и Диггера вне школы, разве что на играх «малой лиги»²⁷ и на практике. За Диггером сидел Джерри Дейзингер – как всегда в поношенной, застиранной футболке. Вне школы все носили футболки и джинсы, но только самые бедные из учеников, такие как Джерри и братья Корди Кук, надевали их в школу.

Позади Джерри была парта этой самой Корди. Сейчас ее простецкое, круглое, с навечно застывшим на нем тупым выражением и совершенно бесцветными глазами лицо было обращено к окну, хотя было ясно, что она там ничего не видит. Корди жевала резинку – она всегда ее жевала, но по каким-то странным причинам миссис Даббет никогда этого не замечала и не делала девочке выговоров. Вот если бы Харлен или кто другой из классных фигляров позволил себе такое, миссис Д. тут же выгнала бы его... Но для Корди это было абсолютно естественное занятие. Дейл пока еще не слышал о существовании класса жвачных животных, но Корди всегда напоминала ему корову, пережевывающую жвачку.

За Корди, полным ей контрастом, за последней партой в их ряду сидела Мишель Стеффни – хорошенькая чистенькая девочка в тонкой зеленой блузке и коричневой юбке. В ее рыжих волосах играли солнечные блики, и даже отсюда Дейлу была отлично видна россыпь веснушек на белой, почти прозрачной коже.

Словно почувствовав его взгляд, Мишель подняла глаза от книжки, и, хотя она не улыбнулась, даже намек на понимание заставил утешенно забиться сердце одиннадцатилетнего мальчугана.

Не все друзья Дейла учились в одном с ним классе. Кевин Грумбахер еще только заканчивал пятый – он был на девять месяцев младше. А брат Дейла Лоренс и вовсе томился на первом этаже – в третьем классе, где преподавала миссис Хоу.

Но едва ли не лучший друг Дейла, Дуэйн Макбрайд, был здесь, рядом. Дуэйн – в два раза толще, чем самый толстый из остальных одноклассников, – заполнял собой почти все сиденье третьей парты в среднем ряду и, как всегда, что-то торопливо писал в стареньком блокноте, который вечно таскал с собой. Его давно не стриженные волосы торчали вихрами. Дуэйн то и дело автоматически поправлял очки, чуть хмурился, перечитывая написанное, и снова склонялся к листу. Несмотря на жару – температура перевалила за восемьдесят²⁸, – Дуэйн был в той же теплой фланелевой рубашке и тех же мешковатых вельветовых брюках, что и зимой. Дейл не помнил, чтобы когда-нибудь он видел приятеля в джинсах и футболке, хотя в отличие от самого Дейла, Майка или Кевина с Джимом – ребят городских – тот вырос на ферме и выполнял всю работу по дому.

²⁶ «Силли Патти» (Silly Putty) – фирменное название «глины» для детского творчества.

²⁷ «Малые лиги» – объединения детских бейсбольных команд. В городе Уильямспорт, штат Пенсильвания, ежегодно проходит всемирный чемпионат «малых лиг». Поле для игры по площади составляет $\frac{2}{3}$ от стандартного.

²⁸ По шкале Фаренгейта. Около 30° Цельсия. При переводе из шкалы Фаренгейта в шкалу Цельсия из исходной цифры вычитают 32 и умножают на $\frac{5}{9}$.

Дейл востропнулся. Уже два часа сорок девять минут. Школьный день по каким-то совершенно загадочным причинам, в числе которых было, например, расписание автобуса, заканчивался в три пятнадцать.

Со скуки мальчик уставился на портрет Джорджа Вашингтона на передней стене и в десятитысячный раз задумался, почему это руководство школы предпочло повесить здесь репродукцию незаконченного портрета великого президента. Затем он перевел взгляд на потолок – четырнадцать футов от пола, – на окна не меньше десяти футов высотой, затем оглядел коробки с книгами, сложенные на полках книжных шкафов, и задумался над тем, что сделают с учебниками. Их перевезут в новую школу? Или сожгут? Скорее последнее, поскольку Дейл не мог себе представить эти ветхие, потрепанные книжки в той новенькой школе, мимо которой он как-то проезжал вместе с родителями.

Два часа пятьдесят минут. Двадцать пять минут до наступления настоящего лета, до обещанной свободы.

Дейл уставился на Двойную Задницу. Кличка не была злой или насмешливой, училка всегда была именно Двойной Задницей. Целых тридцать восемь лет миссис Даббет и миссис Дагган вели уроки в шестых классах – первоначально в смежных кабинетах, затем, когда число учащихся резко сократилось (это произошло примерно тогда, когда родился Дейл), в одном и том же помещении. Миссис Даббет преподавала чтение, письмо и общественные науки в первой половине дня, а миссис Дагган – математику, естественные науки, правописание и каллиграфию после обеда.

Эта пара была Орестом и Пиладом Старой центральной: худая, высокая, порывистая миссис Дагган и низенькая, толстая и медлительная миссис Даббет. Голоса у них тоже были совершенно разными по тембру и тону, но их жизни странно наложились одна на другую: старые викторианские особнячки, соседствующие друг с другом на Брод-авеню, одна и та же церковь, одни и те же курсы в Пеории, каникулы во Флориде, – и две незавершенные личности каким-то образом, соединив общий опыт и общие недостатки, создали личность вполне совершенную.

Этой зимой, в последний год владычества Старой школы, как раз перед Днем благодарения, миссис Дагган заболела. «Рак», – сказала миссис О’Рурк матери Дейла, думая, что мальчики ее не слышат. Миссис Дагган не вернулась в класс и после рождественских каникул. Преподавание ее предметов – «только до возвращения Кору» – взяла на себя миссис Даббет, откровенно презиравшая эти дисциплины, однако не желавшая допустить, чтобы в школу пригласили другого учителя и тем самым подтвердили слух о серьезности болезни ее коллеги и приятельницы. Миссис Даббет к тому же ухаживала за больной – сначала в высоком розовом доме на Брод-авеню, потом в больнице. Но однажды утром в школе не появилась даже Двойная Задница, а уроки в шестых классах впервые за четыре десятилетия провела другая учительница. По школе прошелестела весть, что миссис Дагган умерла. Это было накануне Дня святого Валентина.

Похороны состоялись в Дэвенпорте, и никто из учащихся на них не присутствовал. Впрочем, даже если бы погребение состоялось в самом Элм-Хейвене, картина была бы точно такой же.

Миссис Даббет вернулась в школу двумя днями позже.

При виде пожилой женщины Дейл почувствовал, как в нем шевельнулось что-то похожее на жалость. Она была по-прежнему толстой, но теперь лишняя масса висела на ней, словно слишком просторное пальто. Когда она поднимала руки, подушки предплечий колыхались в воздухе, как гофрированная бумага. Глаза потускнели и так глубоко ввалились в глазницы, что казалось, будто вокруг них сплошные синяки. Сейчас учительница сидела, уставясь в окно с тем же безнадежным и тупым выражением, какое неизменно присутствовало на лице Корди Кук. Голубоватые когда-то волосы пожелтели у корней и висели неопрятными прядями, платье

сидело вкривь и вкось – казалось, что женщина неправильно застегнула пуговицы. Вокруг нее витал тот же неприятный запах, что и вокруг миссис Дагган перед Рождеством, вспомнил Дейл.

Он вздохнул и заерзал на месте. Было еще только два часа пятьдесят две минуты.

В темном холле послышалось легкое движение и мелькнула крадущаяся тень, в которой Дейл узнал Табби Кука – толстого придурковатого брата Корди. Тот скользнул по площадке лестницы и теперь заглядывал в класс, пытаясь привлечь внимание сестры, но при этом остаться незамеченным и не попасться на глаза Двойной Заднице. Бесполезно. Корди, будто загипнотизированная, продолжала любоваться небесами и едва ли обратила бы внимание на брата, даже если бы тот швырнул в нее кирпичом.

Дейл едва заметно кивнул мальчишке. Здоровенный четвероклассник в комбинезоне с нагрудником и лямками показал ему кукиш, помахал каким-то листком, похожим на разрешение отлучиться в туалет, и скрылся в темноте коридора.

Дейл опять поерзал. Ему и друзьям иногда приходилось играть с Табби, несмотря на то что Куки жили в одной из крытых рубероидом лачуг, расположенных неподалеку от свалки, у элеватора за железной дорогой. Табби был толстым, уродливым, тупым и вечно грязным, а также проявлял такое вопиющее невежество, какого Дейл до сих пор не встречал ни у одного четвероклассника, однако все это не давало повода запрещать ему участвовать в забавах группы городских ребят, называвших свою команду «Велосипедный патруль». Впрочем, Табби не так уж часто домогался этой чести у Дейла и его друзей.

«Интересно, что задумал этот болван?» – рассеянно подумал Дейл и снова взглянул на часы. Было все еще два часа пятьдесят две минуты.

Ужас! Как медленно тянется время!

Табби прекратил попытки привлечь внимание сестры и направился к лестнице, пока его не засекла Двойная Задница или еще какая-нибудь из училок. Миссис Гроссейнт действительно отпустила его в туалет и дала соответствующую записку, но это еще не означало, что кто-то из старых кошелок не завернет его обратно в класс, если увидит, как он слоняется по коридорам.

Табби зашаркал по лестнице, направляясь к площадке под круглым окном и попутно отметив про себя, как сильно стерты широкие деревянные ступени, отполированные подошвами нескольких поколений учащихся Старой центральной. На улице собиралась буря, и свет, проникавший сквозь стекла, был тускло-багровым. Табби проскользнул под рядами пустых книжных полок бывшей городской библиотеки, располагавшихся на площадке и вдоль узких антресолей, устроенных на промежуточном этаже, но даже не обратил на них внимания. К тому моменту, когда Табби впервые переступил порог школы, на этих полках не осталось ни одной книги.

Он ужасно торопился. До конца занятий оставалось меньше получаса, а ему непременно нужно было попасть в подвал, в умывальные комнаты для мальчиков, прежде чем эту старую развалину запрут навсегда.

На первом этаже, где размещались классы с первого по третий, было чуть светлее и оживленнее, чем наверху. Отовсюду доносился гомон малышей. Табби поспешил миновать открытое пространство, чтобы его не увидела учительница, шмыгнул за дверь и стал спускаться по лестнице в подвал.

Довольно странно, что в этой глупой школе не потрудились оборудовать туалеты на первом и втором этаже, хотя в подвале их было сколько угодно: туалеты для младших классов и для учащихся средней ступени, маленькая, больше похожая на щель в стене, всегда запертая комнатуха, на двери которой красовалась надпись «Для учителей», а дальше, рядом с бойлерной, – еще один крохотный туалет, где, наверное, отливал Ван Сайк. Вполне возможно, что

в пустынном коридоре, который вел куда-то в темноту и которым давно никто не пользовался, имелось еще несколько умывальных и туалетов.

Табби, как и все в школе, знал, что там имеются ступеньки, которые уходят глубоко вниз, но никто из ребят никогда туда не спускался, и Табби не собирался это делать. Господи, там ведь не было даже света! Похоже, что только Ван Сайк и, может быть, директор школы мистер Рун бывали в том подземелье.

«Наверное, там все же какие-нибудь умывалки», – решил Табби.

Ему нужен был туалет, на двери которого висела табличка «Для мальчиков». Она красовалась тут уже целую вечность – даже его Старик рассказывал, что видел эту же табличку, еще когда сам ходил в школу. Табби и его Старик только потому и узнали о существовании этого – как его? – да, мягкого знака, что старуха Дагган, училка шестого класса, причитала и скулила про эту ошибку целую вечность. Она скулила еще тогда, когда Старик был младше Табби. Теперь злюка Дагган сдохла и гниет на кладбище Святого Креста Господня, чуть дальше бара «Под черным деревом», в который частенько заглядывает Старик. А Табби до сих пор удивляется, почему это старой ведьме было самой не исправить ошибку, если она такая умная. Похоже, ей просто нравилось скулить и ныть по поводу несчастного мягкого знака... Она думала, что кажется умнее от этого, а другие, такие как Табби и его Старик, пусть чувствуют себя дураками.

Табби помчался по темному извилистому коридору, торопясь оказаться наконец перед дверью с табличкой «Для мальчиков». Кирпичные стены здесь были выкрашены в зеленый и коричневый цвета не один десяток лет тому назад, с низкого потолка свисали какие-то трубки, душевые разбрызгиватели и густая паутина – при взгляде на все это Табби охватило чувство, будто он находится в глубокой и тесной могиле или еще в каком-нибудь жутком месте, вроде того, что показывали в фильме про мумию, который он видел прошлым летом в Пеории, в кинотеатре под открытым небом, куда их с Корди украдкой протащил, спрятав в багажнике машины, парень его старшей сестры. Фильм классный, но он понравился бы Табби гораздо больше, если б с заднего сиденья, на котором устроилась его старшая сестра Морин со своим прыщавым кавалером по имени Берк, не доносилось все время противное пыхтение, чмокание и сопение. Теперь Морин беременна, и они с Берком живут за свалкой, неподалеку от Табби с родителями, но лично ему не кажется, что эти двое поженились.

Корди – та вообще, вместо того чтобы смотреть на экран, весь двойной сеанс просидела, обернувшись назад и почти не спуская глаз с бойкой парочки.

У двери с надписью «Для мальчиков» Табби помедлил, прислушиваясь, нет ли кого-нибудь внутри. Иногда там околачивался старый Ван Сайк, вынюхивая, не прячутся ли в туалете ребята, прогуливая уроки, чем они вообще там занимаются и не собираются ли делать что-нибудь вроде того, что наметил для себя сейчас Табби. В таком случае от него вполне можно было схлопотать затрещину или подлый щипок за руку. Причем Ван Сайк не лез ко всем детям подряд. Богатеньких, таких как, например, дочка доктора Стеффни – как ее там? Мишель? – он не трогал. Доставалось по полной программе только беднякам вроде самого Табби или Джерри Дейзингера – тем, чьи предки плевали на все или, наоборот, до смерти боялись Ван Сайка.

А Ван Сайк наводил страх на многих – причем не только на учеников, но и, как подозревал Табби, на родителей.

Табби постоял еще немного, но ничего не услышал и на цыпочках вошел в туалет.

Это была длинная сумрачная комната с низким потолком и без окон, освещаемая одной-единственной лампочкой. Невероятно древние писсуары выглядели так, будто их вырубili из камня или еще из чего-то похожего. Вода в них бежала постоянно. Все семь туалетных кабин были разбиты и испещрены надписями. Имя Табби красовалось на двух из них, а имя его Старика на одной – самой дальней от входа. Все кабинки, кроме одной, были без дверей.

Но Табби интересовали не они: то, что привело его сегодня сюда, находилось за раковинами, писсуарами и кабинами – в самом темном углу, возле каменной стены.

Наружная стена была каменной. Противоположная, та, к которой были привинчены писсуары, – кирпичной. Но материалом для внутренней стены, той, вдоль которой располагались кабины, послужило что-то вроде штукатурки. Возле нее-то Табби остановился и усмехнулся.

В этой стене имелась дыра. Высотой около трех футов, она начиналась в шести или восьми дюймах от холодного каменного пола (интересно, разве под каменным полом может быть еще один подвал?). Табби сразу же заметил кучку свежей пыли от штукатурки и сгнившую сетку, торчавшую из стены, словно обнаженные ребра.

Выходит, после того, как он ушел отсюда утром, кто-то продолжил работу. Отлично. Дело почти сделано, и ему остается только завершить начатое.

Табби наклонился и заглянул в дыру. Там было достаточно широко, чтобы просунуть руку, что он тут же и сделал. И сразу же наткнулся на другую стену – не то каменную, не то кирпичную, примерно в паре футов от первой. Слева и справа было пустое пространство. Странно... Зачем понадобилось сооружать еще одну стену, если старая стоит на месте?

Табби пожал плечами, вытащил руку и стал колотить по стене. Грохот поднялся адский, штукатурка посыпалась, сетка затряслась, куски стены и пыль полетели в разные стороны, но Табби не сомневался, что его никто не слышит. Стены в этой дурацкой школе были толще, чем в крепости.

Правда, Ван Сайк вечно шнырял в этом подвале, будто тут и жил... «А может, он и вправду живет здесь? – подумал Табби. – Ведь никому не известно, где на самом деле его дом». Но этого странного сторожа с грязными лапами и желтыми зубами никто из ребят не видел вот уже несколько дней, да он и не обратит внимания, если кто из мальчиков («Малчиков», – мысленно усмехнулся Табби) станет стучать по стене в туалете. Какое ему, Ван Сайку, дело? Через день или два эту развалину заколотят досками, а потом и вовсе снесут. Так что Ван Сайку уже все здесь до лампочки.

Табби работал с упорством, которое ему редко доводилось проявлять за все пять лет страданий, начавшихся еще в детском саду и продолжившихся здесь, в этой дерьмовой школе, где на него с первых дней прилепили клеймо «замедленное развитие». Пять лет «проблемного ребенка» заставляли сидеть под самым носом у этих старых кошелок – миссис Гроссейнт, миссис Хоу и миссис Фэррис, причем его парту специально ставили вплотную к учительскому столу, чтобы постоянно «держат под наблюдением», и мальчику приходилось дышать их старческими запахами, слушать их старческие голоса и выполнять их старческие правила...

Табби еще раз стукнул в стену. На этот раз она довольно-таки легко поддавалась, штукатурка треснула, кусок ее рухнул прямо на кеды – и перед Табби возникла большая дыра. Здоровая яма! Настоящая чертова пещера!

Для четвероклассника Табби был весьма крупным и упитанным парнем, но в эту дыру мог свободно пройти даже он. *Мог пройти!* От стены отвалился целый шмат, и дыра теперь была похожа на люк подводной лодки или еще что-то такое. Табби оглянулся по сторонам, сунул левую руку и плечо в отверстие, и лицо его расплылось в широкой ухмылке. Он шагнул внутрь левой ногой. Ого! Да тут прямо тайный лаз!

Табби пригнулся, протиснул в дыру тело, потом втянул туда же и правую ногу – теперь только голова и одно плечо торчали снаружи. Он согнулся еще сильнее и даже чуть слышно крикнул, пытаясь в холодный мрак.

«Корди или Старик прямо обделались бы, случись им увидеть меня здесь!» – мелькнуло у Табби в голове. Хотя, конечно, с чего бы Корди оказаться в мужском туалете? Или есть с чего? Табби было прекрасно известно, что его сестра довольно странная штучка. Пару лет назад, когда она сама была в четвертом классе, Корди, не пожалев на это целого утра, выследила Чака Сперлинга, лихого бейсболиста команды «малой лиги», звезду легкой атлетики и вообще

первого задавалу, у речки Спун, где он в одиночестве рыбачил, навалилась на него, сбила с ног, уселась ему на живот и, пригрозив разбить ему камнем голову, заставила парня кое-что показать.

По словам Корди, тот, плача и сплевывая кровь, показал. Табби был уверен, что Корди никому, кроме него, об этом не рассказывала, а Сперлинг и подавно постарается держать происшествие в тайне.

Табби откинулся назад, насколько позволяло его убежище, отряхнул волосы от штука-турки и хихикнул в темноте, представив, как выпрыгнет из дыры в тускло освещенный туалет и до усёру напугает того, кто первым зайдет отлить.

Прошло минуты две-три, но никто не появлялся. Табби терпеливо ждал. В какой-то момент подвальный коридор огласился топотом и криками, но шум быстро смолк, а к двери с надписью «Для мальчиков» не приблизилась ни одна живая душа. Даже шагов поблизости не было слышно. Единственными посторонними звуками были бульканье воды в писсуарах и гул в трубах, будто школа разговаривала сама с собой.

«Да здесь прямо какой-то потайной лаз!» – снова подумал Табби, повернув голову влево и всматриваясь в черноту, царившую в проходе между двумя стенами. Тут было совершенно темно и пахло точно как под передним крыльцом дома, где он часто прятался от матери с отцом и играл, когда был маленьким. Тот же затхлый, удушливый, гнилой запах.

И как раз когда Табби устал сидеть в скрюченном положении и мышцы стало сводить судорогой, он увидел свет в дальнем конце прохода – примерно там, где заканчивалась стена туалета и, наверное, начиналась наружная... Может, чуть дальше. Это был даже не совсем свет, а скорее слабое мерцание. Примерно такое же чуть зеленоватое свечение источали грибы-гнилушки – Табби видел их в лесу, когда вместе со Стариком охотился на енотов.

Табби почувствовал, как по шее побежали мурашки. Он начал было выбираться из дыры, но быстро сообразил, в чем дело, и ухмыльнулся. В обшивке стены соседнего туалета «Для девочек» (тут все было написано без ошибок) образовалась какая-то щель или дыра – вот через нее и проходит свет. Другого объяснения быть не может.

Если повезет, он увидит, как девчонки отливают. Может быть, это будет даже Мишель Стеффни, или Дарлин Хансен, или еще кто-нибудь из этих задавал-сучек из шестого класса. Интересно посмотреть, как они сидят со спущенными до колен трусами, открыв на всеобщее обозрение свои прелести.

Табби почувствовал, как подпрыгнуло в груди сердце, а кровь быстрее побежала по жилам, и начал потихоньку пробираться по проходу в ту сторону, где виднелось слабое сияние, все дальше и дальше от дыры. Там было очень тесно.

Пыхтя, смахивая с глаз паутину и пыль, вдыхая спертый, пахнувший влажной землей воздух, Табби с трудом продвигался вдоль узкого лаза к призрачному мерцанию, медленно, но неуклонно удаляясь от света.

Дейл и остальные школьники выстроились в линейку и уже приготовились было получить табели и обрести наконец свободу, когда раздался ужасный вопль. Сначала он показался таким оглушающе громким, что Дейл принял его за странный, пронзительный гром, раздавшийся с по-прежнему темнеющего за окнами неба. Но звук был слишком высоким, дрожащим и для грома продолжался слишком долго. Хотя и человеческого в этом вопле ничего не было.

В первую минуту все решили, что вопль донесся откуда-то сверху – может быть, с лестниц погруженного во мрак третьего этажа, но через несколько мгновений звук шел уже буквально со всех сторон, эхом отражаясь от стен, лестничных маршей, даже от труб и металлических радиаторов. Он все нарастал и нарастал. Прошлой осенью Дейл и его брат Лоренс гостили на ферме дяди Генри и тети Лины и видели, как режут свинью. Когда свинье, подвешенной вверх ногами над оловянным корытом для сбора крови, полоснули ножом по горлу, она вдруг

завизжала. Звуки, которые Дейл услышал минуту назад, были очень похожи на тот визг – будто кто-то царапает ногтем стекло. А потом послышался хриплый, низкий, почти звериный вой, который перешел в захлебывающиеся всхлипы – и вдруг оборвался... Затем все началось сызнова... И опять...

Миссис Даббет, протягивавшая в тот момент табель возглавлявшему строй Джо Аллену, на миг замерла, а потом резко повернулась и устояла на дверь. Даже после того, как все стихло, она еще целую минуту не меняла позы и не отводила взгляда, как будто ожидая, что в дверном проеме вот-вот появится виновник столь кошмарного шума. Дейлу показалось, что лицо миссис Даббет выражало странную смесь ужаса и ожидания... нет, скорее даже предвкушения чего-то.

Темный силуэт мелькнул в проеме двери, и ученики, все еще построенные по алфавиту, одновременно затаили дыхание.

Но это оказался мистер Рун, директор школы, – его темный, в едва заметную полоску костюм и черные прилизанные волосы сливались с темнотой коридора за спиной, и казалось, что худое, вечно недовольное лицо парит в воздухе само по себе. «Ну чисто новорожденный крысенок!» – в который уже раз удивился Дейл, взглянув на розовую кожу директора.

Мистер Рун прочистил горло и кивнул Двойной Заднице, которая так и продолжала стоять как каменная, все еще протягивая табель Джо Аллену. Глаза ее были широко раскрыты, а лицо невероятно побледнело, отчего румяна на щеках казались полосками, проведенными цветными мелками на пергаменте.

Мистер Рун бросил взгляд на часы.

– Уже... э... три пятнадцать. Класс готов? Мы можем отпустить детей на каникулы? – спросил он, заикаясь.

Миссис Даббет кивнула. Пальцы ее правой руки судорожно сжимали конверт с табелем, и Дейл ожидал, что вот-вот услышит хруст костей.

– А... ну да... – пробормотал мистер Рун, по очереди обводя взглядом лица всех двадцати семи учеников, словно те были правонарушителями, без позволения вторгшимися в его владения.

– Ну, мальчики и девочки, думаю, мне следует объяснить вам причину... э-э-э... шума, который вы только что слышали... Мистер Ван Сайк сказал мне, что это всего лишь... что это гудел бойлер... В котельной проводится проверка оборудования...

Джим Харлен оглянулся, и Дейл испугался было, что тот опять состроит рожу. А для Дейла это стало бы истинной катастрофой, потому что в таком напряженном состоянии он просто не выдержал бы и непременно разразился истерическим хохотом. А ему отчаянно не хотелось оставаться тут после уроков. Но Харлен лишь в недоумении широко распахнул глаза, и выражение лица его было скорее недоверчивым, чем веселым. А потом он быстро отвернулся и вновь принялся с преувеличенным вниманием слушать директора.

– В любом случае я хочу воспользоваться возможностью и пожелать вам приятных летних каникул, – продолжал мистер Рун. – Прошу вас также всегда помнить о том, что вы имели честь учиться в Старой центральной школе, хотя и не завершили здесь свое образование. Пока трудно с уверенностью предсказать дальнейшую судьбу столь замечательного здания, но мы надеемся, что школьный совет округа проявит мудрость и сохранит его для будущих поколений учеников.

Дейл взглянул в конец строя. Стоявшая там Корди Кук все с тем же равнодушным видом смотрела через плечо в окно и время от времени почесывала нос.

Мистер Рун, казалось, ничего не замечал. Он еще раз откашлялся, как бы намереваясь продолжить речь, но, снова покосившись на часы, передумал и повернулся к учительнице:

– Что ж, хорошо. Миссис Даббет, будьте так добры, раздайте ученикам их табели.

Коротышка кивнул, направился к двери и растаял в сумраке коридора.

Двойная Задница моргнула, словно осознав вдруг, где находится, и наконец-то вручила табель Джо Аллену. Тот, даже не заглянув в него, поспешил к выходу.

Остальные классы уже спускались по лестнице. Дейл обращал внимание, что в фильмах про школу ученики, чуть только их отпустят домой или прозвенит звонок на перемену, всегда несутся как угорелые. Однако его собственный опыт обучения в Старой центральной говорил о другом: все и всегда здесь чинно шествуют строем. И в этом смысле последние секунды последних минут последнего дня не были исключением.

Шестиклассники один за другим проходили мимо миссис Даббет. Дейл, как и все, получил свой табель в коричневом конверте, поморщился от ударившего в нос смешанного запаха тальковой присыпки и пота и поспешно отошел в сторону. Наконец получила свой табель Паулина Зауэр²⁹, и ученики выстроились возле двери – теперь уже не в алфавитном порядке. Те, кого ожидал школьный автобус, – впереди, городские – за ними. Миссис Даббет встала перед строем, будто собираясь высказать какие-то пожелания или дать последние наставления, но, помедлив немного, лишь молча махнула рукой, жестом приказывая следовать за пятым классом.

Первым пошел Джо Аллен.

Снаружи Дейл вдохнул влажный воздух и от ощущения неожиданной свободы готов был пуститься в пляс. Огромное здание школы молчаливой стеной возвышалось позади него, а вокруг царил праздничная суета: на игровых площадках и спортивных полях мельтешили школьники, кто-то забирал со стоянки велосипед, кто-то мчался к школьным автобусам, водители которых уже завели моторы и кричали, чтобы ребята поторопились. Дейл помахал на прощание Дуэйн Макбрайду, поспешно садившемуся в автобус, и бросил взгляд на третьеклашек, суетившихся, словно перепелки, возле велосипедной стоянки. Брат Дейла Лоренс, оставив своих друзей, вприпрыжку побежал ему навстречу, сверкая белозубой улыбкой и толстыми стеклами очков и размахивая пустым холщовым ранцем.

– Свобода! – воскликнул Дейл и подхватил Лоренса на руки.

Сбоку подошли Майк О’Рурк, Кевин Грумбахер и Джим Харлен.

– Господи Иисусе! – сразу же начал Кевин. – Вы слышали этот жуткий крик? Кто-то жутко заорал, как раз когда миссис Шривс построила нас.

По ровно подстриженной траве бейсбольного поля вся компания двинулась к выходу с территории школы.

– Как вы думаете, что это было? – спросил Лоренс.

Майк усмехнулся:

– Думаю, это Старая центральная поймала и захватила в плен одного из третьеклашек.

Он провел костяшками пальцев по ежику волос Лоренса.

Лоренс рассмеялся и отпрыгнул в сторону.

– Нет, ну правда – что?

Джим Харлен нагнулся, выставив зад в сторону школы.

– А я думаю, что это Двойная Задница испортила воздух, – провозгласил он и издал соответствующий звук.

– Эй, поосторожней, Харлен! – предостерегающе крикнул Дейл и ткнул товарища кулаком в бок, кивком указывая на младшего братишку.

А Лоренс уже катался по траве, держась за живот от смеха, в полном восторге от грубоватой шутки.

Взревели моторы – и автобусы тронулись с места, выезжая с быстро пустевшего школьного двора и сворачивая на разные улицы.

²⁹ В оригинале: Zauer. Z – последняя буква латинского алфавита.

Те, кто пошел домой пешком, поспешили укрыться от надвигающегося дождя под защитой высоких вязов.

Дейл помедлил у кромки поля, заканчивавшегося как раз напротив их дома, и оглянулся на темные облака, клубившиеся над Старой школой. Воздух дрожал от зноя и избытка влаги, как бывает перед грозой, но Дейл был почти уверен, что буря пройдет стороной. В южной стороне над деревьями уже светлела полоса голубого неба. Деревья вокруг словно ожили и наполнили воздух запахом сочной листвы. Ребята дышали всей грудью, с наслаждением впитывая аромат свежескошенной травы и летних цветов, принесенный налетевшим ветерком.

– Смотрите-ка, – проговорил вдруг Дейл, показывая на оставшийся позади школьный двор.

– Это кто? Корди Кук? – спросил Майк.

– Ага.

Около северных дверей школы виднелась одинокая невысокая фигурка. Корди стояла, сложив на груди руки и нетерпеливо притопывая, и в своем слишком просторном платье, которое только что не волочилось по земле, выглядела еще глупее, чем обычно. Двое из самых младших Куков, мальчишки-двойняшки, одетые в не по росту большие комбинезоны, крутились неподалеку. Для них прошедший учебный год был первым и последним в Старой школе.

Куки жили за пределами города, и им полагалось ездить на автобусе, но ни один водитель не соглашался гонять машину к элеватору и в район свалки. Поэтому Корди и трем ее братьям приходилось топтать домой по шпалам железной дороги.

Обернувшись в сторону двери, Корди громко крикнула что-то, но Дейл не смог разобрать ни слова.

Зато он увидел, как на пороге возник мистер Рун и взмахом розовой ладошки велел Корди убираться прочь. Белые блики, игравшие на стеклах высоких окон, на самом деле, возможно, были лицами учителей, привлеченных шумом. В темном дверном проеме позади директора проплыла бледная физиономия Ван Сайка.

Мистер Рун сказал что-то Корди, а потом повернулся к ней спиной и закрыл за собой дверь. А Корди вдруг наклонилась, схватила камень, размахнулась и швырнула его в здание. Камень с громким стуком ударился о дверь.

– Ничего себе, – выдохнул Кевин.

Дверь снова распахнулась, и оттуда выскочил Ван Сайк, но Корди, схватив за руки обоих малышей, уже бежала по гравийной аллее в сторону Депо-стрит. Для девочки с такой комплекцией она двигалась удивительно быстро. На пересечении с Третьей авеню один из братьев споткнулся, но Корди успела схватить его за руку и держала на весу, пока он вновь не обрел равновесия. Ван Сайк добежал до границы школьного участка и остановился, хватая растопыренными пальцами воздух.

– Ничего себе, – повторил Кевин.

– Пошли отсюда, – предложил Дейл. – Мама обещала после школы напоить нас всех лимонадом.

С радостными возгласами ватага мальчишек выбежала со школьного двора. Они вприпрыжку промчались под вязами, в два прыжка пересекли асфальтированную Депо-стрит и понеслись навстречу свободе и лету.

Глава 3

Не так уж много событий в жизни человеческого существа – по крайней мере, человеческого существа мужского пола – бывают столь роскошными, бесценными, наполненными предвкушением вожаемой свободы и счастливого будущего, как первый день лета для одиннадцатилетнего мальчишки. Грядущее лето можно уподобить роскошному пиру, а времени впереди так много и тянуться оно будет так медленно, что каждый день покажется нескончаемо долгим и позволит смаковать каждое блюдо этого пира.

Проснувшись утром, первым восхитительным утром лета, Дейл Стюарт немножко полежал в полудреме, радуясь необыкновенным переменам, произошедшим в его жизни, хотя полностью осознать, в чем именно состоят эти перемены, он смог лишь несколько минут спустя: будильник не звонит, ни его, ни Лоренса не зовет снизу мама, серый холодный туман не липнет к окнам, а в восемь тридцать утра их не ждет еще более серая и холодная школа и громкий хор сердитых голосов не командует, указывая, какую страницу в учебнике следует открыть и какие именно мысли должны появиться в голове по тому или иному поводу. Нет, это утро было наполнено пением птиц, ароматным теплым воздухом лета, плывущим в затянутые сеткой окна, жужжанием газонокосилки трудолюбивого старика, живущего неподалеку, и уже ощутимым благодатным теплом солнечных лучей, проникших даже сквозь шторы и благоговенно протянувшихся поперек кроватей обоих братьев, – как будто мрачная завеса школьного года наконец поднялась и позволила миру вернуть все присущие ему краски.

Дейл перекатился на бок и увидел, что брат уже проснулся и смотрит на него поверх головы своего любимого плюшевого мишки с черными глазами-бусинами. Лоренс широко улыбнулся, оба живо вскочили, посбрасывали прямо на пол пижамы, разом прыгнули в джинсы и футболки, поджидавшие их на стуле, натянули белые носки и не совсем белые кеды, выскочили из комнаты, скатились по лестнице в кухню, торопливо проглотили завтрак, посмеялись с мамой над всякими глупостями – и долой из дому... А там с ходу оседлали велосипеды и помчались вниз по улице – все дальше, дальше и дальше... прямо в объятия лета.

Три часа спустя братья уже сидели вместе с друзьями в курятнике Майка О'Рурка, разместившись на продавленном диване без ножек, расшатанных стульях с драной обивкой, а то и прямо на полу их неофициального клуба. Все были в сборе: Майк, Кевин, Джим Харлен... Даже Дуэйн Макбрайд приехал со своей отдаленной фермы и прямым ходом отправился сюда, чтобы поболтать с друзьями, пока его отец отоваривался в одном из магазинов.

Ребята пребывали в некоторой растерянности, потому что казалось положительно невозможным сделать наконец выбор среди целого сонма предоставлявшихся им возможностей.

– Можно двинуть на Каменный ручей или на пруд Хартли, – предложил Кевин. – Поплаваем.

– Да ну-у, – протянул Майк.

Он развалился поперек дивана, закинув ноги на спинку, а голова его при этом покоилась на бейсбольной рукавице, валявшейся на полу. В данную минуту Майк был чрезвычайно занят: вооружившись длинной резинкой, он стрелял по ползающей по потолку долгоножке, однако из всех сил старался в нее не попасть. Насекомое в легкой панике металось туда-сюда, но, как только ему удавалось приблизиться к спасительной щели или узкой трещине, Майк открывал огонь и отгонял несчастное создание прочь от вожаемой убежища.

– Я не хочу плавать, – заявил он. – После вчерашнего ливня везде наверняка полно водяных змей.

Дейл и Лоренс обменялись понимающими взглядами. Страх Майка перед водяными змеями был им хорошо известен, но, кроме этих тварей, он не боялся никого и ничего.

– Может, покидаем мяч? – предложил Кевин.

– Не-а, – протянул Джим Харлен. Развалившись в допотопном кресле, он увлеченно читал комикс. – Я не захватил с собой перчатку и не собираюсь тащиться за ней домой.

В то время как остальные мальчики, за исключением, понятно, Дуэйна, жили поблизости друг от друга, семья Джима Харлена обосновалась в конце Депо-стрит, около железнодорожных путей, что вели на свалку и к тем хибарам, в одной из которых обитали Куки. Дом у Харленов был что надо. Старинная постройка, выкрашенная в белый цвет, когда-то считалась домом фермера, но уже много десятилетий тому назад территория, на которой она располагалась, вошла в городскую черту. Только вот многие из соседей Джима были довольно странными людьми. Например, всего за два дома от Харленов жил Джей-Пи Конгден, чокнутый мировой судья. А его сыночек Си-Джей был самым отъявленным хулиганом в городе. Мальчики не любили играть у Джима и вообще предпочитали по возможности обходить этот район стороной, а потому прекрасно понимали нежелание своего товарища возвращаться домой за перчаткой.

– Поехали тогда в лес, – предложил Дейл. – Может, прогуляемся по Цыганской дороге?

Мальчики неохотно зашевелились. Никаких очевидных причин отвергать последнюю идею не было, но ленивое оцепенение держало их мертвой хваткой. Майк щелкнул резинкой – и несчастная долгоножка стремительно метнулась в сторону.

– Это слишком далеко, – сказал Кевин. – Мне нужно быть дома к обеду.

Остальные, улыбаясь, переглянулись, но дружно промолчали. Всем был прекрасно знаком голосок миссис Грумбахер – им часто приходилось слышать, как та, распахнув дверь, громко кричала на всю улицу: «Ке-е-ви-и-и-и-ин!» И так же часто приходилось видеть, как приятель в панике бросал любое занятие, мгновенно срывался с места и стремглав мчался к своему белоснежному ранчо, стоявшему на пологом склоне невысокого холма по соседству с много более старым домом Дейла и Лоренса.

– А чем хотел бы заняться ты, Дуэйн? – поинтересовался Майк.

О’Рурк был прирожденным лидером и никогда не принимал решения, не узнав предварительно мнения каждого члена команды.

Рослого фермерского сынка с вечно всклокоченной шевелюрой и безмятежным взглядом, круглый год одетого в мешковатые вельветовые штаны и к тому же постоянно что-то жующего, причем даже не резинку, можно было принять за слабоумного. Но Дейлу было прекрасно известно, насколько обманчив этот вид. И не только ему. Все мальчики знали, что на самом деле Дуэйн Макбрайд необыкновенно умен – настолько, что ход его мыслей оставался для остальных неразрешимой загадкой. В школе Дуэйну не было нужды в полной мере демонстрировать свои умственные способности – он и без того заставлял учителей терзаться муками ущемленного самолюбия, когда они выслушивали его крайне скупые, но абсолютно правильные ответы, а то и просто растерянно чесать в затылке, не зная, как реагировать на реплики и замечания дерзкого ученика, произнесенные столь ироничным тоном, что их следовало бы расценить как грубую насмешку. Дуэйна школа не интересовала. Его заботили вещи, о которых его друзья и не помышляли.

Дуэйн прекратил жевать и мотнул головой в сторону старого напольного радиоприемника фирмы «RCA Victor»³⁰, стоявшего в углу.

– Пожалуй, я бы лучше послушал радио, – буркнул он, и, сделав три косолапых шага, неловко уселся на корточки перед древним аппаратом, и принялся крутить ручку настройки.

³⁰ RCA (Radio Corporation of America) – Американская радиокорпорация; торговая марка грампластинок, проигрывателей и т. д. «RCA Victor» – крупнейший концерн грамзаписи. Всемирно известная фирма JVC родилась в 1927 г. как дочерняя фирма компании «Victor Talking Machine Co», переименованной впоследствии в «RCA Victor».

Дейл заинтересованно глянул в ту сторону. Огромный, почти четыре фута высотой, приемник был совершенно допотопным. Особенное впечатление производила старомодная шкала настройки, вверху которой сохранилось слово «Национальное», а далее шел список городов: Мехико – на частоте 49 мГц, Гонконг, Лондон, Мадрид, Рио и несколько других – на частоте 40 мГц, против обозначения 31 мГц упоминались Берлин, Токио и Питсбург, далекий и загадочный Париж стоял отдельно – на частоте 19 мГц.

Но внутри корпуса ничего не было. Ни одной детали. Приемник давно не работал.

Дуэйн наклонился поближе и принялся крутить ручку. Он пригнул голову и внимательно прислушивался, будто стараясь уловить хоть какой-нибудь, пусть даже самый слабый, звук.

Первым ухватил идею Джим Харлен. Он проскользнул в угол, подтянул к себе корпус приемника и спрятался за ним.

– Попробую-ка я местные станции, – задумчиво сказал Дуэйн, медленно передвигая указатель станций между надписями «Интернациональные» и «Специальные службы». – Ага, вот Чикаго, – пробормотал он будто про себя.

Изнутри послышалось легкое пощелкивание, как будто нагревались лампы, затем раздался шум помех в эфире. Дуэйн продолжал крутить ручку настройки. Донесшееся из приемника приглушенное бормотание баритона внезапно оборвалось, будто диктора прервали на середине фразы, его сменил рев рок-н-ролла, через несколько мгновений вновь наступила тишина, а после недолгого безмолвия сквозь треск и шипение помех в эфире прорвались чьи-то далекие голоса и на их фоне отчетливо зазвучал голос комментатора, ведущего репортаж с бейсбольного матча с участием «Чикаго уайт сокс»:

– Вот игрок отходит назад! Еще назад! Он направляется к правой стене «Комиски-парк»!³¹ Прыгает за мячом! Он уже на стене! Он...

– А-а, тут ничего интересного, – снова пробормотал Дуэйн. – Та-та-ти-та-та... Вот. Попробуем лучше Берлин.

– *Ach du lieber der fershtugginer ball ist op und outta hier!* – донесся голос Харлена, мгновенно сменившего необыкновенно протяжный чикагский говорок на тевтонскую манеру произношения, отрывистую, резкую. – *Der Fürher ist nicht gehappy. Nein! Nein! Er ist gerflugt und vertunken und der veilige pissstoffen!*³²

– И здесь тоже ничего путного, – пробормотал Дуэйн. – Попробуем Париж.

Но вибрации и грассирование французской речи из угла курятника потерялись в хихиканье и хохоте мальчишек.

Очередной выстрел Майка О'Рурка оказался неточным, и долгоножка наконец скрылась в щели.

Дейл решил принять участие в представлении и пополз на четвереньках к радиоприемнику. Лоренс в восторге катался по полу.

Майк носком тапочки осторожно тыкал под ребра Кевина, а тот стоял с невозмутимым видом, скрестив на груди руки и скорбно поджав губы.

Чары были разрушены. Теперь мальчики могли делать все, что угодно.

Несколькими часами позже, после ужина, с наступлением долгих, упоительно приятных летних сумерек, Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен подъехали на велосипедах к стоянке на углу возле дома Майка.

– Ку-ка-ре-ку! – подал условный сигнал Лоренс.

³¹ Бейсбольный стадион в чикагском районе Бриджпорт, тренировочная база команды «Чикаго уайт сокс». Открыт в 1991 г. недалеко от первого стадиона с таким же названием, который был построен в 1910 г. и снесен в 1991-м.

³² Искаженная имитация немецких слов, не поддающаяся переводу.

– Ре-ку-ку-ка! – послышался ответный возглас из тени под вязами, и Майк выехал им навстречу, утопая шиной заднего колеса в рыхлом гравии и почти сразу разворачиваясь в ту сторону, куда смотрели все остальные.

Это и был Велосипедный патруль, который ребята придумали два года назад, когда самый старший из них был в четвертом классе, а самый младший еще верил в Санта-Клауса. Теперь они уже не называли себя патрулем, потому что поняли значение этого слова и были уже слишком большими, чтобы притворяться, будто действительно охраняют Элм-Хейвен, помогая людям справиться с трудностями и защищая невинных от злодеев. Однако они по-прежнему считали Велосипедный патруль стоящим делом. Стоящим, несмотря ни на что. Хотя давно уже молчаливо смирились с суровой реальностью настоящего момента и уже не проводили ночь сочельника без сна, с пересохшим от волнения ртом и учащенно бьющимся сердцем.

На тихой улице они чуть помедлили. Первая авеню сразу за домом Майка плавно переходила в сельскую дорогу, которая вела на север, к водонапорной башне, находившейся примерно в четверти мили от города, затем сворачивала на восток и постепенно исчезала, растворяясь в вечерней мгле, окутавшей поля до самого горизонта, где уже утонули в сумерках леса Цыганская дорога и бар «Под черным деревом».

Словно отполированное невидимой рукой, небо приобрело жемчужный оттенок и постепенно меркло, как это бывает в час между заходом солнца и наступлением полной темноты. Зерновые в полях еще не доросли даже до колен одиннадцатилетнего мальчишки. Дейл оглядывал поля, которые протянулись на восток до невидимого отсюда леса, встающего на горизонте, и пытался представить себе Пеорию, находившуюся где-то там, вдали, за тридцатью восемью милями чащоб, холмов и равнин, – сияющий тысячами огоньков городок в небольшой речной долине. Но ни единый отблеск не озарял быстро темнеющего горизонта, и было совершенно невозможно вообразить, что там действительно стоит целый город. Не ощущалось ни малейшего ветерка, однако Дейл явственно слышал тихое перешептывание колосьев и шуршание стеблей, тянущихся вверх. Кто знает... Возможно, еще немного – и они поднимутся сплошной стеной, окружат Элм-Хейвен и полностью отгородят его от остального мира.

– Поехали, – тихо сказал Майк.

Он привстал на педалях, пригнулся к рулю и рванул вперед, взметнув за собой тучу пыли. Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен помчались за ним.

В тихом сером сумраке они двинулись вдоль Первой авеню на юг, то минуя густую тень вязов, то внезапно оказываясь на более светлых участках. Слева расстилались поля, темные силуэты домов возвышались справа. Вскоре они оказались на Скул-стрит, и очертания дома Донны Лу Перри смутно замаячили на западной стороне улицы. Проехав вдоль длинной череды вязов и дубов на Черч-стрит, они по привычке чуть притормозили, прежде чем вывернуть на Хард-роуд, шоссе номер 151А, – главную улицу с двумя полосами движения. В этот час она была пустынна, от нагретой за день мостовой по-прежнему исходило тепло.

Бешено крутя педали, они быстро миновали первый квартал, в самом конце которого пришлось свернуть на боковую дорожку, чтобы уступить дорогу старому «быюику», с ревом промчавшемуся мимо. Теперь они ехали на запад, прямо к едва заметному, угасающему свечению неба, слабо озарявшему фасады домов на Мейн-стрит. Со стоянки перед пивной «У Карла» вырулил пикап и запетлял по Хард-роуд навстречу им. Дейл сразу узнал водителя, сидевшего за рулем старого грузовичка производства «Дженерал моторс»: это был отец Дуэйна Макбрайда, по обыкновению пьяный.

– Фары! – разом выкрикнули все мальчики, поравнявшись с машиной.

Но водитель не услышал их, и пикап с погашенными фарами и задними огнями свернул на Первую авеню.

Велосипедисты соскочили с чуть возвышавшейся над мостовой боковой дорожки и по вновь опустевшей Хард-роуд припустили вперед. Миновали Вторую авеню, потом Третью, про-

мчались мимо банка и магазина «А & Р»³³ по правую руку и мимо укрывшихся под сенью вязов паркового кафе и летней эстрады, безлюдных и темных в этот час, – по левую. Был вечер четверга, но все выглядело так, будто уже наступила суббота, разве что в парке не мелькали призывно разноцветные лампочки кинотеатра, в котором по субботам устраивали бесплатные сеансы. Пока не мелькали. Но субботний вечер не за горами.

Майк призывно крикнул и свернул на Броуд-авеню, тянущуюся вдоль северной оконечности парка. Мальчики промчались мимо представительства фирмы, торговавшей тракторами, и нескольких скученно стоявших домишек. Уже стемнело по-настоящему. Вдоль Мейн-стрит вспыхнули дорожные фонари, освещая два центральных квартала города, а окаймленная высокими вязами Броуд-авеню стала походить на погруженный во мрак туннель.

– Айда на лестницу! – прокричал Майк.

– Нет! – завопил в ответ Кевин.

Так было всегда: Майк каждый раз предлагал это, а Кевин каждый раз отказывался.

Мальчики продолжали двигаться в южном направлении. Позади остался еще один квартал. В этой части города они бывали только во время своих вечерних патрульных поездок. Здесь формально заканчивалась Броуд-авеню. Дальнейший путь лежал по длинной, завершающейся тупиком улице, застроенной новенькими домами, где жили Диггер Тейлор и Чак Сперлинг, и по частной подъездной дорожке, ведущей к особняку Эшли.

Изрезанная колеями дорожка уже заросла сорняками. Давно не стриженные ветви деревьев низко нависали над ней, разросшиеся по обе стороны кусты так и норовили сцапать зазевавшегося велосипедиста. Вокруг царил непроглядная тьма.

Дейл пригнул голову и налег на педали, чтобы не отставать от Майка. Лоренс, велосипед которого был меньше, чем у других, тоже старался держаться рядом. Он пытался от напряжения, но, как всегда, не унывал. Харлен и Кевин давно уже остались позади и превратились в две точки пыли, едва различимые во мраке.

Наконец ребята вырвались на открытое пространство перед развалинами старого дома. В последних отблесках света над зарослями ежевики возвышалась одинокая колонна, то тут, то там виднелись почерневшие от копоти камни фундамента.

Майк промчался полукругом дорожки, будто собирался взлететь по заросшей сорняками каменной лестнице и нырнуть в глубину разрушенного строения, однако вместо этого проехал дальше и соскочил на плоскую каменную плиту террасы.

Дейл не отставал от него и проделал то же самое. Лоренс вильнул в сторону, не сумев повторить трюк, но не повернул обратно. Кевин и Харлен проехали мимо в облаках пыли.

Колеса велосипедов проскальзывали по траве, заполонившей колеи дороги, иногда слышался треск ломавшихся сухих веток или скрип гравия. Мчась по широкой дуге, Дейл отметил про себя, что теперь, когда с наступлением лета заросли вокруг сделались густыми и почти не пропускали света, здесь стало совсем темно. Позади них высилась мрачная бесформенная громада особняка Эшли – окутанная тайной груда обгоревших балок, остатков деревянных стен и покореженных половых досок. Именно таким, как сейчас – загадочным и даже слегка зловещим, – особняк и нравился Дейлу. При дневном свете развалины выглядели совсем не так привлекательно: от них веяло печалью и заброшенностью.

Ребята вырвались из ночной черноты, и, подравнявшись, все пятеро покатали по Броуд-стрит – вниз по склону холма, мимо квартала новых застроек и эстрады парка. Они уже успели отдышаться и вновь быстро крутили педали. На пересечении с Хард-роуд им встретился двигавшийся в западном направлении грузовик. Яркий свет его фар на мгновение выхватил из темноты Харлена и Кевина, и Дейл, оглянувшись, увидел, как Джим злорадно показывает шоферу средний палец.

³³ Возможно, имеется в виду один из продовольственных магазинов компании «А & Р» («Great Atlantic & Pacific Tea Co.»).

Далекий звук гудка нарушил тишину позади, когда ребята уже ехали по темному асфальту Брод-авеню; под арками вязов велосипеды скользили почти неслышно, от широких лужаек, раскинувшихся между дорогой и домами, доносился запах свежескошенной травы. Они проскочили мимо почты, мимо маленького белого домика библиотеки и чуть большего, но такого же белого здания пресвитерианской церкви, которую посещали Дейл и Лоренс. Дальше к северу тянулся еще один длинный квартал высоких домов, где свет уличных фонарей и сверху и снизу заслоняла густая листва и где в старом доме миссис Даббет светило одно окошко на втором этаже, а не менее старый дом миссис Дагган стоял погруженный во тьму.

Они выехали на Депо-стрит и неторопливо направились к остановке на перекрестке. Опустилась настоящая ночь. Над головами скользили в воздухе летучие мыши. Темный рисунок листвы отчетливо виднелся на фоне светлого неба. Прищурившись, Дейл сумел разглядеть на востоке первую звезду.

– До завтра, ребята, – попрощался Харлен и повернул на Депо-стрит, к дому.

Остальные притормозили, провожая приятеля взглядами. Вскоре он исчез из виду под кронами невысоких дубов и тополей, делавших улицу совершенно темной, а еще через несколько мгновений стихло и поскрипывание педалей его велосипеда.

– Поехали скорей, – прошептал Кевин, – а то мама разозлится.

Майк многозначительно подмигнул Дейлу.

Дейл каждой клеткой тела ощущал какую-то сказочную легкость и энергию, почти электрический заряд бодрости. Лето! Он довольно чувствительно ткнул брата в плечо.

– Полегче, – проворчал тот.

Майк привстал на педалях и порулил по Депо-стрит – в сторону, противоположную той, куда уехал Харлен. На этой улице не горело ни одного фонаря, и последние отблески вечернего неба начертили на мостовой едва заметный узор, то и дело пропадавший в пляске теней листвы.

Они молча миновали Старую школу и все как по команде одновременно повернули головы направо, чтобы взглянуть на темнеющий на фоне чуть более светлого неба силуэт здания, окруженного умирающими вязами.

Кевин попрощался первым, свернул влево и направился к дому. Его матери не было видно, но распахнутая входная дверь безошибочно свидетельствовала о том, что она уже выходила звать сына.

Когда темный пришкольный участок, занимавший целый квартал, остался позади, Майк притормозил у перекрестка Депо-стрит и Второй авеню.

– До завтра? – спросил он.

– Ага, – сказал Дейл.

– Ага, – в тон ему повторил Лоренс.

Майк кивнул и умчался.

Дейл и Лоренс направили велосипеды к небольшой открытой веранде. Окно кухни светило. Мать с раскрасневшимся от жара лицом что-то пекла.

Лоренс вдруг схватил брата за плечо:

– Слышишь?

С другой стороны улицы, из темноты, окружавшей Старую школу, донеслись свистящие звуки, похожие на шум голосов, что-то торопливо говоривших.

– Просто где-то там телевизор... – начал было Дейл, но его прервал грохот бьющегося стекла, а следом раздался короткий вскрик.

Мальчики постояли еще минуту, однако налетевший ветер и громкий шорох листьев огромного дуба заглушили все другие звуки.

– Пойдем, – сказал Дейл, все еще сжимая руку брата.

Они вошли в полосу света.

Глава 4

В парке Бандстенд у летней эстрады Дуэйн Макбрайд терпеливо ожидал, пока его Старик, сидевший в пивной «У Карла», напьется достаточно сильно, чтобы его оттуда выставили. Когда тот наконец, шатаясь, вышел, было уже половина девятого. Отец постоял у обочины, покачиваясь и проклиная Дома Стигла, владельца пивной (самого Карла здесь в глаза не видели с 1943 года), потом неуверенным шагом двинулся к своему пикапу и рухнул на сиденье. Выронив ключи зажигания на пол, он опять выругался и, продолжая честить всех и вся на чем свет стоит, все-таки отыскал их, выжал сцепление и завел двигатель. Дуэйн заторопился. Он знал, что в таком состоянии Старик вполне может забыть о существовании сына и уж тем более о том, что почти десять часов назад они вместе приехали в город. Приехали, чтобы «прикупить чего-нибудь в лавке».

– Дьюни? – Старик прищурился. – Какого дьявола ты тут делаешь?

Дуэйн промолчал, давая отцу время поразмыслить.

– Ах да, – наконец вспомнил тот. – Ты повидал своих приятелей?

– Да, отец.

С Дейлом и остальными приятелями Дуэйн расстался уже довольно поздно, вечером, когда те отправились на бейсбольное поле городского стадиона, чтобы поиграть там с другими ребятами. Тогда он еще надеялся, что Старик сумеет вовремя остановиться.

– Прыгай сюда, парень.

Отец выговаривал слова с той особой тщательностью, которая, как и южный бостонский акцент, появлялась в его речи, лишь когда он пребывал в серьезном подпитии.

– Нет, спасибо, папа. Если не возражаешь, я лучше поеду сзади.

Старик пожал плечами, снова выжал сцепление и рванул с места. Дуэйн подпрыгивал в кузове рядом с купленными в то утро запчастями для трактора. Он сунул блокнот и карандаш в карман рубашки и съезжил на металлическом сиденье, поглядывая за борт и от всей души надеясь, что отец не угробит и этот новенький пикап, как угробил два предыдущих.

Дуэйн увидел Дейла и остальных ребят, когда те в сумерках мчались на велосипедах по Мейн-стрит, и поспешно прилег на сиденье, надеясь, что они не видели эту машину раньше. А отец тем временем, сидя за рулем, выписывал кренделя. Когда пикап поравнялся с велосипедистами, до мальчика донесся крик: «Фары!» – но Старик либо не услышал его, либо просто проигнорировал. Пикап лихо свернул на Первую авеню, и Дуэйн выпрямился как раз в тот момент, когда они проезжали мимо старого кирпичного здания на восточной стороне улицы. Городские ребята называли его «Дом рабов», хотя никто толком не знал, откуда пришло такое название.

А вот Дуэйн знал. Этот дом принадлежал когда-то старому Томпсону, и в пятидесятых годах прошлого века здесь был перевалочный пункт «подпольной железной дороги»³⁴.

Дуэйн заинтересовался маршрутом беглых негров еще в третьем классе и даже просмотрел все материалы на эту тему, имевшиеся в городской библиотеке Оук-Хилла. Кроме томпсоновского, в округе Кревкер существовали еще два перевалочных пункта «подпольной железной дороги». Один из них – старый каркасный фермерский дом, стоявший неподалеку от Пеории, в долине реки Спун. Когда-то он принадлежал семейству квакеров, но еще перед Второй мировой войной сгорел дотла. Другой дом принадлежал семье мальчика, с которым Дуэйн учился как раз в том самом третьем классе. И однажды в субботу он приехал туда на велосипеде – восемь с половиной миль в один конец, – просто чтобы своими глазами увидеть исто-

³⁴ «Подпольной железной дорогой» называлась существовавшая в XIX в. система переброски беглых негров-рабов из южных штатов через северные в Канаду.

рическое место. Дуэйн даже удалось обнаружить и показать хозяевам дома потайную комнату – она по-прежнему находилась за чуланом под лестницей. Опасаясь гнева отца, Дуэйн мчался обратно словно ветер. К счастью, Старик в тот день не напился и порки удалось избежать.

Пикап с ревом пронесся мимо дома Майка О’Рурка, мимо городского парка и свернул на восток, к водонапорной башне. Когда машина помчалась по гравийному шоссе, Дуэйн отвернулся, пригнулся ниже и поплотнее сжал веки, чтобы защитить глаза от летящих камешков и пыли, которая набивалась в волосы, скрипела на зубах, плотным слоем оседала на шее и под рубахой.

Старик каким-то чудом удерживал пикап на дороге, хотя едва не проскочил поворот на окружное шоссе номер шесть. Он успел ударить по тормозам, машину занесло на крутом вираже, она накренилась, несколько раз подпрыгнула, но в конце концов выровнялась – и они оказались на запруженной машинами стоянке у бара «Под черным деревом».

– Я только на минуту, Дьюни. – Старик потрепал сына по руке. – Заскочу поздороваться со старыми друзьями. А потом мы тут же отправимся домой и займемся трактором.

– Хорошо, отец.

Дуэйн сполз пониже, оперся головой о перегородку кабины и достал из кармана потрепанный блокнот и карандаш. Было уже совсем темно, в кронах деревьев у бара просвечивали яркие звезды, но желтоватого света, льющегося из окон, было вполне достаточно, чтобы Дуэйн мог разобрать написанное.

Почти все страницы пропахшего потом, толстого, с донельзя грязной обложкой блокнота были заполнены убористым почерком Дуэйна. Еще без малого пятьдесят таких блокнотов лежали надежно припрятанными в его комнатке в подвале.

Еще в шесть лет Дуэйн Макбрайд понял, что хочет стать писателем. Чтение – а уже в четырехлетнем возрасте у него хватало терпения прочесть от начала до конца даже очень толстую книгу – открывало перед ним другой мир. Нет, это не было бегством: у Дуэйна редко возникало такое желание, ведь писатель должен хорошо знать действительность, чтобы правильно отобразить ее... Нет, это был просто другой мир – мир, наполненный мощными голосами и важными мыслями.

Дуэйн всегда любил своего Старика за то, что тот разделял его любовь к книгам. Мама умерла так рано, что мальчик почти не помнил ее, и прошедшие годы были для него нелегкими. Ферма постепенно приходила в упадок, отец пил, иногда поколачивал сына и нередко оставлял в одиночестве. Но бывали и хорошие времена: периоды, когда Старик держал себя в руках, летние месяцы, когда тяжелой работы было немного, хотя и с этим не всегда удавалось вовремя справиться, долгие вечера, когда они болтали с дядей Артом – три холостяка, поджаривающие себе на ужин бекон на заднем дворе и рассуждающие обо всем, что творится под звездами. И о самих звездах.

Старика выставили из Гарварда, но он все-таки получил степень магистра технических наук в Иллинойском университете, после чего отправился хозяйничать на ферму своей матери. Дядя Арт был путешественником и поэтом: один год он плывал моряком на торговом судне, другой – учительствовал в частных школах Панама, Уругвая или Орландо. Даже когда мужчины крепко напивались, их разговоры были все-таки чертовски интересны для юного Дуэйна, третьего члена холостяцкого кружка, и он впитывал поступающую информацию с жадностью очень одаренного ребенка.

Никто из тех, кто имел отношение к школьному обучению в Элм-Хейвене или в округе Кревкер, не считал Дуэйна одаренным. В шестидесятых годах в этом захолустном уголке штата Иллинойс о существовании такого термина вообще не подозревали. Дуэйн был толстым. И странным. В докладных или на редких встречах с родителями учителя характеризовали его как невнимательного ученика с немотивированным поведением, к тому же лишенного надлежащего ухода. Однако ни о каких проблемах с дисциплиной речь не шла – так, мелкие проступки.

Дуэйн не умел, да и не старался подать себя в выгодном свете.

При встречах с кем-нибудь из учителей он с извиняющейся улыбкой торопливо отходил в сторону. Какие бы мысли и проекты ни занимали его, ему и в голову не приходило делиться ими с кем-нибудь. Школа не вызывала у Дуэйна отвращения и, в общем-то, не была в тягость, поскольку учиться ему нравилось. И все же... Школа отвлекала его от других занятий и от подготовки к тому, чтобы стать писателем.

Точнее можно было бы сказать, что единственная проблема состояла в этом, если бы... Если бы в Старой центральной не ощущалось нечто странное. Дуэйн и сам не мог понять, отчего в стенах школы его не покидает тревожное чувство. И причиной были вовсе не дети, которые там учились. И даже не директор или учителя – косные тугодумы. Нет, тут было что-то другое.

Дуэйн прищурился в тусклом свете, раскрыл блокнот и перевернул несколько страниц, возвращаясь к той, где он описал последний день занятий в школе.

«Другие словно не замечают, какой странный в школе запах. Или замечают, но не говорят об этом. А это запах сырости и холода, приправленный слабо ощутимым гнилостным зловонием, похожий на тот, что ощущается в морозильных камерах, где хранится мясо. Такой же запах витал у нас на ферме, когда за южным прудом умерла телка и мы с отцом не могли отыскать ее целую неделю.

Свет в Старой центральной тоже очень странный – как в том заброшенном отеле в Дэвенпорте, который собирался купить отец, чтобы после заработать на нем целое состояние. Я ездил с ним туда и хорошо помню царивший там полумрак – такой же туманный, как воспоминания о былой славе, тусклый, словно всю его яркость поглотили тяжелые драпировки и лежащий повсюду толстый слой пыли. И запах там стоял похожий – затхлый запах безысходности и отчаяния. А еще мне запомнились блики света, падавшего из высоких окон на паркетный пол пустого бального зала того отеля, – совсем как отблески витражей над лестницами Старой центральной.

Нет. Скорее это ощущение... Дурного предзнаменования? Зла? Слишком мелодраматично. И там и там присутствует чувство странной осведомленности. А еще звуки скребущихся за стенами крыс. Интересно, почему никто больше не говорит о крысах в Старой школе? Ведь не может быть, чтобы уважаемых людей нашего округа не тревожило, что там кишмя кишат крысы, что они вылезают отовсюду, бегают по трубам в подвале, где находятся комнаты отдыха. Помню, когда я был во втором классе и спустился однажды туда...»

Дуэйн перевернул несколько страничек вперед – к последним записям, сделанным в то время, когда он ждал отца в парке.

«Дейл, Лоренс (ни в коем случае не Ларри), Майк, Кевин и Джим. Как их описать? Похожи друг на друга словно горошины в стручке.

Дейл, Лоренс, Майк, Кевин и Джим. (Почему все называют Джима „Харлен“? Кажется, даже его собственная мать. А уж она-то наверняка больше не Харлен. Взяла после развода свою старую фамилию. Кто еще разведен в Э.-Х.? Кого я знаю? Никого. Разве что дядюшка Арт... Но его первую жену я в глаза не видел, да и сам он, скорее всего, ее не помнит, потому что она была китайкой и их брак продолжался только два дня. И случилось это за двадцать два года до моего рождения.)

Дейл, Лоренс, Майк, Кевин и Джим.

Как сравнить горошины в стручке?

Стрижки.

У Дейла прическа в классическом местном стиле – так называемый матросский ежик. Старый Фрайерс делает такую в своей шикарной парикмахерской. Столб с бело-красной спиралью у входа в его салон – знак гильдии. Похоже на стекающую кровь. Кто знает, может, в Средние века цирюльники были вампирами? Спереди волосы у Дейла чуть подлиннее и спускаются на лоб челкой. Дейл не обращает на прическу никакого внимания. (Только однажды, в третьем классе, когда мать коротко подстригла его и оголила все шрамы и следы от царапин на голове – настоящий архипелаг лысых пятен, – Дейл не снимал свою скаутскую кепку даже в классе.)

У Лоренса волосы короче, он укладывает их с помощью специального геля. Носит очки. Передние зубы резко выдаются вперед, отчего его костлявое лицо кажется еще более худым. Интересно, какие прически будут носить в будущем? Году так, например, в 1975-м? Уж наверняка не такие, как у актеров в фантастических фильмах. При этом они еще непременно одеты в блестящие костюмы и какие-то ермолки на голове. Может быть, длинные волосы? Как во времена Томаса Джефферсона? Или прилизанные и расчесанные на прямой пробор, как у моего Старика на старых гарвардских фотографиях? Одно можно сказать точно: когда-нибудь, глядя на наши сегодняшние фотографии, мы будем сами себе казаться чокнутыми гиками»³⁵.

Дуэйн помедлил, снял очки и принялся размышлять о происхождении слова «гик». Он прекрасно знал, что так называют артистов в цирке, которые откусывают головы несчастным цыплятам. Так ему рассказал дядя Арт, а в таких вопросах он разбирается. Но какова все-таки этимология этого слова?

Что же касается самого Дуэйна, то он стригся сам. Когда вспоминал об этом. На макушке и затылке волосы были очень длинные, много длиннее, чем обычно носили мальчики в 1960-м... А над ушами совсем короткие. Он их даже не расчесывал. Сейчас они на ощупь казались довольно грязными – дороги в Элм-Хейвене очень пыльные.

Дуэйн опять раскрыл блокнот.

«У Майка на голове тоже матросский ежик, – возможно, его стрижет мама или сестры, потому что денег на парикмахерскую у них нет. Но на О’Рурке такая прическа выглядит как-то получше. Спереди волосы длинные, но не стоят торчком. И никакой челки. Никогда раньше не замечал, но у Майка ресницы как у девочки. И глаза у него странные – такие серо-голубые, что вы замечаете их даже издалека. Его сестрицы, наверное, могли бы убить кого-нибудь, чтобы заполучить такие глаза. Но он совсем не неженка и не женоподобный (посмотреть в словаре, как правильно пишется это слово)... Просто красивый. Вроде сенатора Кеннеди, только совсем не похож на него... Если это что-то объясняет. (Не люблю, когда Мейлер³⁶ или еще кто-нибудь в описании персонажа сравнивает его с актером или другой известной личностью. Скучно это.)

У Кевина Грумбахера волосы словно вдруг все одновременно подскочили вверх и загнулись, как зубчики на скребнице. А лицо напоминает кроличью мордочку. У него выступающий кадык и веснушки, нервная ухмылка и вечно испуганный вид. Он и вправду всегда боится, что мамочка вот-вот позовет его домой.

Волосы Джима... У Харлена стрижка хоть и короткая, но не ежик. На макушке торчит хохолок, а лицо почти квадратное. Джим Харлен напоминает мне актера, которого мы видели прошлым летом в кино на бесплатном сеансе. Фильм назывался „Мистер Робертс“³⁷,

³⁵ Гик – цирковой или балаганный актер, выполняющий зачастую омерзительные номера (например, откусывание головы у живой курицы).

³⁶ Мейлер, Норман (Norman Mailer; 1923–2007) – американский писатель и публицист.

³⁷ Слабая версия популярнейшего бродвейского спектакля, поставленного по пьесе Джошуа Логана и Томаса Хеггена, основанной на романе Томаса Хеггена. Режиссеры фильма, вышедшего на экран в 1955 г., – Джон Форд и Мервин ЛеРой. За роль Эйсая Пулвера Джек Леммон был удостоен премии «Оскар» как лучший актер второго плана.

и этот актер играл парня по имени Энсайн Пулвер. Джек Леммон. (Ух! Ну вот, опять! Достаточно при описании внешности персонажей сравнивать их с кинозвездами – и пожалуйста: кастинг не представит никакой сложности, когда эти книги будут куплены Голливудом.) Но Харлен действительно похож на Энсайна Пулвера. Такой же рот. Такая же неестественная, смешная манерность. Такая же нервная, саркастическая болтовня. По-моему, и стрижка такая же. Ладно, это не важно.

О'Рурк – это само спокойствие, лидер, одним словом. Как Генри Фонда в том фильме. Может быть, и Джим Харлен работает под актера. Может быть, мы все подражаем тем персонажам, которых видели в кино, и не знаем...»

Дуэйн закрыл блокнот, снял очки и потер глаза. Он устал, хотя в тот день практически не работал. И проголодался. Дуэйн попытался вспомнить, что ел сегодня на завтрак, но не смог. Когда все отправились на ленч, он остался в курятнике, чтобы подумать и сделать кое-какие заметки.

Дуэйна утомили бесконечные размышления.

Он выпрыгнул из кузова пикапа и пошел к опушке леса. В темноте мелькали светлячки. С берегов ручейка, текущего по ложине, доносилось пение цикад и кваканье лягушек. Откос позади бара «Под черным деревом» был завален мусором. Темные кучи на еще более темном фоне. Дуэйн расстегнул ширинку и помочился, прислушиваясь к звону струи, ударявшейся о что-то металлическое. Из освещенного окна донесся чей-то низкий смех, и Дуэйн узнал голос отца, забавляющего посетителей очередной байкой.

Дуэйну нравилось слушать рассказы отца, но не тогда, когда тот был пьян. Стоило отцу напиться – и его обычно веселые истории превращались в злобные и мрачные, граничащие с цинизмом. Отец считал себя неудачником. Не сумевший сделать карьеру выпускник Гарварда, несостоявшийся инженер, фермер, изобретатель, бизнесмен... Несостоявшийся муж и несостоявшийся отец... В общем, Дуэйн был согласен с каждым пунктом обвинения, разве что, пожалуй, за исключением последнего.

Мальчик вернулся обратно к пикапу и забрался в кабину. Дверцу он оставил открытой, чтобы выветрился запах виски. Он знал, что бармен выставит Старика вон, когда тот начнет буяннить. И тогда придется посадить отца на заднее сиденье, чтобы он не мог дотянуться до руля, и отвезти домой, а потом поскорее уложить его в кровать, приготовить ужин и отправиться в сарай – посмотреть, нет ли там запасных частей к «Джону Диру»³⁸. И все это предстоит сделать ему, Дуэйну, которому в марте исполнилось одиннадцать лет, ученику с коэффициентом интеллекта 160. Одному богу известно, зачем дядюшке Арту понадобилось знать, каковы умственные способности Дуэйна, но два года назад он лично возил мальчика в Иллинойсский университет, чтобы это выяснить.

Прошло много времени, прежде чем Дуэйн проснулся. Его разбудил шепот.

Даже не совсем очнувшись от сна, он сознавал, что находится дома, помнил, как провез отца через два холма, мимо кладбища, мимо усадьбы дядюшки Дейла Генри, свернул с Шестого окружного шоссе на дорогу, ведущую к ферме, а затем уложил храпящего Старика в постель, поставил новый распределитель зажигания и приготовил гамбургер. Но он никак не мог понять, как его угораздило уснуть с наушниками в ушах.

Дуэйн спал в подвале, угол которого отделил для себя с помощью одеяла и нескольких корзин. На самом деле все было отнюдь не так трагично, как могло бы показаться. Зимой на втором этаже было слишком холодно и пусто. Даже сам Старик давно уже не пользовался когда-

³⁸ Речь идет о тракторе. «John Deere Agricultural Holding, Inc.» – одна из старейших промышленных корпораций США, производящая различную технику, в том числе сельскохозяйственную. Основана в 1837 г.

то общей их с мамой спальней. Он перебрался на кушетку в гостиную, а Дуэйн – в подвал, где стояла печь, отлично согревавшая помещение и в зимнее ненастье, когда над опустевшими полями вокруг городка завывали ледяные ветры. К тому же в подвале был устроен душ, а на втором этаже имелась только ванна. В общем, Дуэйн счел за лучшее перетащить вниз свою кровать, шкаф, фотолaborаторию, рабочий стол и электронику.

Уже с трех лет Дуэйн обожал допоздна слушать радио. Старик тоже когда-то этим увлекался, но вот уже несколько лет как бросил.

Приемников у Дуэйна было множество: и детекторные, и настоящие, купленные в магазине, и большие, стоящие на полу, отремонтированные и усовершенствованные; в его коллекции имелся коротковолновый приемник и даже новая модель транзисторного. А еще целые комплекты деталей от «Хита»³⁹. Дядя Арт полагал, что Дуэйн собирается стать радиолюбителем, но он ошибался. Дуэйна интересовало совершенно не это: он хотел не передавать, а слушать.

И действительно слушал – ночи напролет сидя в сумраке подвала. Антенны были протянуты повсюду, обмотаны вокруг труб и выведены через окна на улицу. Дуэйн ловил станции Пеории, Де-Мойна, Чикаго, крупные станции Кливленда и Канзас-сити. Но самое большое удовольствие испытывал, поймав в эфире далекие сигналы из Северной Каролины, Арканзаса, Толедо⁴⁰, Торонто... Иногда, если атмосферные помехи были минимальными, а солнечная активность не вызывала магнитных бурь, до него доносилась медленная речь жителей Алабамы, звучащая почти как иностранная, позывные радиостанций Калифорнии или Квебека. В забытом богом уголке Иллинойса Дуэйн слушал спортивные новости и, смежив веки, рисовал в воображении футбольные поля, покрытые ярко-зеленой травой. Или настраивался на волну классической музыки. Он любил биг-бенд, а еще больше джаз. Но больше всего Дуэйну нравились передачи типа «Звоните – отвечаем», когда доброжелательные ведущие в прямом эфире общались с теми, кому удавалось дозвониться, терпеливо выслушивали их мнения и пожелания, зачастую весьма бестолковые, сумбурные, но всегда искренние.

Иногда Дуэйн воображал себя единственным членом команды летящего к звездам космического корабля, уже отделенного от Земли многими световыми годами, не способного повернуть назад и обреченного на вечный полет. Этому кораблю не суждено было достичь места назначения за время человеческой жизни, но он летел вперед в пространстве, а благодаря широко раскинувшейся дуге электромагнитных излучений, проникающих сквозь луковую шелуху старых радиопередач, сохранял постоянную связь с Землей и устремлялся назад во времени, прислушиваясь к голосам, чьи обладатели давно умерли, возвращаясь к тем дням, когда Маркони изобрел радио, и к предшествовавшей им эпохе полного молчания.

Кто-то шептал его имя.

Дуэйн быстро сел в кровати. Надо же! Наушники все еще были на нем. Перед тем как заснуть, он проверял новый набор от «Хита».

Опять послышался тот же голос – возможно, женский, хотя звучал он странно и как-то бесполо. Искаженный расстоянием, голос все-таки оставался таким же чистым, какими были звезды, которые Дуэйн видел на ночном небе, когда шел сюда из сарая.

Она... оно... шепотом звало его по имени:

– Дуэйн... Дуэйн... Мы идем за тобой, мой дорогой.

³⁹ Английская компания «Allen & Heath» – один из ведущих производителей профессионального акустического оборудования, прежде всего микшерных консолей.

⁴⁰ Имеется в виду какой-либо из американских городов с таким названием – например, в штате Огайо.

Дуэйн спустил ноги на пол и крепче прижал к голове наушники. Голос звучал не из них. Казалось, он раздаётся из-под кровати, из темноты, сгустившейся за трубами отопления, из шлакобетонных стен.

– Мы непременно придем, Дуэйн, мой дорогой. Мы скоро придем.

Никто никогда не называл Дуэйна «мой дорогой». Даже в шутку. О том, как называла его мать, когда была жива, он не имел понятия. Дуэйн пробежал пальцами по шнуру наушника, пока не нащупал холодный разъем, валявшийся поверх одеяла – там, куда Дуэйн его бросил, выдернув из приемника.

– Мы скоро придем, Дуэйн, мой мальчик, – шептал голос ему прямо в ухо. – Жди нас, мой дорогой.

Дуэйн протянул руку, нашарил в темноте шнур выключателя и дернул за него.

В подвале вспыхнул свет.

Наушники не были подключены. Приемник молчал. Ни один из радиоприборов не работал.

– Жди нас, мой мальчик.

Глава 5

Дейл первым ощутил запах смерти.

Была пятница, третье июня, второй день каникул, ребята играли в бейсбол с самого завтрака и теперь, к полудню, были покрыты плотным слоем пыли, которая, смешавшись с потом, образовала на их лицах и шеех коричневую корочку. Вот тогда-то Дейл и почувствовал приближение смерти.

– Го-о-осподи! – завопил Джим Харлен со своего места между первой и второй базой. – Что это такое?

Дейл уже шагнул было к диску, чтобы отбить мяч, но, услышав крик, отступил назад и замер, указывая куда-то.

Запах шел с востока: ветер доносил его с грунтовой дороги, которая соединяла спортивную площадку с Первой авеню. Нет, не запах – зловоние, смрад разлагающихся трупов, газов, перебродивших в кишках бактериями мертвых желудках, газов, вызванных бактериями, кишками в мертвых желудках... И это зловоние становилось все ощутимее.

– Ф-ф-ф-ф-фу, – послышался голос Донны Лу Перри с круга питчера.

Продолжая держать мяч в правой руке, она поднесла к лицу бейсбольную перчатку и зажала ею нос и рот, потом повернулась и посмотрела в ту сторону, куда показывал Дейл.

Медленно двигавшийся по Первой авеню грузовик, принадлежавший живодерне, свернул на раздолбанную грунтовую дорогу и уже успел проехать по ней сотню ярдов в их сторону. Грязно-красного цвета кабина была заляпана землей, а над краями сколоченного из толстых досок кузова торчали четыре ноги, – похоже, это была корова или лошадь, но на таком расстоянии трудно было определить. Труп, наверное, лежал поверх множества других, и копыта, нацеленные прямо в небо, – так обычно в мультфильмах изображают мертвых животных, – покачивались в такт движению машины.

Но это был не мультфильм.

– Тьфу, давайте сделаем перерыв, – предложил Майк, стоявший на месте кетчера, за диском.

Вонь становилась все сильнее, и он, задрав футболку, прикрыл ею лицо.

Дейл отошел от диска еще на шаг. Из глаз текли слезы, в животе все переворачивалось.

Труповоз проехал до конца грунтовки и свернул на поросшую травой стоянку позади и чуть правее открытых трибун. Теперь он был справа от ребят. Воздух, казалось, сгустился вокруг них, и зловоние словно ладонью накрыло лицо Дейла.

Кевин, стоявший на третьей базе, подбежал к остальным.

– Это Ван Сайк? – спросил он.

Лоренс Стюарт поднялся со скамьи запасных и встал рядом с братом. Теперь они оба, низко нагнувшись на глаза козырьки бейсболок, прищурившись, смотрели на грузовик.

– Не знаю, – пожал плечами Дейл. – Из-за этих дурацких бликов не видно, кто сидит в кабине. Но ведь летом обычно грузовик водит Ван Сайк, да?

Джерри Дейзингер, стоявший «под рукой» позади Дейла, взял биты на изготовку, точно ружье, и скорчил гримасу:

– Ага, Ван Сайк водит грузовик... почти всегда.

Дейл посмотрел на невысокого парнишку. Все они знали, что отец Джерри иногда садился за руль грузовика-труповоза, или стриг траву на кладбище, или... – в общем, выполнял всякую грязную работу, которую обычно полагалось делать Ван Сайку. Никто и никогда не видел мистера Ван Сайка в компании хоть какого-нибудь приятеля, и только отец Джерри иногда проводил с ним время.

Будто прочитав их мысли, Дейзингер сказал:

– Это Ван Сайк. Мой старик подался сегодня в Оук-Хилл – поработать на стройке. Донна Лу соскочила с круга и подошла к ним, все еще держа у лица бейсбольную рукавицу:

– Чего ему надо?

Майк О’Рурк пожал плечами.

– Что-то я не вижу здесь мертвецов. А вы? – спросил он ребят.

– Разве что Харлен, – ссызвил Джерри, запуская в спешащего к ним Джима комочком земли.

Грузовик стоял ярдах в десяти от ребят. Ветровое стекло отражало яркое сияние солнца, и разглядеть, что происходило внутри, было невозможно. Толстый слой краски на стенках кабины напоминал засохшую кровь. Между досками Дейл разглядел черно-серые шкуры, еще одно копыто около откидного заднего борта, а возле задней стенки кабины что-то большое, раздувшееся, коричневое. Четыре ноги, нацеленные в небо, принадлежали корове. Дейл надвинул козырек пониже на лоб, чтобы защитить глаза от солнца, и смог рассмотреть белую кость, поблескивавшую под истлевшей шкурой. Стаи мух, синеватым облаком роившихся над машиной, наполняли воздух непрекращающимся жужжанием.

– Чего ему надо? – повторила вопрос Донна Лу.

Она закончила шестой класс и уже несколько лет играла в бейсбол с ребятами из Велосипедного патруля. Лучшего питчера, чем Донна Лу, в спонтанно собиравшихся командах не было. Но этим летом Дейл впервые заметил, как выросла их подружка... и как приподнимается футболка, плотно облегающая ее округлившуюся грудь.

– Давайте спросим у него.

Майк бросил перчатку на землю и направился к проходу в заборе, ограждавшем бейсбольное поле.

Дейл почувствовал, как дрогнуло в груди сердце. Он совершенно не переносил Ван Сайка и при одной только мысли о нем испытывал не меньшее отвращение, чем при воспоминании о школьных учителях или директоре. Он мысленно видел перед собой длинные паучьи пальцы с грязью под ногтями, борозды морщин на красной прыщавой шее и желтые, слишком крупные зубы – как у крыс, которые водятся на свалке.

Едва Дейл осознал, что сейчас должен приблизиться к ужасному, жутко смердящему грузовику, как внутри у него все снова сжалось в тугую комок.

Майк уже дошел до забора и пригнулся, чтобы пролезть в узкую щель.

– Эй, погоди! – остановил его Харлен. – Посмотри туда!

Кто-то ехал на велосипеде по грунтовке, затем свернул и по правой стороне поля помчался в сторону ребят. Из-под колес летели комья земли. Дейл увидел, что это женский велосипед и что сидит на нем Сандра Виттакер, подружка Донны Лу.

– У-у, фу-у-у, – произнесла она с отвращением, останавливаясь рядом с ребятами. – Почему здесь воняет дохлятиной?

– Тут как раз подрулили мертвые кузены Майка, – сказал Харлен. – Вот он и пошел с ними поздороваться.

Сэнди окинула Харлена ледяным взглядом и отвернулась, взмахнув косами.

– У меня есть новости, – заявила она. – Происходит что-то странное.

– Что? – быстро спросил Лоренс и поправил очки на носу. Голос бывшего третьеклассника звучал напряженно.

– Джей-Пи, Барни и все остальные собрались в Старой центральной. Там еще Корди и ее ненормальная мамаша. И Рун прибежал туда же. В общем, все. Они ищут брата Корди.

– Табби? – Джерри Дейзингер провел рукой под вечно текущим носом и тут же вытер ее о футболку. – Я думал, он убежал еще в среду.

– Ну да, – задыхаясь от возбуждения, откликнулась Сэнди и повернулась к Донне Лу. – Но Корди считает, что он еще в школе. Странно, правда?

– Поехали! – крикнул Харлен и побежал к велосипедам, стоявшим рядом у первой базы.

Остальные последовали за ним. Отцепив велосипеды от забора, к которому те были привязаны, ребята поспешно оседлали их, повесив бейсбольные перчатки на рули или на лежащие на плечах биты.

– Эй! – окликнул ребят Майк с другого конца поля. – А как же Ван Сайк?

– Передай ему от нас поцелуй, – прокричал в ответ Харлен и помчался в сторону грунтовки.

Дейл последовал за ним, Лоренс и Кевин не отставали. Дейл с силой нажимал на педали, притворяясь, что взволнован и напуган новостью, рассказанной Сэнди. Что угодно, лишь бы только оказаться подальше от зловония смерти и от застывшего посреди поля грузовика.

Майк чуть помедлил, провожая взглядом друзей. Из-под колес их велосипедов летела пыль и столбом поднималась над дорогой.

У Джерри Дейзингера велосипеда не было, и он сел на раму впереди Грумбахера, поэтому Кевин ехал медленно, его длинные ноги с трудом крутили педали.

Донна Лу глянула в сторону Майка, потом тоже уселась на свой бирюзово-белый велосипед, забросила рукавицу в корзину и уехала вместе с Сэнди.

Какое-то время Майк оставался на стадионе один. Только он и страшное зловоние от мертвечины в грузовике. Жара была страшная, не меньше девяноста градусов. Солнце пекло так жаростно, что пот ручьями катился по шее и щекам мальчика. Как только мог Ван Сайк выдержать такое пекло, сидя в кабине с закрытыми окнами?

Майк постоял, не трогаясь с места, наблюдая за ребятами, пока те не повернули направо, на асфальтированную мостовую Первой авеню. Последними скрылись за темной линией вязов Сэнди и Донна Лу.

Царившее вокруг безмолвие нарушалось только настойчивым жужжанием мух. И вдруг в кузове грузовика что-то шевельнулось. Послышался тихий шипящий звук, и вонь сразу же усилилась, сделалась почти видимой в тяжелом, неподвижном воздухе. Майк почувствовал, как его охватывает ужас – такой же, как той ночью, когда он услышал шорох внизу, в бабушкиной комнате, и подумал, что это ее душа пытается вырваться на свободу... или как во время торжественной мессы, когда он долго стоял на коленях, почти загипнотизированный парами фимиама, пением и мыслями о своих собственных грехах, о языках пламени в аду и о том, что ждет его там...

Майк сделал еще несколько шагов по сухой траве в сторону грузовика. Из-под ног отпрыгивали в стороны кузнечики.

За лобовым стеклом кабины мелькнула чья-то тень.

Майк остановился и, немного подумав, сделал в сторону грузовика и его обитателей – не важно, живых или мертвых, – непристойный жест. Затем медленно повернулся и двинулся обратно к проходу, оставленному в сделанном из дерева и проволоки заборе. Он старался идти спокойно, только усилием воли заставляя себя не сорваться на бег и каждую секунду ожидая, что вот-вот хлопнет дверца машины и за спиной раздастся звук тяжелых торопливых шагов.

Сначала слышно было только жужжание мух. Затем тихо, но совершенно отчетливо из кузова донеслось слабое хныканье, вскоре сменившееся детским плачем. Майк застыл на месте, сжимая в руке перчатку, которую как раз собирался повесить на руль своего велосипеда.

Никаких сомнений! Позади, в этой колыбели смерти, наполненной соскобленными с асфальта останками жертв дорожных аварий и дохлыми собаками с вывалившимися наружу кишками, трупами домашнего скота с раздувшимися животами и лошадей с побелевшими глазами, раздавленными голубями и гниющей требухой, собранной с окрестных ферм, – в этой жуткой колыбели плакал ребенок!

Плач становился громче и громче, постепенно переходя в вой, вполне соответствовавший душевному смятению Майка, охватившему его ужасу, и вдруг вой прекратился, и вместо него послышалось нечто похожее на хихиканье... Как будто кто-то стал нянчить ребенка... или кормить...

Едва держась на ватных, неожиданно ослабевших ногах, Майк оторвал от забора велосипед, кое-как взгромоздился на него и, проехав мимо первой базы, свернул на грунтовку в направлении Первой авеню.

Он не остановился.

И ни разу не оглянулся.

Еще издалека они увидели машины и царившую возле них суету. Матово-черный «шевроле» Джей-Пи Конгдена был припаркован около школы, бок о бок с машиной констебля и старым синим автофургоном, который, похоже, принадлежал мамаше Корди Кук. Сама Корди, одетая все в то же бесформенное платье, в котором весь последний месяц ходила в школу, тоже была здесь, а взволнованная полная круглолицая женщина рядом с ней, похоже, и была ее матерью. Доктор Рун и миссис Даббет замерли на нижней ступеньке лестницы северного входа, словно загоразивая его своими телами. Мировой судья и городской констебль, которого все звали Барни, стояли между ними, готовые исполнить роль посредников.

Дейл с ребятами остановились и соскользнули в траву примерно в двадцати пяти футах от взрослых: не настолько близко, чтобы их шуганули, но и не настолько далеко, чтобы пропустить хоть слово. Дейл оглянулся и увидел приближающегося Майка: тот лихорадочно крутил педали и был бледен как полотно.

– А я вам говорю, что Теренс не появлялся дома со вторника! – кричала миссис Кук.

Ее морщинистое, коричневое от загара лицо живо напомнило Дейлу бейсбольную руку-вицу Майка, а серые глаза были такими светлыми, словно вылиняли на солнце, и в них застыло то же безнадежное выражение, какое всегда стояло в глазах Корди.

– Теренс? – повторил шепотом Джим Харлен и скорчил гримасу.

– Да, мэм, – говорил в это время Барни, все еще стоя между директором и женщиной. – Доктор Рун понимает вас. Но учителя уверены, что он не остался в школе. Нам необходимо выяснить, куда он отправился.

– Чушь! – продолжала вопить миссис Кук. – Корделия говорит, что не видела, чтобы он выходил со двора... И к тому же мой Теренс нипочем не ушел бы из школы без разрешения. Он хороший мальчик. А если б только посмел, я бы выпорола его так, что живого места бы не осталось.

Кевин повернулся к Дейлу и вопросительно поднял бровь. Но Дейл не сводил взгляда с разгневанных взрослых.

– Минуточку, миссис Кук, – заговорил низенький, лысый мировой судья. – Нам всем известно, что Табби... гм... что ваш сын Теренс имеет несколько своеобразное представление о дисциплине и...

Миссис Кук стремительно повернулась к нему:

– Вы бы вообще лучше помолчали, Джей-Пи Конгден. Все знают, что ваш сынок самый подлый из местных подонков. К тому же вечно носит с собой нож. Так что нечего наговаривать на моего Табби. – Тут она вновь обернулась к Барни и уставила толстый палец на доктора Руна и на Двойную Задницу. – Констебль, эти люди что-то скрывают.

Барни мгновенно выбросил вперед обе руки, ладонями вверх:

– Минутку-минутку, миссис Кук. Вы же знаете, что они везде посмотрели. Миссис Даббет видела, как Теренс вышел после обеда из школы еще до того, как остальных детей отпустили на кани...

– А я говорю, что это чушь собачья! – завопила мать Корди.

Сама Корди в этот момент оглянулась через плечо и увидела ребят. Но взгляд ее, брошенный в их сторону, был отсутствующим.

Миссис Даббет словно вдруг очнулась от спячки.

– Со мной никто еще не говорил подобным тоном, – возмущенно заговорила она. – Я преподаю в этом округе уже почти сорок лет, и я...

– А я и гроша ломаного не дам за то, сколько ты тут преподаешь... – вскинулась миссис Кук.

– Ма, она врет! – зашептала Корди, дергая мать за платье, такое же бесформенное и поношенное, как и на ней самой. – Я все время смотрела в окно и не видела Табби. А Двойная Задница вообще туда не смотрела.

– Одну минуту, юная леди, – начал доктор Рун, беспокойно крутя длинными пальцами цепочку от часов, свисавшую из жилетного кармана. – Мы понимаем, что вы расстроены... э-э-э... временным отсутствием вашего брата, но мы не можем позволить вам такие...

– Вы скажете мне наконец, где мой мальчик?! – завопила миссис Кук, наступая на мирового судью, словно хотела убрать его с дороги и своими короткими пухлыми пальцами ухватить директора.

– Эй! Эй! – вскрикнул Джей-Пи Конгден, делая шаг назад.

Барни торопливо вклинился между ним и миссис Кук и что-то сказал женщине. Говорил он быстро, и тон был явно увещающим, но ребятам не удалось расслышать хоть слово. Затем констебль произнес еще несколько слов, на этот раз обращаясь к доктору Руну.

– Согласен... пожалуй, нашу дискуссию действительно следует перенести в... э-э-э... менее оживленное место, – донесся до ребят замогильный голос директора.

Барни кивнул, сказал что-то еще, и вся группа вошла в двери Старой школы.

Перед тем как скрыться за дверью, Корди обернулась и посмотрела на Дейла. Теперь в выражении ее лица не было и следа враждебности – только грусть и... что-то очень похожее на страх.

– Было бы лучше, если бы... если бы к нам присоединился мистер Кук, – переступая порог школы, заметил доктор Рун.

– Мистер Кук неважно чувствует себя на этой неделе, – усталой скороговоркой ответила мать Корди.

– Мистер Кук пьян в стельку на этой неделе, – удачно имитируя простонародный выговор миссис Кук, передразнил ее Джим Харлен. Затем прищурился на солнце и обвел взглядом опустевшую стоянку. – Черт, уже поздно, а я обещал маме, что сегодня подстригу лужайку перед домом. Тут, наверное, ничего интересного уже не будет.

– Как вы думаете, куда делся Табби? – поправляя на носу очки, спросил Лоренс.

Харлен навис над маленьким третьеклассником, скорчил ужасную гримасу и выставил вперед пальцы наподобие когтей:

– Что-то схватило его, простофиля. А сегодня вечером это что-то придет за тобой!

Джим наклонился еще ниже, струйка слюны потекла по его подбородку.

– Кончай! – резко бросил Дейл, становясь между Харленом и братом.

– Кончай! – фальцетом передразнил его Джим. – Не пугай моего чудного братца!

Он присел и тут же подпрыгнул, выбрасывая вперед руки и ноги.

Дейл промолчал.

– Джим, если ты собирался подстричь лужайку, тебе пора идти. – Голос Майка звучал непривычно напряженно.

Харлен в нерешительности глянул на О'Рурка и после секундного колебания хмыкнул:

– Ладно. Пока, недотепы.

Он вскочил на велосипед и покатил вдоль Депо-стрит.

– Ну, что я вам говорила?! – подала голос Сэнди. – Тут и впрямь происходит что-то странное!

Они с Донной Лу тоже сели на велосипеды и уехали. Уже поравнявшись со стоявшими, словно часовые, вязами, Донна Лу оглянулась через плечо и крикнула:

– До завтра!

Дейл помахал ей в ответ.

– Дьявол! Кажется, ничего интересного больше не предвидится. Пойду-ка я лучше домой, выпью содовой, – сказал Джерри Дейзингер и побежал к своему каркасному, обитому толем дому, стоявшему на шлаковом отвале по другую сторону Скул-стрит.

– КЕВИ-И-И-И-ИН!

В проеме открывшейся двери показались голова и плечи миссис Грумбахер, а ее визгливый вопль напоминал крик Тарзана в исполнении Джонни Вайсмюллера⁴¹.

Не тратя времени на прощание, Кевин мигом вскочил на велосипед и умчался.

Тень Старой центральной протянулась уже почти до Второй авеню, лишая красок футбольное поле и погружая во мрак нижние ветви трех огромных вязов. Лишь в тех местах, куда все еще падали золотые лучи солнца, трава сохраняла нежно-зеленый цвет.

Через несколько минут из школы выскочил Джей-Пи Конгден и, на ходу прокричав какую-то угрозу в сторону ребят, сел в машину и уехал. Из-под колес «шевроле» во все стороны полетел гравий.

– Отец говорит, что этот тип специально подстраивает так, чтобы какой-нибудь водитель превысил скорость, а потом ловит его и штрафует.

– Как это? – удивился Лоренс.

Майк уселся прямо на траву, выдернул из земли тоненький стебелек.

– Он прячется в молочной закусочной на холме, там, где Хард-роуд начинает спускаться к мосту через реку Спун. Как только на дороге появляется машина, Джей-Пи выруливает за ней и идет на обгон. Если водитель не уступает, Конгден включает мигалку, заставляет его остановиться и заплатить штраф. Говорят, с каждой машины берет по четвертному. А если водитель пропускает его вперед...

– Ну и что тогда?

– Тогда он обгоняет машину перед самым мостом и опять же штрафует – теперь уже за превышение допустимой скорости в непосредственной близости от водной переправы.

Лоренс тоже выдернул из земли травинку и пожевал ее, качая головой:

– Надо же, какой говнюк!

– Эй, потише! – прикрикнул на него старший брат. – Придержи язычок. Если мама услышит, что ты говоришь такие слова...

– Смотрите-ка! – воскликнул вдруг Лоренс. – Что это такое?

Он вскочил и подбежал к возвышавшемуся над поверхностью земли гребню.

Майк и Дейл подошли ближе.

– Суслик, наверное, – предположил Дейл.

– Вряд ли, – покачал головой Майк. – Слишком много нарыто.

– Наверное, здесь копали канаву, чтобы проложить новые канализационные трубы, вот и остался этот гребень, – высказал еще одно предположение Дейл. – Смотрите! Вон там другой. – Он указал рукой чуть дальше. – И оба тянутся к школе.

Майк подошел ко второму гребню и, продолжая жевать травинку, проследовал вдоль колеи, пока та не исчезла под тротуаром около школы.

– Ни к чему прокладывать здесь новые трубы.

⁴¹ *Джонни Вайсмюллер* (Петер Йоханн Вайсмюллер; 1904–1984) – американский пловец, пятикратный олимпийский чемпион, исполнял роль Тарзана в шести фильмах 1930-х гг.

– Почему это? – спросил Лоренс.

Майк махнул рукой в сторону мрачной громады школы:

– Скоро все это снесут. Через пару дней, как только выгребут весь мусор, окна заколотят досками. Если они...

Майк вдруг замолчал, быстро скользнул взглядом по свесу крыши и карнизам и сделал несколько шагов назад.

Дейл подошел к нему:

– Что?

– Посмотри туда. – Майк жестом указал на центральное окно этажа старших классов. – Видишь?

– Не-а. – Как ни шурился Дейл, он ничего не увидел. – А что?

– Кто-то только что смотрел на нас из того окна, – сказал Лоренс. – Я тоже видел чье-то белое лицо, и оно сразу исчезло.

– Не чье-то, – уточнил Майк. – Это был Ван Сайк.

Дейл обернулся, всматриваясь через плечо в даль, в ту сторону, где за его домом простирались поля. Тень деревьев и расстояние мешали ему разглядеть, стоит ли все еще возле стадиона грузовик.

Как раз в этот момент на школьном дворе показались миссис Кук, Корди, Барни и Двойная Задница. Перекинувшись на прощание несколькими словами, они расселись по машинам и отбыли в разных направлениях.

На месте оставался только похожий на катафалк «бьюик» доктора Руна.

Наконец, когда уже совсем стемнело, а Дейла и Лоренса позвали домой, директор тоже вышел, запер школьную дверь и уехал.

Дейл еще долго стоял в дверях своего дома, не сводя взгляда с дверей школы, пока мама не велела ему идти накрывать на стол. Ван Сайк не появился.

После ужина Дейл еще раз внимательно оглядел территорию вокруг школы. Вечерний свет чуть озарял только верхушки деревьев и обшарпанный зеленый купол башни. Весь остальной мир утопал во тьме.

Глава 6

Субботним утром – первым субботним утром лета! – Майка О’Рурка угораздило проснуться на рассвете. Он прошел в полутемную гостиную проведать Мемо – с некоторых пор она едва ли вообще спала, – увидел неподвижный ворох одеял и шалей, но, заметив бледный отсвет солнца на коже и блестящий глаз, убедился, что бабушка жива. Майк подошел и поцеловал ее, ощутив при этом легкий запах, едва намекавший на начало распада, того самого разложения плоти, отвратительная вонь которого днем раньше исходила из страшного грузовика-труповоза. Мальчик прошел в кухню. Отец уже встал и теперь брился, стоя перед крапом, из которого текла холодная вода. К семи часам утра ему нужно уже быть на пивоварне Пабста в Пеории, а до города больше часа езды. О’Рурк-старший был крупным мужчиной: при росте шесть футов он весил не меньше трехсот фунтов⁴². Причем большая часть этого веса приходилась на круглый живот, заставлявший отца Майка держаться на большом расстоянии от раковины даже во время бритья. Его рыжие волосы уже поредели, и только над ушами сохранился золотисто-оранжевый венчик. За недели, проведенные за работой в огороде, лоб покрылся красноватым загаром, а сеть капилляров на щеках и носу придавала лицу багровый оттенок. Мистер О’Рурк пользовался старинной опасной бритвой, принадлежавшей еще его деду. Чтобы кивнуть сыну, отправившемуся в туалет, он чуть отвел лезвие в сторону.

Только недавно до Майка дошло, что их семья единственная в городе до сих пор пользуется уборной во дворе. Конечно, такие сооружения сохранились у многих, например позади дома миссис Мун или за сараем для инструментов на участке Джерри Дейзингера, но это были своего рода музейные экспонаты, реликвии ушедших времен. Для всех. Кроме О’Рурков. В течение многих лет мать Майка говорила, что пора ликвидировать выгребную яму и установить в доме нормальную сантехнику, как у всех людей, но отец каждый раз отказывался, уверяя, что это потребует неслыханных расходов. И действительно, в городе не было канализационной сети, а септический резервуар стоил целое состояние. В глубине души Майк подозревал, что причина в другом: отец просто не хочет сооружать ванную и туалет внутри их маленького домика. Мистер О’Рурк сам часто говаривал, что сортир на отшибе – единственное место, где он может насладиться тишиной и отдохнуть от бесконечной болтовни четырех дочерей и их не менее разговорчивой матери.

Закончив свои дела, Майк вышел из уборной и проскользнул вдоль каменной стены, разделявшей мамин садик и отцовский огород. Бросив мимолетный взгляд на уже проснувшихся скворцов, которые, словно спеша поймать первые лучи рассвета, с шумом сновали в листве на вершинах деревьев, он вошел в дом с заднего крыльца и направился к раковине, чтобы вымыть руки, а затем подошел к шкафу, достал школьный блокнот и карандаш и уселся за стол.

– Не опоздаешь за газетами? – напомнил отец, стоя у окна с чашкой кофе в руках и поглядывая в сад.

Часы на стене показывали восемь минут шестого.

– Нет, я помню, – успокоил его Майк.

Газеты оставляли в пять часов пятнадцать минут на тротуаре перед зданием банка, рядом с магазином «А & Р» на Мейн-стрит, где работала мать. Майк никогда не опаздывал на работу.

– Что ты там пишешь? – поинтересовался отец, окончательно взбодрившийся после чашки кофе.

– Записки Дейлу и ребятам.

Отец кивнул, хотя, похоже, не слышал ответа, и снова выглянул в сад:

– Кукурузе не помешал бы хороший дождик в ближайшие дни.

⁴² Шесть футов – приблизительно 182 см; триста фунтов – около 150 кг.

– Пока, я пошел.

Майк сунул записки в карман джинсов, натянул на голову бейсболку и исчез за дверью, по дороге хлопнув отца по плечу. Оседлав стоявший у крыльца велосипед, Майк погнал на Первую авеню.

Управившись с разноской газет, Майк должен был спешить в западную часть города, к железнодорожным путям, в костел Святого Малахия, где он помогал отцу Кавано в качестве алтарного служки. Каждый день во время мессы Майку полагалось быть в храме. Он служил в церкви с семилетнего возраста, и, хотя время от времени в храм приходили и другие ребята, отец Кавано всегда утверждал, что у него нет более надежного помощника и что никто не произносит латинские слова молитв так отчетливо и с таким благоговением, как юный О'Рурк. В общем, распорядок дня у Майка был очень напряженным, особенно зимой, когда высокие сугробы не позволяли передвигаться по городу на велосипеде. Иногда он прибегал в костел Святого Малахия в самую последнюю минуту, поспешно, даже не сняв пальто и уличных ботинок, натягивал на себя сутану и стихарь, и, пока он произносил слова мессы, снег, оставшийся на подошвах башмаков, превращался в лужицы на полу храма. Потом, если на мессу в семь тридцать собиралась только обычная паства: миссис Мун, миссис Шонесси, мисс Эшбоу и мистер Кейн, – Майк – конечно, с разрешения отца Кавано – убегал сразу после причастия, чтобы успеть к началу уроков.

В школу он опаздывал довольно часто. Миссис Шривс уже даже не делала ему замечаний, когда он наконец появлялся, просто кивала в сторону кабинета директора. Майку полагалось сидеть там и ждать, когда мистер Рун найдет время выбрать его за опоздание и занесет его фамилию в Журнал взысканий – толстую тетрадь, всегда хранившуюся в нижнем левом ящике директорского стола. Замечания уже не тревожили Майка, но он терпеть не мог сидеть в кабинете без дела и ждать, пропуская урок чтения и большую часть урока математики.

Но сейчас на дворе стояло лето. Усевшись на теплый тротуар перед зданием банка, Майк выбросил из головы мысли о школе и стал поджидать грузовичок, который привозил газеты из Пеории.

Мысли о лете, о теплом, согревающим лицо ветерке, о запахе нагретого тротуара и влажных колосьев – о том, что все это наконец-то стало реальностью, – наполняли Майка энергией и словно раздвигали грудную клетку, облегчая дыхание. Так что, когда прибыл грузовик и Майк подхватил и рассортировал газеты, вложив в некоторые из них свои записки и сунув их в отдельный карман сумки, и даже тогда, когда он неустанно колесил по утренним улицам, засовывая газеты в почтовые ящики и выкрикивая свое «С добрым утром!» женщинам, вышедшим за молочными бутылками, и мужчинам, направлявшимся к машинам, чтобы ехать куда-то, сознание, что лето все же действительно наступило, продолжало удерживать его, что называется, на подъеме. Те же чувства заставили Майка буквально вихрем ворваться в прохладную, наполненную запахом фимиама сень костела Святого Малахия. Больше всего на свете он любил этот сияющий темной позолотой храм.

А Дейл в тот день проснулся поздно, уже после восьми, и еще долго нежился в постели. Комнату заливал яркий солнечный свет, едва приглушенный легкой тенью огромного вяза за окном. Через занавески проникал теплый воздух. Лоренса в комнате уже не было, зато из гостиной на первом этаже доносились лай и хохот: брат смотрел мультики про Хекла и Джекла и про Раффа и Редди.

Дейл встал, заправил кровати – свою и Лоренса, – натянул джинсы, футболку, чистые носки и кеды и отправился вниз – завтракать.

Мама приготовила его любимые хлопья и кексы с изюмом. Она сидела за столом, веселая и оживленная, гадая, какие фильмы будут показывать сегодня на бесплатном сеансе в парке.

Отец Дейла все еще был в отъезде – территория, на которой он вел торговлю, охватывала целых два штата, – но должен был вернуться к вечеру.

Из гостиной послышался голос Лоренса, призывавшего брата поторопиться, если не хочет пропустить очередные приключения Раффа и Редди.

– Ну, это для маленьких! – крикнул в ответ Дейл. – Мне такие мультяшки уже не интересны. – Но сам стал есть быстрее.

– Ах да! – спохватилась мать. – Вот, смотри-ка, что лежало в сегодняшней газете.

Она положила рядом с кружкой Дейла записку.

Дейл улыбнулся при виде знакомого листочка. Он сразу узнал дешевый блокнот и аккуратный почерк Майка. А уж что касается ошибок... В этом его приятелю не было равных.

Все встречаемся в пещере в девять тридцать.

М.

Дейл торопливо подобрал с тарелки последние крошки кекса, гадая, что могло случиться такого важного, что всем нужно отправляться в эдакую даль. Еще с той поры, когда они были маленькими и придавали большое значение такого рода вещам, пещера предназначалась для встреч только по особым случаям: обсуждение важных тайн, необыкновенных событий, особые слеты Велосипедного патруля...

– Надеюсь, речь идет не о настоящей пещере, Дейл? – В голосе матери слышались нотки беспокойства.

– Не-а, мам. Ты же знаешь. Это всего лишь старая дренажная штольня за баром «Под черным деревом».

– Хорошо. Только не забудь, пожалуйста, что ты обещал подстричь газон перед домом. После обеда к нам в гости придет миссис Сиберт.

Отец Дуэйна Макбрайда не выписывал газет, издаваемых в Пеории. Он читал только «Нью-Йорк таймс», да и ту лишь изредка. Поэтому Дуэйн не получил записку от Майка. Зато около девяти утра в его комнате зазвонил телефон. Дуэйн не торопился подходить: к одной линии были подключены несколько домов, и один звонок означал, что трубку должны снять Джонсоны, их ближайшие соседи, два – они с отцом, три – швед Олафсон, живший дальше по дороге. Сейчас телефон прозвонил дважды, затем умолк и снова зазвонил.

– Дуэйн, – послышался в трубке голос Дейла Стюарта, – я не особо надеялся застать тебя дома – думал, ты все еще вкалываешь где-нибудь в поле.

– Я уже вернулся, – ответил Дуэйн.

– Отец дома?

– Нет, он уехал в Пеорию купить кое-что.

В трубке воцарилось молчание. Дуэйн не сомневался, что Дейлу прекрасно известны привычки Старика, в том числе и его обыкновение возвращаться после субботних поездок, называвшихся «купить кое-что», только поздно вечером в воскресенье.

– Слушай, мы собираемся в пещере к половине десятого. Майк хочет что-то сообщить.

– Кто это «мы»?

Дуэйн покосился на свой блокнот. После завтрака он упражнялся в описании характеров. Над этими страницами он работал с апреля, и все они были сплошь заполнены набросками, пояснениями, примечаниями, мелко набросанными на полях. Некоторые абзацы, а то и целые страницы были жирно перечеркнуты, но результат по-прежнему не удовлетворял Дуэйна, ибо, по его мнению, был весьма далек от совершенства.

– А то не знаешь, – хмыкнул Дейл. – Майк, Кевин и Харлен и, может быть, Дейзингер. Не знаю. Я сам только что получил записку в газете.

– А как насчет Лоренса?

Дуэйн бросил взгляд в окно: по обе стороны от дороги, ведущей к их дому, волнами колыхался океан колосьев, поднявшихся уже почти по колено. Пока мама была жива, она категорически запрещала сеять на ближайших к ферме двадцати акрах что-нибудь выше гороха. «Когда зерновые встают в полный рост, я чувствую себя отрезанной от мира, – жаловалась она дяде Арту. – Это своего рода клаустрофобия». Старик подшучивал над ней, но и вправду выращивал на этих землях только горох. Однако Дуэйн плохо помнил то время. Для него приход лета с некоторых пор неизменно означал постепенную, но неуклонную изоляцию их фермы от остального мира. Старая присказка гласила: «К Дню независимости зерно по пояс расти». Но в этой части Иллинойса к четвертому июля зерновые уже достигали плеча Дуэйна, и потом казалось, что на самом деле это не они растут, а ферма съезживается, уменьшаясь в размерах. Во второй половине лета даже окружное шоссе можно было увидеть только из окон второго этажа. Но ни Дуэйн, ни Старик туда давно уже не поднимались.

– Что насчет Лоренса? – переспросил Дейл.

– Он придет?

– Конечно придет. Ты же знаешь, он всегда таскается за нами.

Дуэйн улыбнулся.

– Просто хотел убедиться, что ты не забыл о своем маленьком братике, – сказал он.

В трубке послышалось сердитое сопение.

– Слушай, так ты будешь там или нет?

Дуэйн прикинул, какая работа по дому предстоит ему сегодня, и понял, что закончить все успеет, только если примется за дело прямо сейчас.

– Я сегодня довольно занят, Дейл. Ты правда не в курсе, что там надумал Майк?

– Ну, точно не знаю, но, скорее всего, это что-нибудь связанное со Старой школой. И исчезновением Табби Кука. Ты же видел, что творилось на школьном дворе.

Дуэйн помолчал.

– Ладно, приду. В девять тридцать? Чтобы успеть, мне придется прямо сейчас все бросить и всю дорогу бежать.

– Гос-с-споди! – Из-за помех на линии голос Дейла походил на змеиное шипение. – Неужели у тебя все еще нет велосипеда?

– Если бы Господь хотел видеть меня разъезжающим на велосипеде, – ответил Дуэйн, – он, наверное, сначала бы позаботился о том, чтобы наградить меня фамилией Швинн⁴³. Все, до встречи.

И он повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Потом быстро спустился по лестнице за блокнотом с набросками о Старой центральной, натянул кепку с надписью «Кот» и вышел позвать собаку. Витт подбежал сразу. Кличка его была образована от фамилии Виттгенштейн, философа, о котором Старик и дядя Арт спорили до хрипоты. Старый колли был уже почти слепым и из-за мучившего его артрита почти не мог бегать, но мгновенно почувствовал, что Дуэйн куда-то собрался, и радостно завилял хвостом, демонстрируя готовность последовать за хозяином куда угодно.

– Ну-ну, успокойся. – Дуэйн приласкал пса и, решив, что прогулка в такую жару будет нелегкой для старого друга, отрицательно покачал головой. – Сегодня ты останешься здесь, Витт. Будешь сторожить дом. Я вернусь к обеду.

Замутненные катарактой глаза пса смотрели на хозяина одновременно обиженно и умоляюще. Удивительно, как это ему удавалось? Дуэйн потрепал колли по холке, отвел его обратно в сарай и заглянул в стоявшую на полу миску. Воды в ней было достаточно.

⁴³ Компания «Schwinn Bicycle» была основана в 1895 г. механиком и изобретателем немецкого происхождения Игнацем Швинном (Ignaz Schwinn). В течение многих десятилетий велосипеды «Schwinn» оставались самыми популярными в США.

– Держи-ка грабителей и расхитителей зерна подальше, Витт.

С чисто собачьим вздохом колли подчинился и улегся на свою соломенную подстилку.

Дуэйн вперевалку зашагал по направлению к Шестому окружному шоссе. Начало припекать. Он закатал рукава фланелевой рубашки и стал думать о Старой школе и о Генри Джеймсе. Дуэйн как раз дочитал новеллу «Поворот винта» и теперь размышлял о поместье Блай, в котором происходит действие этого драматического произведения, и о том, как тонко и в то же время явственно автор дает понять читателю, что это место настолько пропитано злом, что порождает те самые «привидения», которые преследуют детей – Майлза и Флору.

Его Старик, конечно, алкоголик и неудачник, но он сознательный, много размышляющий атеист и убежденный рационалист. И сына он воспитал таким же. С самого раннего возраста Дуэйн рассматривал вселенную как сложный механизм, развивающийся в соответствии с законами логики, которые, возможно, лишь частично доступны для понимания убогому разуму человечества. И тем не менее это законы.

Он на ходу раскрыл блокнот и нашел страницу с записями о Старой школе: «...ощущение... Дурного предзнаменования? Зла? Слишком мелодраматично. И там и там присутствует чувство странной осведомленности...» Дуэйн вздохнул, вырвал страницу и сунул ее в карман вельветовых штанов.

Дуэйн наконец дошел до окружного шоссе и свернул к югу. Солнечный свет, отражаясь от почти белого гравия на дороге, слепил глаза и обжигал обнаженные руки мальчика. Позади, в полях по обе стороны от узкой тропы, что вела к его дому, с громким жужжанием сновали среди подрастающих колосьев насекомые.

Дейл, Лоренс, Кевин и Джим Харлен подъехали к пещере одновременно.

– С чего это надо было переться в такую даль? – проворчал Харлен.

Его велосипед был меньше, чем у других, с семнадцатидюймовыми колесами, и потому, чтобы не отстать от остальных, педали приходилось крутить в два раза быстрее.

В тени огромных вязов они промчались мимо дома О'Рурков, затем свернули на север, к водонапорной башне, а потом на восток, на широкую, покрытую гравием дорогу. Кевин, Дейл и Лоренс выстроились почти вплотную друг за другом по левой колее, а Харлен ехал по правой. Стояла полная тишина: ни шума ветра, ни движения на дороге – ни одного звука, кроме их дыхания и хруста гравия под колесами. До Шестого окружного шоссе было около мили. К северо-востоку от перекрестка, за полями начинались холмы и рос высокий стройный лес. Если бы они проехали по шоссе дальше, за водонапорную башню, то оказались бы в холмистой местности между Элм-Хейвеном и почти заброшенной дорогой под названием Джубили-Колледж-роуд. Шестое окружное тянулось еще полторы мили на юг, до пересечения с шоссе 151А, в черте Элм-Хейвена носившим название Хард-роуд, но этот отрезок окружного на самом деле представлял собой всего лишь широкую грязную колею среди полей, совершенно непроезжую на протяжении большей части зимы и весны.

Они свернули на север, миновали бар «Под черным деревом» и, привстав на педалях, понеслись вниз по крутому склону холма. Кроны деревьев аркой соединялись над узкой дорогой, образуя сплошную тень. Впервые услышав «Легенду о Сонной Лощине»⁴⁴ – ее прочла им в четвертом классе учительница миссис Гроссейнт, – Дейл сразу представил себе именно это место и мысленно дополнил картину крытым мостиком, построенным у самого подножия холма.

На самом деле здесь никаких крытых мостиков не было – лишь полусгнившие перила по обе стороны от гравийной дороги. Мальчики остановились и пешком, ведя велосипеды рядом, пошли на запад – по узкой тропинке, извивавшейся среди высокой, достававшей им до пояса,

⁴⁴ «Легенда о сонной лощине» (1820) – новелла Вашингтона Ирвинга.

пыльной травы. Между кустарником, росшим вдоль дороги, и густым темным лесом тянулось заграждение из колючей проволоки. Ребята надежно спрятали велосипеды под кустами и зашагали дальше. Теперь их путь лежал по берегу небольшой, дарившей долгожданную прохладу речушки.

Тропинка, прятая среди густой и высокой травы, была едва заметна, но Дейл уверенно вел друзей вдоль протоки к пещере.

Собственно, это была не пещера. Точнее, не совсем пещера. По какой-то причине власти округа приняли решение установить в этом месте железобетонную штольню, вместо того чтобы проложить тридцатидюймовые гофрированные стальные трубы, как это делалось везде. Возможно, они опасались весенних паводков, а быть может, в их распоряжении оказалась лишняя штольня, которой не нашлось иного применения. Как бы то ни было, под дорогой находилась огромная – шесть футов в поперечнике – емкость, и по дну ее проходил четырнадцатидюймовый желоб, по которому тек ручеек, так что ребята могли сидеть, облокотившись на полукруглую стенку и уперев ноги в край желоба, и при этом не рисковали промокнуть. В пещере было прохладно даже в самые жаркие дни, вход в нее скрывался за плотным переплетением плюща, а шум пролетающих в десяти футах над ними машин делал убежище еще более укромным.

По другую сторону пещеры располагался маленький – всего семь-восемь футов шириной и примерно в половину этого глубиной – дренажный пруд, но в нем таилась какая-то своеобразная красота. Поверхность его даже в самые ясные дни оставалась темной благодаря низко склонившимся деревьям, и покой ее нарушал только миниатюрный водопад, образовавшийся в том месте, где вода вытекала из желоба. Все это вместе придавало крохотному пруду своеобразное очарование.

Майк назвал протоку, впадавшую в пруд, Дохлым ручьем, потому что именно она часто приносила в маленький пруд несчастных жертв дорожного движения: опоссумов, енотов, кошек, дикобразов... А однажды там оказался даже труп немецкой овчарки. Дейл хорошо помнил, как лежал, упершись локтями в холодный цемент, и рассматривал мертвое животное, мирно покоившееся футах в четырех от него на дне: черные глаза овчарки были открыты, и единственным признаком того, что она сдохла, не считая, конечно, пребывания под водой, была белая полоска у самой пасти, – казалось, собаку вырвало гравием.

Майк уже ждал их в пещере. Минутой позже появился и Дуэйн Макбрайд, запыхавшийся и вспотевший, с красным под кепкой лицом. Попад после яркого света в сумрак штольни, он беспомощно моргал, приспосабливаясь к темноте.

– А, заседание общества Созерцателей дохлых моллюсков и любителей моллюсковой похлебки! – все еще шурясь, приветствовал он друзей.

– Что-что? – переспросил Джим Харлен.

– Не важно.

Дуэйн уселся поудобнее и вытер лицо полрой фланелевой рубашки.

Лоренс уже нашел себе занятие: подобранной где-то по пути палкой принялся сбивать нависавшую повсюду паутину. Но как только заговорил Майк, живо обернулся к нему.

– У меня есть идея... – начал Майк.

– О, экстренное сообщение! – ехидно воскликнул Харлен. – Сногшибательные заголовки для завтрашних газет!

– Заткнись, – беззлобно откликнулся Майк. – Ребята, вы все были вчера возле школы, когда Корди и ее мать искали Табби.

– Меня не было, – уточнил Дуэйн.

– Точно, не было, – кивнул Майк. – Дейл, расскажи ему о том, что случилось.

Дейл описал столкновение между миссис Кук, с одной стороны, и доктором Руном и Джей-Пи Конгденом – с другой.

– Двойная Задница там тоже была, – добавил он в заключение. – И она сказала, что Табби ушел из школы. А мать Корди заявила, что это вранье.

Дуэйн вопросительно поднял бровь.

– Так что за идея пришла тебе в голову, О’Рурк? – спросил Харлен.

С помощью веточек и листьев он устроил запруду в желобке. Вода уже поднялась и стала разливаться по дну штольни.

Лоренс поднял ноги повыше, чтобы не намочили кеды.

– Ты предлагаешь нам заключить Корди в объятия и расцеловать? Думаешь, она после этого успокоится и перестанет горевать о брате? – поинтересовался Джим.

– Да нет же, – отмахнулся Майк. – Я предлагаю найти Табби.

Кевин, все это время бросавший в пруд камешки, замер. В сумраке пещеры его свежестырированная футболка казалась ослепительно-белой.

– С чего ты взял, что нам удастся сделать то, что оказалось не по зубам даже Конгдену и Барни? И с чего это вдруг мы должны кого-то разыскивать? – поинтересовался он.

– Потому что мы Велосипедный патруль, – спокойно объяснил Майк. – Именно ради таких дел мы и создали наш клуб. И нам по силам найти Табби, потому что мы можем ходить туда, куда заказана дорога Барни и Конгдену, и видеть то, чего не видят они.

– Я что-то не понимаю, – сказал Лоренс. – Как мы найдем Табби, если он убежал?

Харлен быстро наклонился и притворился, что сейчас прищипит пальцами нос мальчика:

– А мы тебя, шалопай, используем в качестве ищейки. Дадим тебе понюхать пару старых вонючих носков Табби, и ты будешь искать его по запаху. Идет?

– Заткнись, Харлен, – велел Дейл.

– А ты заставь меня заткнуться, – предложил тот и плеснул водой в лицо Дейлу.

– Заткнитесь вы оба, – велел Майк и продолжил, будто никто его не прерывал: – Вот что...

Давайте последим за Руном, Двойной Задницей, Ван Сайком и остальными, тогда и узнаем, имеют ли они отношение к исчезновению Табби.

Дуэйн нашел в кармане какую-то бечевку и принялся замысловато переплетать ее на пальцах, играя сам с собой в «веревочку».

– А почему они должны иметь к этому отношение? – задумчиво поинтересовался он.

– Не знаю, – пожал плечами Майк. – Может быть, потому, что они зануды и врут на каждом шагу. И к тому же... Знаешь, есть в них что-то странное. Тебе не кажется?

Дуэйн даже не улыбнулся:

– Я думаю, что многие люди со странностями. Но это еще не значит, что они воруют толстых мальчишек.

– Если бы это было так, – подал голос Харлен, – ты был бы обречен.

Дуэйн улыбнулся и чуть-чуть повернулся в его сторону. Харлен был на фут короче, чем он, и весил примерно в половину меньше.

– *Et tu, Brut?*⁴⁵ – вполголоса произнес Дуэйн.

– И что это значит? – поинтересовался Харлен; его глаза сузились.

Дуэйн снова вернулся к своей игре:

– Это то, что ответил Цезарь, когда Брут спросил его, ел ли он в тот день харленбургеры.

– Эй, – вмешался Дейл. – Давайте решим все по-быстрому. Мне пора домой, подстригать газон.

– А я должен помочь отцу вычистить молочную цистерну, – подал голос Кевин. – Так что и правда надо наконец договориться.

– Договориться о чем? – спросил Харлен. – Будем ли мы следить за Руном и Двойной Задницей, чтобы узнать, не убили ли они Табби Кука? И не съели ли его?

⁴⁵ И ты, Брут? (лат.)

– Ага, – сказал Майк. – И не знают ли они, что с ним случилось, и не прячут ли концы в воду.

Харлен в упор посмотрел на Майка:

– А ты возьмешься следить за Ван Сайком? Среди психов Старой центральной школы этот тип единственный, кто и вправду способен убить ребенка. И он не задумываясь убьет нас, если заметит, что мы за ним следим.

– Ван Сайка я беру на себя, – кивнул Майк. – Кто возьмет доктора Руна?

– Я, – вызвался Кевин. – Он все равно нигде не бывает, кроме школы и той комнатки, которую снимает. Так что следить за ним будет нетрудно.

– Как насчет миссис Даббет? – спросил Майк.

– Я! – в один голос вызвались Харлен и Дейл.

Майк ткнул пальцем в Харлена:

– Поручим ее тебе. Но смотри, она ни сном ни духом не должна узнать о слежке.

– Я растворюсь в тени деревьев, командир.

Лоренс разворошил палочкой запруду Харлена.

– А за кем будем следить мы с Дейлом?

– Кто-то должен присматривать за Корди и ее семейством, – сказал Майк. – Табби может вернуться, а мы даже знать этого не будем.

– Фу-у-у... – недовольно протянул Дейл. – Они живут за свалкой.

– Но вам же не надо будет бегать туда каждый час. Достаточно проверить разок в день. Или даже раз в два дня. А может, хватит и того, чтобы понаблюдать за Корди, когда она в городе. Ну, в общем, сориентируетесь по обстоятельствам.

– Ладно.

– А как насчет Дуэйна? – спросил Кевин.

Майк швырнул камешек в пруд и взглянул на друга:

– А что ты сам хотел бы делать, Дуэйн?

Узор из бечевки на пальцах Дуэйна по своей сложности напоминал паутину, с которой недавно боролся Лоренс.

– А ведь на самом деле вы, парни, хотите узнать совсем другое, – задумчиво откликнулся он. – Ведь вам нужно выяснить, не стоит ли за всем этим сама Старая школа. Безумная идея. Поэтому я беру на себя школу.

– А ты уверен, что справишься с этим, кубышка с жиром? – спросил Харлен, направляясь к краю штольни, чтобы помочиться в темный пруд.

– Что значит, ты берешь на себя школу? – поинтересовался Майк.

Дуэйн потер нос и поправил очки.

– Я тоже считаю, что в нашей школе есть что-то странное, – тихо пояснил он. – И попытаюсь разузнать о ней побольше, покопаюсь в ее истории. Может быть, удастся добыть какие-нибудь сведения и о Руне, и о других...

– Наш Рун наверняка вампир, – усмехнулся Харлен, застегивая молнию на штанах. – А Ван Сайк – оборотень.

– А Двойная Задница? – оживился Лоренс.

– Она просто старая сука, которая слишком много задает на дом.

– Эй, – предостерег его Майк, – следи за коязы, когда говоришь с енкомреб.

– Я совсем не енкомреб! – возмутился разгадавший хитрость Лоренс.

Майк повернулся к Дуэйну:

– Где ты собираешься раздобыть исторические сведения?

Тот пожал плечами:

– К сожалению, в библиотеке Элм-Хейвена почти ничего нет, но я попробую наведаться в Оук-Хилл.

– Хорошо, – кивнул Майк. – Что ж, давайте соберемся здесь же через пару...
Он вдруг умолк.

За все время разговора по дороге над их головами, осыпая гравием ближайшие кусты и оставляя за собой облако пыли, медленно оседавшее на листья, проехали всего несколько машин. Но шум, донесшийся до ребят сейчас, был таким сильным, как будто наверху гроыхал тяжелый трейлер. Заскрипев тормозами, грузовик остановился.

– Ш-ш-ш! – прошептал Майк, и все шестеро бросились на землю ничком, словно надеясь, что так их наверняка не заметят.

Харлен осторожно отполз подальше от входа.

Мотор замолчал, затем хлопнула дверца кабины, и ужасное зловоние наполнило пещеру, окутав ребят ядовитым облаком.

– Фу, ну и вонища, – прошептал Харлен. – Это же труповоз, тот...

– Заткнись, – прошипел Майк.

Джим послушно закрыл рот.

На дороге под чьими-то ботинками заскрипел гравий. Затем наступила тишина, как будто Ван Сайк – или кто это там был – остановился прямо перед прудом.

Дейл поднял палку, которую незадолго до того выронил Лоренс, и крепче сжал ее, держа как палицу. Лицо Майка стало бледным как мел. Кевин оглянулся на остальных и тяжело сглотнул, кадык его резко дернулся. Дуэйн зажал ладони между колен и застыл в ожидании.

Что-то тяжелое с шорохом скользнуло по листьям и плюхнулось в бассейн, обрызгав Харлена.

– Черт! – воскликнул тот и хотел было добавить что-то еще, но Майк зажал ему рот.

Снова послышался скрип гравия под ногами, затем шелест травы, – похоже, Ван Сайк спустился по склону.

Издалека – кажется, со стороны Страстного кладбища – донесся рокот мотора другой машины. Затем звук тормозов и краткий гудок сигнала.

– Ему не проехать, – шепнул Кевин.

Майк кивнул. Шелест сорняков стал тише и в конце концов смолк. Снова хлопнула дверца кабины, и грузовик тронулся с места, направляясь вверх по склону холма, к бару «Под черным деревом». Машина позади него опять просигналила. Через минуту все стихло и вонь стала слабеть. Но до конца не исчезла.

Майк встал и двинулся к краю штольни.

– Черт побери, – прошептал он.

А ведь Майк почти никогда не ругался.

Ребята подошли и встали рядом с ним.

– Что за дьявол? – выдохнул Кевин.

Он задрал и прижал к носу футболку, чтобы защититься от запаха, который, похоже, поднимался от темной воды.

Дейл заглянул через его плечо. Рябь на поверхности успокоилась, поднятая со дна грязь осела, и, хотя вода еще не стала прозрачной, сквозь нее уже можно было видеть белую плоть, колышущийся живот, тонкие ручки, пальцы и мертвые карие глаза, обращенные прямо на мальчишек.

– О господи боже, – выдохнул Харлен. – Это какой-то ребенок. Он бросил сюда мертвого ребенка.

Дуэйн взял из рук Дейла палку, лег на живот, опустил руку в воду и, поддев мертвое тело, перевернул его. Редкие волоски на руках шевелились, и казалось, что двигаются сами руки и пальцы. Дуэину удалось подтянуть голову трупа почти к самой поверхности.

Остальные резко отпрянули. Лоренс отошел в дальний конец пещеры. Он дрожал и явно был близок к слезам.

– Это не ребенок, – сказал Дуэйн. – По крайней мере, не человеческий ребенок. Это какая-то обезьяна. Думаю, резус. Макака.

Харлен старался разглядеть то, что было в воде, но издали, не решаясь подойти ближе.

– Если это несчастная обезьяна, тогда где ее мех?

– Не мех, а волосы, – рассеянно поправил его Дуэйн.

Он взял еще одну палку и, действуя обеими одновременно, перевернул тело. Спина поднялась над поверхностью воды, и ребята явственно увидели хвост. Тоже без шерсти.

– Я не знаю, что случилось с волосами, – пожал плечами Дуэйн. – Может быть, это болезнь. А может, это несчастное существо кто-то ошпарил.

– Ошпарил... – повторил за ним Майк, с явным отвращением глядя в воду.

Дуэйн наконец отпустил мертвое тело, и все наблюдали, как оно медленно опускается на дно. Пальцы все еще шевелились, словно посылая им какие-то знаки или прощаясь.

А пальцы Харлена выстукивали стаккато на ближайшей стенке.

– Майк, послушай, ты все еще хочешь следить за Ван Сайком? – спросил он.

– Да, – кивнул Майк, не оборачиваясь.

– Пошли отсюда, – попросил Кевин.

Они выбрались из пещеры, сминая траву, поспешили к своим велосипедам, но, прежде чем направиться вверх по холму, покружили на месте и внимательно осмотрелись. Сморд от труповоза все еще висел в воздухе.

– Что, если он вернется?

Харлен произнес вслух именно то, о чем секунду назад подумал Дейл.

– Велосипеды немедленно в траву, – коротко приказал Майк. – Бежать напрямик через лес к ферме дяди Генри и тети Лины, родственников Дейла.

– А если он вернется, когда мы уже будем на дороге в город? – дрожащим голосом спросил Лоренс.

– Тогда прячемся в поле, – вмешался Дейл и ласково тронул за плечо младшего брата. – Эй, ты не бойся. Ван Сайку мы не нужны. Он просто выбросил мертвую обезьянку в воду.

– Давайте-ка лучше поскорее уносить отсюда ноги, – сказал Кевин.

Все дружно пригнулись к рулям, готовясь к крутому подъему.

– Подождите минуту, – попросил Дейл.

Дуэйн Макбрайд только вылез на дорогу, красный и запыхавшийся, астматическое дыхание стало особенно заметным.

Дейл развернул велосипед:

– Ты в порядке?

– Все нормально. – Дуэйн успокаивающе махнул рукой.

– Хочешь, мы проводим тебя до фермы?

Дуэйн усмехнулся:

– И останетесь поддерживать меня за ручку, пока не вернется Старик? До ночи? Или до завтра?

Дейл заколебался. Он подумал, что Дуэйн мог бы поехать вместе с ним и что им теперь лучше держаться всем вместе. Но тут же осознал всю глупость таких мыслей:

– Я позвоню вам, когда разузнаю что-нибудь о Старой центральной.

Дуэйн сделал прощальный жест и начал взбираться на первый из двух холмов, отделявших его от дома.

Дейл помахал в ответ и присоединился к остальным, усталым, охваченным тревогой, мечтающим поскорее вернуться домой.

После того как ребята миновали бар «Под черным деревом», шоссе совсем опустело – такими безлюдными, безжизненными шоссе могут быть только в Иллинойсе. Маль-

чики усердно крутили педали. Вскоре они свернули с Шестого окружного на Джубили-Колледж-роуд, и перед их глазами возникла водонапорная башня.

До самого Элм-Хейвена им не встретилась ни одна машина. Ни один грузовик не проехал мимо.

Глава 7

Бесплатный сеанс обычно начинался после заката, но зрители собирались в парке Банд-стенд значительно раньше, когда блики солнечного света еще озаряли Мейн-стрит и, подобно рыжей кошке, медленно уползали с прогретого тротуара. Экран натягивали на стене паркового кафе. Фермеры приезжали целыми семьями и спешили занять лучшие места на стоянке вдоль Брод-авеню, на той стороне, что прилегала к парку. Пристроив свои пикапы и фургоны, они располагались на травке или присаживались на эстраду, чтобы поболтать с горожанами и узнать все городские новости. Большинство же местных жителей подтягивались уже в сумерках, когда на фоне быстро темнеющего неба в воздухе бесшумно скользили летучие мыши. Брод-авеню под аркой высоких вязов превращалась в темный туннель, открывающийся в светлую широту Мейн-стрит и заканчивающийся ярко освещенным островком парка, где не смолкали шум и смех.

Традиция бесплатных сеансов уходила корнями во времена Второй мировой войны, когда ближайший кинотеатр – «Эвалтс Палас» в Оук-Хилле – был закрыт в связи с тем, что сын Эвалтса Уолт, единственный в городе киномеханик, поступил на службу в морской корпус. Фильмы еще демонстрировали в Пеории, но из-за нормированного отпуска бензина большинство горожан не могли позволить себе такую роскошь, как путешествие длиной в сорок миль.

Решение проблемы взял на себя старший мистер Эшли-Монтегю: летом 1942 года он каждую субботу привозил из Пеории проектор, вешал на стену кафе белое полотнище высотой двадцать футов и показывал всем желающим журналы новостей, хронику войны, мультфильмы и художественные ленты.

Сами Эшли-Монтегю не жили в Элм-Хейвене с того дня в 1919 году, когда их особняк сгорел, а дедушка нынешнего мистера Эшли покончил жизнь самоубийством. Но представители мужской половины семейства довольно часто посещали городок, делали пожертвования на общественные нужды и вообще опекали маленький городок, подобно тому как в старину английские сквайры заботились о маленьких деревушках, выросших на их землях. И теперь, по прошествии восемнадцати лет с того дня, когда сын последнего элм-хейвенского Эшли-Монтегю в июне 1942-го провел в городском парке первый бесплатный сеанс, традицию продолжал уже его сын.

Вот и сегодня, с наступлением четвертого вечера июня 1960 года, длинный «линкольн» мистера Эшли-Монтегю припарковался на специально приготовленном для него месте у западной стенки эстрады. Увидев, как мистер Тейлор, мистер Сперлинг и другие члены городского совета помогают выгрузить и установить на деревянную платформу массивный проектор, зрители торопливо расселись на скамьях и разостланных прямо на траве одеялах. Детей шуганули из-под эстрады и с нижних ветвей ближайших деревьев. Родители усадили их на складные стулья, поставленные в кузовах грузовичков и пикапов, вручили мешочки с попкорном, и парк погрузился в напряженную тишину ожидания. Небо над верхушками вязов становилось все темнее и темнее, и полотно экрана на стене кафе наконец засветилось и ожило.

Дейл и Лоренс вышли из дому довольно поздно, потому что ожидали возвращения отца, чтобы вместе с ним отправиться на бесплатный сеанс. Но он не успел приехать вовремя. Около половины девятого отец позвонил с границы штата и сказал, что задерживается в пути, но скоро будет дома, и велел идти без него. Мама вручила каждому из мальчиков по коричневому бумажному пакету с приготовленным попкорном и по пятьдесят центов на лимонад в парке и велела нигде не задерживаться после окончания фильма, а идти прямо домой.

Брать велосипеды они не стали. Обычно ни один мальчик не шел пешком туда, куда можно было доехать на велосипеде, но для двух братьев прогулка до парка была своего рода

освященной временем традицией, идущей с той поры, когда Лоренс был слишком мал, чтобы самостоятельно ездить на велосипеде, и Дейл вынужден был отводить его в кино, крепко держа за руку на перекрестках притихших улиц.

Сейчас улицы тоже погрузились в тишину. Вечерний свет угас, но звезды еще не засияли, и в промежутках между вязами виднелись несущиеся по черному небу облака. Воздух благоухал ароматом свежескошенных трав и распустившихся цветов. В садах и густых зарослях живых изгородей звучала ночная симфония сверчков, а в ветвях засохшего тополя возле дома миссис Мун уже пробовала свой голос сова. Мрачный массив Старой школы вздымался над пустынными спортивными площадками, и мальчики торопливо миновали его по Второй авеню и свернули на запад, на Черч-стрит.

На каждом углу горели уличные фонари, но расстояние между ними было довольно большим, и на всем его протяжении под огромными деревьями царила непроглядная тьма. Дейл предложил брату пробежаться, чтобы не пропустить мультфильм, но Лоренс боялся споткнуться в темноте на неровных камнях тротуара и просыпать попкорн. Пришлось ограничиться тем, чтобы ускорить шаг. Над головами мальчиков шелестела невидимая листва. Окна больших старых домов на Черч-стрит были либо совсем темными, либо слабо освещались мерцанием черно-белых экранов телевизоров. Кое-где на верандах краснели огоньки сигарет, но силуэты самих курильщиков утопали в черноте ночи. На углу Третьей авеню и Черч-стрит, там, где доктор Рун снимал комнату на втором этаже старого пансиона миссис Сэмсон, Дейл и Лоренс перешли на другую сторону, миновали кирпичное строение, возле которого располагался каток, летом, конечно, не работающий, и свернули налево, на Брод-стрит.

– Похоже на Хеллоуин, – тонким голоском проговорил Лоренс. – Будто все попрятались в темноте, чтобы мы их не видели. А мешок с попкорном – это моя сумка для выкупов. Но никого нет дома...

– Помолчи, пожалуйста, – приказал старший брат.

Из парка доносилась веселая музыка: показывали мультфильм киностудии «Уорнер бразерс». Темный туннель Брод-стрит, где в больших, стоящих далеко от проезжей части викторианских особняках светились лишь несколько окон, остался позади. На углу, как раз напротив почты, высилось здание Первой пресвитерианской церкви, которую исправно посещало семейство Стюарт. Сейчас там не было ни души.

– Что это? – вдруг прошептал Лоренс, останавливаясь и крепко сжимая в руках кулек с попкорном.

– Ничего. Ты о чем? – Дейл тоже остановился.

Из темноты над вязами и даже будто из их ветвей слышалось какое-то странное шуршание и поскрипывание.

– Там ничего нет, – поспешил успокоить брата Дейл и, делая шаг вперед, потянул Лоренса за руку. – Наверное, птицы...

Но Лоренс не двигался, и Дейл добавил:

– Или летучие мыши...

Дейл отлично видел этих ночных тварей: их темные тени мелькали в просветах между ветвями, крылья трепетали в воздухе.

– Это просто летучие мыши, – повторил Дейл и снова потянул брата за руку.

Но Лоренс стоял не двигаясь.

– Ты послушай... – прошептал он.

Дейл хотел было силой заставить брата идти вперед и на секунду задумался, что лучше: треснуть его по затылку, поддать слегка сзади или ухватить за ухо и протащить оставшийся отрезок пути – от парка их отделял всего один квартал, – но вместо этого замер и тоже прислушался.

Шуршали листья. Что-то визгливо кричали персонажи мультфильма – расстояние и влага, рассеянная в воздухе, не позволяли разобрать слова. В кронах деревьев хлопали кожаные крылья. Издалека доносились едва различимые обрывки разговоров...

Над головами мальчиков, в наполненной суетливым движением темноте, вместо почти ультразвукового писка летучих мышей раздавался тихий гомон тонких злых голосов. Вопли. Визг. Ругань. Проклятия. Большая часть звуков была за гранью понимания – сводящий с ума, лишенный смысла звукоряд походил на крикливую беседу, плохо слышную из соседней комнаты.

Но два слова мальчики расслышали совершенно явственно.

Дейл и Лоренс застыли на тротуаре, задрав головы и продолжая крепко сжимать в руках пакеты с попкорном, а летучие мыши голосами, которые походили скорее на скрежет зубов, вгрызающихся в классную доску, выкрикивали их имена. Далеко-далеко голос Поросятки Порки произнес: «В-в-вот и все, ребятки!»

– Бежим! – шепотом скомандовал Дейл.

Джиму Харлену не разрешили пойти на бесплатный сеанс в парк. Уезжая в Пеорию на очередное свидание, мать заявила, что он уже достаточно взрослый, чтобы оставаться дома без няньки, но не настолько, чтобы одному разгуливать по городу. Пришлось соорудить в постели чучело, которое должно было изображать его, Харлена, лежащего лицом к стене. Джинсы он скомкал так, чтобы было похоже на торчащие из-под одеяла ноги. Все это предназначалось для матери – на случай, если она вдруг вернется и захочет проверить, чем он занят. Но это вряд ли. Мать никогда не возвращалась домой раньше часа, а то и двух ночи.

В качестве киношной закуски Харлен прихватил с буфета пару бутербродов, вывел из-под навеса велосипед и рванул по Депо-стрит. Он задержался дольше, чем рассчитывал, потому что досматривал по телевизору очередную серию «Дымящегося ружья»⁴⁶, и на улице уже стемнело. И теперь, если он не хочет пропустить мультик, следует поторопиться.

Улицы были пусты. Джим знал, что все, кто был в состоянии водить машину и не желал смотреть бесплатный сеанс, уже несколько часов назад уехали в Пеорию или Гейлсберг. Уж он-то точно не станет торчать субботним вечером в Элм-Хейвене, когда вырастет.

Он, Джим Харлен, вообще не собирается оставаться в Элм-Хейвене и непременно уедет. Быть может, мать наконец выйдет за кого-нибудь из своих ухажеров – ну, например, за того механика из гаража, который просадил все свои деньги, пока с ней встречался, и тогда они все переберутся в Пеорию. А если нет, найдется другой способ. Как бы то ни было, он все равно сбежит через год или два. Харлен завидовал Табби Куку. Толстяк, у которого мозгов не больше, чем у той двадцатипятиваттной лампочки, что горит на крыльце дома, и то понял, что пора рвать когти из Элм-Хейвена. Конечно, Харлен был в совершенно другом положении, чем Табби, если судить по беспробудному пьянству Кука-старшего и глупому виду его жены, но и у него были свои проблемы.

Он ненавидел свою мать за то, что она после развода вернула себе девичью фамилию, а ему оставила фамилию отца, о котором в ее присутствии даже упоминать не разрешалось. Он ненавидел мать за то, что она по пятницам и субботам надевала декольтированные блузки и сексуальные черные платья и надолго исчезала из дому. Иногда, при мысли о том, что мать похожа на женщин, изображенных в журналах, которые он прятал в самой глубине шкафа, Харлену даже становилось смешно. Он ненавидел ее, когда она курила, оставляя на окурках полукруглые следы губной помады, а ему вдруг представлялись такие же следы на щеках всех этих подонков, которых он даже не знал... или на их телах. Он ненавидел ее за пристрастие

⁴⁶ «Дымящееся ружье» («Gunsmoke») – еженедельный сериал Си-би-эс (1955–1975) в жанре вестерна, долгое время возглавлял список самых популярных телефильмов.

к алкоголю, которое она старалась скрыть, притворяясь скромницей, но всегда выдавала себя подчеркнуто тщательным выговором, замедленными движениями и сентиментальной слезливостью. Стоило матери перебрать, она настойчиво лезла к Харлену с глупыми поцелуями.

Словом, он ненавидел свою мать. Если бы она не была... мозг Харлена испуганно шарахнулся от плохого слова... если бы она не была такой плохой женой, то отец не стал бы встречаться со своей секретаршей, с которой он потом и убежал.

Харлен сердито вытер глаза рукавом рубашки и припустил по Броуд-авеню, с силой нажимая на педали.

Что-то белое мелькнуло за деревьями слева от дороги и заставило Джима взглянуть в ту сторону... потом еще раз и... Он резко затормозил.

Кто-то шел по аллее между широкими газонами. Харлен сумел рассмотреть короткое, широкое туловище, бледные руки и светлое платье – и видение тут же поглотила темнота.

«Черт, да это же Двойная Задница!» Он едва не присвистнул.

Аллея тянулась как раз между ее большим старым домом и заколоченным досками розовым викторианским особнячком, принадлежавшим миссис Дагган.

«Какого дьявола Двойная Задница шляется по аллее?» – подумал Харлен. Он уже совсем было решил выбросить это из головы и поспешить в кино, но тут вспомнил, что именно ему поручили следить за учительницей.

«Все это, конечно, ерунда. О'Рурк идиот, если думает, что я стану следить за этим старым динозавром. Вот еще! Что-то я не видел, чтобы он или еще кто-нибудь следил сегодня за своим объектом. У Майка просто мания отдавать приказы... А все остальные придурки его слушаются... Но я-то не стану забивать себе голову этой детской чепухой.

Но что все-таки делает миссис Даббет на темной аллее?

Выносит мусор, дурак».

Но труповоза не будет до вторника. И к тому же в руках у Двойной Задницы ничего не было. На самом деле она, похоже, нарядилась как на праздник. Наверное, в то потешное розовое платье, что было на ней в последний день перед рождественскими каникулами. Нельзя сказать, чтобы старая ведьма устроила им тогда хорошую вечеринку: всего каких-то полчаса суеты вокруг подарков «от Санта-Клауса», на которых были заранее написаны имена одноклассников.

Какого же черта она там делает?

То-то О'Рурк удивится, если Джим Харлен будет единственным в их несчастном Велосипедном патруле, кто действительно сумеет что-нибудь разузнать о своей подопечной. Ну, например, что Двойная Задница занимается «этим» с доктором Руном или с говнюком Ван Сайком, пока остальные наслаждаются бесплатным сеансом.

От одной только мысли о такой возможности Харлена едва не стошнило.

Он переехал на другую сторону улицы, спрятал велосипед в зарослях со стороны дома миссис Дагган и выглянул из-за кустов. Едва различимый в темноте силуэт маячил почти у пересечения аллеи с Третьей авеню.

Харлен помедлил еще секунду и помчался следом, оставив велосипед: колеса будут слишком громко скрипеть по гравии и шлаку. Он передвигался короткими перебежками, держась в тени, поближе к высоким оградкам, старательно огибая мусорные баки, чтобы не наделать шума. Он подумал было о собаках, но вспомнил, что в ближайших домах их нет. Только в доме Гибсонов жил старый кобель по кличке Декстер. Хозяева обращались с ним как с ребенком, так что сейчас он, наверное, смотрит вместе с хозяевами телевизор.

Тем временем училка пересекла Третью авеню, прошла мимо пансиона, в котором снимал квартиру доктор Рун, и через южную спортивную площадку направилась к зданию Старой центральной школы.

«Вот черт! – подумал Харлен. – Да она идет напрямик в школу! Интересно, что ей там понадобилось?»

Однако он тут же сообразил, что Двойная Задница не сможет попасть внутрь. Когда они с Дейлом и остальными вернулись после дурацкой поездки в пещеру, то заметили, что кто-то забил досками окна нижнего этажа. Вполне возможно, это было сделано для того, чтобы мальчишки, вроде самого Харлена и его друзей, не шастали почем зря по пустым коридорам и классам Старой школы. Обе двери, южная и северная, были заперты на засовы и цепочки.

Миссис Даббет – теперь, в свете фонаря на углу, Харлен видел ее совершенно ясно – исчезла в сумраке около пожарного входа. Харлен спрятался за тополем на другой стороне улицы. Даже в двух кварталах от парка он отчетливо слышал музыку: на бесплатном сеансе уже демонстрировали художественный фильм.

До Харлена донесся стук каблуков по железным перекладинам, и он увидел, как бледный силуэт карабкается по пожарной лестнице. Еще через минуту дверь на втором этаже со скрипом открылась.

«Да у нее, оказывается, есть свой ключ!»

Харлен усиленно гадал, зачем это Двойной Заднице тащиться в Старую школу ночью, да еще в субботу, да еще летом и ко всему прочему – когда школу собираются закрыть навсегда.

«Вот дьявол! Неужели она и впрямь занимается „этим“ с доктором Руном?»

Харлен попытался представить, как миссис Даббет лежит поперек своего дубового стола, а над ней склоняется директор... Но эта задача оказалась не под силу даже его богатому воображению. По правде говоря, он никогда в жизни не видел, как занимаются сексом. Даже в журналах, спрятанных в его шкафу, были изображены только девушки, правда в таких позах, которые не оставляли сомнений в их намерениях, – но не более того.

Харлен чувствовал, как бешено бьется сердце, и, затаив дыхание, ждал, когда же на втором этаже вспыхнет свет. Окна оставались темными.

Почти прижимаясь к стене, чтобы училка не увидела его, если вдруг ей придет в голову выглянуть на улицу, Джим двинулся в обход школы.

Свет не зажигался.

Он подождал еще немного. Наконец в одном из высоких окон угловой комнаты на северо-восточной стороне, бывшего класса миссис Даббет, мелькнул слабый, будто фосфоресцирующий огонек. Именно в этом классе Харлен провел последний учебный год.

Как бы ему увидеть, что она там делает? Двери внизу заперты, окна подвала закрыты металлическими щитами. Можно, конечно, последовать примеру миссис Даббет и подняться по пожарной лестнице... Но стоило Харлену представить, что он столкнется с училкой у входа или – еще хуже – на темной лестнице, как он сразу отбросил эту идею.

Джим постоял еще минуту, наблюдая, как слабый огонек передвигается от окна к окну, будто старая перечница ходит по комнате, держа в руках банку со светлячками.

Издалека, со стороны парка, донесся взрыв смеха, – похоже, сегодня показывали комедию.

Харлен заглянул за угол школы. Там стоял мусорный контейнер, взобравшись на который он мог бы попасть на узкий карниз, проходивший в шести футах над землей. Водосточная труба с металлическими скобами привела бы его к карнизу над окнами второго этажа, к каменному орнаменту, украшавшему угол здания. Тогда ему останется только, цепляясь носками кед за каждую неровность в камне, вскарабкаться дальше по водосточной трубе, проходившей между каменными обрамлениями окон, до карниза, тянувшегося несколькими футами ниже подоконников третьего этажа.

Ширина карниза составляла около шести дюймов. Харлена не раз запирали в классе на переменах, так что времени на изучение всего, что удавалось увидеть за окном, было предостаточно. Он успевал даже покормить голубей, бросая им крошки, заваливавшиеся в карманах.

Конечно, на таком карнизе не постоишь просто так... и уж тем более по нему не погуляешь вдоль стены, но удержаться на нем некоторое время, балансируя и держась рукой за водосточную трубу, вполне можно. Харлену придется только осторожно продвинуться фута на два в сторону, а потом приподнять голову и заглянуть в окно.

Слабый свет, струившийся из окна, погас и тут же появился снова.

Харлен начал взбираться на мусорный контейнер.

Оказавшись на высоте второго этажа, он наконец остановился, чтобы передохнуть, и опасливо глянул вниз. Футах в двадцати под ним темнели каменные плиты дорожки и гравий.

– Ого! Вот это да! – едва слышно прошептал Харлен. – Хотел бы я посмотреть, что делал бы на моем месте ты, О’Рурк.

И он снова полез наверх.

В этот вечер Майку О’Рурку пришлось остаться дома и вместо бесплатного сеанса ухаживать за бабушкой. Родители оставили Майка с сестрами и Мемо, а сами уехали в клуб «Рыцари Колумба», расположенный в танцевальном центре «Серебряный лист» – стареньком здании, которое стояло в тени серебристых тополей в двадцати милях от Элм-Хейвена, если ехать по Хард-роуд в сторону Пеории. Точнее говоря, ответственной за бабушку была старшая сестра Майка – семнадцатилетняя Мэри, но та умчалась на свидание ровно через десять минут после отъезда старших О’Рурков. Мэри категорически запрещалось гулять с мальчиками по вечерам, тем более если родителей не было дома, и к тому же она была наказана на целый месяц за какие-то недавние проступки. В чем именно провинилась сестра, Майк не знал, да его это и не интересовало. В общем, стоило прыщавому ухажеру Мэри подъехать к их дому на стареньком, выпуска пятьдесят четвертого года, «шевроле», она, взяв с сестер обещание не выдавать ее и пригрозив убить Майка, если он проболтается, выпорхнула из дому. Майк только пожал плечами: что ж, он получил лишний козырь и, когда понадобится, сумеет его использовать с максимальной пользой для себя.

Пятнадцатилетняя Маргарет тоже могла бы присмотреть за бабушкой, но не прошло и десяти минут после побега Мэри, как со стороны заднего двора послышались голоса: за Пег заехали три старшекласника и две подружки – все слишком молодые для того, чтобы иметь водительские права. Она тотчас же отправилась с ними в кино.

Обе девушки прекрасно знали, что родители вернутся с танцев далеко за полночь.

Строго говоря, в этом случае ответственность за бабушку переходила к тринадцатилетней Бонни, но Бонни и ответственность – понятия несовместимые. Иногда Майк думал, что на свете нет ни одной девочки, чье имя до такой степени не соответствовало бы ее внешности⁴⁷. В то время как все младшие О’Рурки – и даже Майк – унаследовали прекрасные глаза, привлекательную внешность и свойственные ирландцам обходительность и такт, бедняжка Бонни была толстухой с тусклыми карими глазками и еще более тусклыми каштановыми волосами, обрамлявшими землистого цвета лицо, испещренное ранними юношескими угрями. Кроме того, Бонни, к сожалению, умудрилась перенять худшие черты характера матери, когда та была трезва, и злобную агрессивность отца, которую он проявлял лишь в пьяном безобразии. Вот и теперь Бонни шмыгнула в спальню, которую она делила с семилетней Кетлин, выставила младшую сестренку за дверь, заперлась и отказалась открыть, даже когда та ударилась в слезы.

Кетлин была самой хорошенькой из сестер О’Рурк: рыжеволосая, голубоглазая, с розовым, очаровательно веснушчатым личиком и потрясающей улыбкой, которая заставляла отца рассказывать легенды о сельских красавицах Ирландии – той самой Ирландии, в которой он никогда не бывал... Кетлин была неоспоримо прекрасна. Но так же неоспоримо она была умственно отсталой и в возрасте семи лет все еще ходила в детский сад, в то время как ее

⁴⁷ Bonny (англ.) – красивая, чаще всего по отношению к девушке.

сверстники прилежно осваивали в школе премудрости чтения и азы арифметики. Иногда ее отчаянное старание понять простейшие вещи заставляло Майку выскакивать во двор и, спрятавшись в туалете, в одиночестве бороться с подступавшими к горлу рыданиями. Каждое утро, помогая отцу Кавано служить мессу, Майк молился, чтобы Господь помог его сестре стать такой, как все. Но Бог что-то не спешил откликаться на просьбы мальчика, а замедленное развитие Кетлин становилось все более и более очевидным.

Майк успокоил Кетлин, приготовил ей на ужин тушенное мясо с луком, картофелем и густой подливкой, а потом уложил малышку в кровать Мэри, стоявшую наверху, под низкими стропилами.

Убедившись, что с сестренкой все в порядке, он спустился вниз, к Мемо.

Майку было девять лет, когда с Мемо – матерью его мамы – случился первый удар. Он помнил, какой переполох начался в доме, когда бабушка вдруг перестала быть привычной для всех властной хозяйкой на кухне и превратилась в умирающую женщину в гостиной. Майк не знал слова «матриархат», но помнил функциональное определение: старая женщина в переднике в горошек, вечно толкущаяся на кухне или что-то шьющая на своем излюбленном месте в гостиной, без труда умевшая решить любую проблему и найти выход из любого положения, единственный человек, которому удавалось несколькими ласковыми словами вывести дочь из нередких приступов депрессии или резким выговором вернуть зятя домой из пивной, куда его затащили друзья, – это Мэри Маргарет Холлиган. Ведь именно Мемо избавила семью от финансового краха, когда отца на год уволили из пивоварни Пабста. Майку в то время было шесть лет, и он до сих пор помнил нескончаемые беседы на кухне, протесты отца: «Это ведь ваши сбережения» – и настойчивость бабушки. И именно Мемо спасла восьмилетнего Майку и Кетлин, которой незадолго до того исполнилось четыре, от самой настоящей гибели, когда на Депо-стрит каким-то непонятным образом оказалась бешеная собака. Майк сразу заметил, что животное ведет себя как-то странно, остановился, медленно отступил назад и велел Кетлин сделать то же самое. Но девочка любила собак и, не осознавая опасности, бесстрашно топала маленькими ножками. Когда Кетлин приблизилась к рычащему, с капающей из пасти слюной чудовищу на расстояние вытянутой руки и собака, уставившись на нее, приготовилась прыгнуть, все, на что был способен Майк, – это закричать тонким, пронзительным голосом, даже не похожим на его собственный.

И тут появилась Мемо: передник в горошек развевается по ветру, в правой руке зажата метла, сбившийся с головы платок болтается на шее. Подхватив Кетлин с земли, она с такой силой огрела метлой собаку, что та взлетела в воздух и приземлилась аж посередине улицы. Мемо передала внучку Майку и спокойным, но непрекаемым тоном велела ему отправляться домой, а сама снова повернулась к собаке, которая уже пришла в себя и готовилась к новой атаке. Мчась к дому с Кетлин на руках, Майк оглянулся через плечо, и зрелище, представшее его глазам, осталось в памяти навсегда: бабушка, широко расставив ноги, застыла в угрожающей позе, платок развевается вокруг шеи... она ждет... ждет... Позже констебль Барни говорил, что даже представить себе не мог, как это собаку, а тем более бешеную собаку, можно убить обыкновенной метлой, и что миссис Холлиган почти размозжила чудовищу голову.

Барни произнес тогда именно это слово: «чудовище». И с тех пор Майк пребывал в твердой уверенности, что, какие бы чудовища ни являлись по ночам, его Мемо сумеет дать им достойный отпор.

Но меньше чем через год после этого события Мемо слегла. Первый удар был тяжелейшим: бабушку парализовало, ее лицо, всегда удивительно живое, отражавшее массу эмоций, сделалось совершенно безжизненным. Доктор Вискес сказал, что смерть Мемо – вопрос всего лишь нескольких дней, ну, может быть, недель.

И все же доктор ошибся.

Майк помнил, как странно было видеть гостиную – обычно центр неустанных хлопот Мемо – превращенной в комнату тяжелобольного человека. Вместе с остальными членами семьи он ждал конца.

Но в то лето бабушка победила смерть. К осени она научилась выражать желания с помощью целой системы кодовых морганий, а к Рождеству уже могла говорить, правда разбирать слова удавалось только домашним. К Пасхе Мемо, выиграв битву со своим собственным телом, заставила действовать правую руку и даже иногда садилась в кресле.

Через три дня после Пасхи случился второй удар. А месяцем позже – третий.

Последние полтора года Мемо походила на труп, только этот труп все еще дышал. Лицо пожелтело и сморщилось, кисти рук скрючились, как лапы мертвой птицы. Она не могла двигаться, не могла контролировать физиологические отправления. Единственным средством ее общения с миром по-прежнему оставалось мигание. Но как бы то ни было, Мемо продолжала жить.

Когда Майк вошел в гостиную, за окном уже стусились сумерки. Он зажег керосиновую лампу – в дом уже давно провели электричество, но в своей комнате наверху Мемо предпочитала пользоваться старинными светильниками, а потому семья решила не лишать старушку этого удовольствия здесь, в гостиной, – и сразу подошел к высокой кровати, в которой лежала бабушка.

Мемо лежала на правом боку, устремив взгляд прямо на внука. Впрочем, такая картина повторялась изо дня в день, за исключением тех, когда больную переворачивали лицом к стене, чтобы по возможности избежать появления болезненных и опасных пролежней. Желтое лицо Мемо, покрытое сетью морщин, казалось восковым и, откровенно говоря, уже мало походило на человеческое. Глаза – чуть навывкате, будто их выталкивала изнутри какая-то неведомая сила или они распухали от обилия таившихся в черной глубине невысказанных мыслей, – казались пустыми и безжизненными, изо рта вытекала тонкая струйка слюны.

Майк взял одно из чистых полотенец, лежавших в изножье кровати, и промокнул бабушке рот, затем проверил, не нужно ли ее переодеть. Предполагалось, что последняя процедура – забота девочек и брат не должен принимать в ней участие, но Майк ухаживал за Мемо чаще и лучше, чем они все, вместе взятые, так что все отправления бабушкиных почек или кишечника не были для него тайной. Постель была чистой и сухой. Майк сел на низенький стульчик и взял Мемо за руку.

– Сегодня такая чудесная погода. Настоящее лето, – прошептал он.

Майк сам не знал, почему шепчет в ее присутствии, но так было всегда, причем остальные тоже разговаривали при бабушке шепотом. Даже мать.

Он оглядел комнату. На окнах тяжелые занавески. Столик заставлен склянками с лекарствами в окружении старинных ферротипий и фотографий, запечатлевших самые разные моменты жизни Мемо – времени, когда она была полна сил и энергии. Как давно бабушка не рассматривала свои реликвии!

В углу пылилась старая виктрола, и Майк поставил одну из любимых пластинок старушки: арию из «Севильского цирюльника» в исполнении Карузо. Прекрасный голос знаменитого тенора, иногда заглушаемый визгливым скрежетом иглы по поверхности диска, заполнил комнату. Однако Мемо не отреагировала на звуки ни одним движением, даже не моргнула, хотя Майк почему-то был уверен, что она слышит музыку. Он снова отер слюну с подбородка бабушки, промокнул уголок рта, поудобнее устроил ее на подушках, потом снова сел на скамеечку и взял Мемо за руку – совершенно сухую и словно неживую. Именно Мемо когда-то в День всех святых рассказала маленькому Майку страшную историю «Обезьянья лапа», напугав его так сильно, что мальчик потом полгода не мог спать без света.

«А что, если бы я поклялся на руке Мемо?» – подумал Майк, но тут же прогнал недобрую мысль и во искупление греха поспешил прочесть про себя молитву Богородице.

– Мама с отцом уехали потанцевать... – зашептал он.

Скрежет иглы и шипение пластинки почти заглушали голос великого тенора.

– Мэри и Пег ушли в кино. – Майк старался произносить слова негромко, но как можно разборчивее. – Дейл сказал, что сегодня на бесплатном сеансе показывают фильм «Машина времени». Он говорит, что это про парня, который отправился в будущее... ну, или что-то в этом роде...

Тут Майк замолчал и пристально посмотрел на бабушку: ему почудилось легкое движение под одеялом, слабое подрагивание. Услышав тихий звук выпускаемых газов, он смешался и, чтобы скрыть смущение, заговорил быстрее:

– Довольно дикая идея – отправиться в будущее, правда, Мемо? Дейл верит, что когда-нибудь люди научатся путешествовать во времени, но Кевин считает, что это невозможно. Он говорит, что это совсем не то, что отправиться в космос, куда русские запустили свой спутник... Помнишь, как мы с тобой следили за теми событиями пару лет назад? Я сказал, что в следующий раз они, может быть, пошлют в космос человека, а ты сказала, что хотела бы туда полететь. Но Кев говорит, что путешествовать во времени, особенно назад, невозможно, потому что это может породить множество пара... – Майк попытался выговорить трудное слово. Он не хотел выглядеть тупицей перед Мемо: она единственная в семье не считала его глупым, когда он остался на второй год в четвертом классе. – Пара... парадоксов, вот. Ну, например, что будет, если ты отправишься в прошлое и случайно убьешь там своего дедушку?

Майк сразу заткнулся, сообразив, что ляпнул лишнее. Его дедушка – муж Мемо – погиб тридцать два года назад, когда чистил главный бункер зернового элеватора, а металлическая заслонка случайно открылась, и оттуда изверглось одиннадцать тонн зерна. Майк однажды слышал, как отец рассказывал кому-то, что старый Девин Холлиган боролся с растущей зерновой кучей, как собака, попавшая в бурную реку, но в конце концов все же задохнулся. Вскрытие показало, что его легкие были битком забиты зерном и пылью.

Майк снова взглянул на руку Мемо и принялся гладить ее пальцы, вспоминая далекий осенний вечер... Ему тогда было лет шесть-семь, и они с Мемо сидели здесь же, в гостиной, и разговаривали. «Майкл, твой дедушка ушел, когда за ним пришел господин Смерть, – не отрываясь от шитья, рассказывала она. – Человек в черном плаще вошел в зерновой элеватор и взял моего Девина за руку. Но мой муж выдержал целую битву – и какую битву! И я, дорогой мой мальчик, сделаю то же самое, когда он явится за мной. Я не позволю ему войти и схватить меня. Без драки ни за что не сдамся! Нет, Майк, ни за что не сдамся».

Майк вообразил тогда, как Смерть – человек в темном плаще – нападает на Мемо, но она дерется с ним и побеждает, а потом отшвыривает Смерть в сторону, словно бешеную собаку.

Он наклонился и заглянул бабушке в глаза, как будто надеясь, что близкое расстояние поможет установить, так сказать, двустороннюю связь. Но в ее зрачках увидел лишь слегка искаженное отражение собственного лица и мигающей керосиновой лампы. Тонкие светлые волоски на щеках Мемо слегка шевелились от его дыхания.

– Я не впущу его, Мемо, – прошептал он. – Я не впущу его без твоего позволения.

Сквозь щель между занавесками Майк видел лишь подступившую к дому ночную черноту. Откуда-то сверху доносилось поскрипывание дощатых стен. Снаружи что-то скребло по стеклу.

Пластинка кончилась, и игла теперь скользила по пустым бороздкам, скрежеща, как коготь по камню, но Майк продолжал сидеть не шевелясь, склонившись к Мемо и крепко сжимая ее руку в своих.

Теперь летучие мыши казались чем-то смешным и далеким и наполовину забытым. Устроившись поудобнее на лужайке парка Бандстенд, Дейл и Лоренс Стюарты увлеченно смотрели «Машину времени». Поскольку мистер Эшли-Монтегю часто привозил ленты через несколько дней после показа их в своем кинотеатре в Пеории, Дейл уже знал, что на бесплатном сеансе покажут именно этот фильм, и до смерти хотел посмотреть его, так как около года назад прочитал комикс.

Ветерок шуршал в листве деревьев, а на экране Род Тейлор спасал тонущую в реке Иветт Мимье, в то время как медлительный злой безучастно наблюдал за происходящим. Лоренс сидел, поджав под себя ноги, – явное свидетельство того, что он нервничает, – и жевал последние крупинки попкорна, запивая их купленным в парке лимонадом «Доктор Пеппер». Широко распахнутыми глазами малыш следил за тем, как Род Тейлор спускается в подземный мир морлоков, и все теснее прижимался к брату.

– Все в порядке, – шепнул Дейл. – Они боятся света, а у этого парня есть спички.

Глаза морлоков вспыхнули желтым огнем и стали похожими на светляков в кустах южной оконечности парка. Род Тейлор зажег первую спичку, и чудовища подались назад, прикрывая морды синими лапами. Листья над головами мальчиков продолжали шуршать, и Дейл, глянув вверх, заметил, что звездное небо постепенно заволакивают тучи. Оставалось только надеяться, что кино успеет закончиться до того, как пойдет дождь.

Помимо микрофона, встроенного в проектор, мистер Эшли-Монтегю установил около эстрады еще два дополнительных, выносных, но звук все равно был негромким. Крики Рода Тейлора и вопли разгневанных морлоков смешивались с шелестом листьев на ветру и хлопанием кожаных крыльев летучих мышей, сновавших в кронах деревьев.

Лоренс еще ближе придвинулся к Дейлу. На его джинсах зазеленело пятно от травы, но он ничего не замечал и даже забыл про попкорн, а потом снял кепку и принялся жевать козырек – еще один признак волнения.

– Все нормально. – Дейл ласково потрепал брата по плечу. – Он выведет Виенну из пещеры.

Цветные образы продолжали мелькать на экране.

А ветер тем временем становился все сильнее.

Дуэйн ужинал на кухне, когда до него неожиданно донесся рокот приближающегося грузовика.

Как правило, сидя в своей подвальной комнатке с включенным радио, он не слышал таких звуков, но сейчас входная дверь была открыта, окна распахнуты настежь и кругом царил полная тишина, нарушаемая лишь привычными звуками лета: непрерывным стрекотом сверчков и кваканьем древесных лягушек возле пруда. Время от времени в свинарнике хлопала металлическая дверца, ведущая к корытам.

«Что-то Старик сегодня рано», – подумал Дуэйн, но в ту же секунду понял, что шум исходит от незнакомой машины. Этот грузовик был гораздо больше... или, по крайней мере, его двигатель был мощнее.

Приподняв сетку от насекомых, закрывавшую дверной проем, парень выглянул на улицу. Через несколько недель подросшие посевы полностью скроют подъездную дорогу, но пока ближайшая сотня – или около того – ярдов еще оставалась в поле зрения. Машина не появилась. Не слышно было и шороха колес по гравию.

Дуэйн нахмурился, взял сандвич с ливерной колбасой и вышел на тропку между домом и сараем, откуда была лучше видна подъездная дорога. Случалось, хоть и довольно редко, что люди пользовались ею, чтобы развернуться. Шум определенно производил грузовик. Дядя Арт ни за что не сел бы за руль такой машины. Он говорил, что жизнь в сельской местности тошнотворна и не стоит делать ее еще более отвратительной, таскаясь по дорогам в кабине самого

отвратительного из автомобилей, когда-либо созданных в Детройте. Мотор, звук которого слышал Дуэйн, не мог принадлежать и «кадиллаку» дяди Арта.

Вокруг стояла тишина. Дуэйн жевал сандвич и смотрел на дорогу. По совершенно темному небу скользили бесформенные облака, и низкие колосья на полях словно замерли в ожидании бури. В канавах и на стволе раскидистой дикой яблони мерцали голубоватые огоньки светляков.

Примерно в сотне ярдов от Дуэйна, почти у самого въезда на подъездную дорогу, виднелась неподвижная громада грузовика. Детали рассмотреть было невозможно, но там, где должны были светиться фары, виднелась лишь чернота.

Дуэйн помедлил несколько секунд, прикончил сандвич и попытался припомнить, у кого он видел похожий грузовик и кто мог бы приехать к ним в субботний вечер. Нет, таких он не знал.

Возможно, кто-то привез напившегося Старика? Подобное случалось прежде. Но не в такую рань.

Где-то на юге сверкнула молния, но грома Дуэйн не услышал: слишком далеко. Мгновенная вспышка света не позволила получше разглядеть что-либо, лишь подсказала, что машина все еще стоит на месте.

Что-то теплое прижалось к голени мальчика.

– Ш-ш-ш, Виттгенштейн, – прошептал он, опускаясь на одно колено и обнимая пса за шею.

Тот дрожал и как-то странно поскуливал.

– Ш-ш-ш, – снова шепнул Дуэйн и погладил собаку по голове.

Но Виттгенштейн не переставал дрожать.

«Если они вышли из грузовика, то вот-вот будут здесь, – подумал Дуэйн и тут же недоуменно спросил себя: – Кто *они*?»

– Пошли, Витт, – тихо проговорил он.

Взяв колли за ошейник, Дуэйн вернулся в дом, выключил свет, прошел в соседнюю комнату, которую Старик важно называл своим кабинетом, взял со стола ключ, вернулся в столовую и отпер сундук, в котором, как он давно знал, лежало отцовское оружие. Секунду поколебавшись, Дуэйн оставил на месте двустволку, охотничий карабин калибра тридцать ноль шесть и ружье двенадцатого калибра и взял в руки помповое пневматическое ружье шестнадцатого калибра.

В кухне завыл Виттгенштейн, скребя лапами по линолеуму.

– Ш-ш-ш, Витт, – негромко успокоил пса Дуэйн. – Все нормально, мальчик.

Он проверил казенную часть ружья, убедился, что она в порядке, подкачал воздух, снова проверил, держа пустой магазин против слабого света, проникавшего сквозь занавески, и открыл нижний ящик стола. Патроны лежали, как обычно, в желтой коробке. Присев на корточки возле стола, Дуэйн быстро вставил пять штук в магазин и еще три положил в карман фланелевой рубашки.

Виттгенштейн залаял, но Дуэйн не стал звать его из кухни. Откинув сетку, закрывавшую окно в столовой, мальчик вылез в темноту двора и медленно двинулся вокруг дома.

Фонарь на столбе освещал площадку для разворота машин и ближайшие десять ярдов подъездной дороги. Дуэйн пригнулся и подождал несколько секунд. Почувствовав, как сильно бьется сердце, он сделал несколько глубоких, медленных вдохов, чтобы успокоиться.

Внезапно наступила тишина. Замолкли даже сверчки. Тысячи колосьев стояли совершенно неподвижно. Ветер стих, и казалось, что сам воздух застыл на месте. Неожиданно на юге снова сверкнула молния, но на этот раз секунд через пятнадцать раскатисто прогремел гром.

Дуэйн продолжал ждать, бесшумно дыша ртом и держа палец на спусковом крючке. Ружье пахло порохом. Лай в кухне прекратился, но мальчик слышал, как колли мечется от одной запертой двери к другой и скребет когтями по полу.

Дуэйн ждал.

Прошло по меньшей мере пять минут, прежде чем двигатель грузовика взревел и под колесами захрустел гравий.

Дуэйн метнулся к краю поля, присел за колосьями и чуть пригнул их, чтобы лучше видеть подъездную дорогу.

Фары так и не вспыхнули. Грузовик дал задний ход, выполз на Шестое окружное шоссе, остановился и буквально через мгновение двинулся на юг – в сторону кладбища, бара «Под черным деревом» и Элм-Хейвена.

Дуэйн поднял голову и проводил его взглядом. Задние фары были погашены. Рокот мотора медленно стихал: грузовик удалялся. Мальчик нырнул обратно и снова присел на корточки, положив ружье на колени. Стараясь дышать медленно и глубоко, он напряженно прислушался.

Спустя минут двадцать с неба упали первые капли дождя. Дуэйн выждал еще три или четыре минуты и только тогда вышел из своего убежища. Держась у самой кромки колосьев, чтобы его силуэт не был виден на фоне неба, он обошел кругом дом и сарай – воробьи под застрехой молчали, свиньи в хлеву, как обычно уткнувшись рылами в землю, тихо похрюкивали – и через кухонную дверь вошел в дом.

Виттгенштейн по-щенячьи завилял хвостом и подслеповатыми глазами уставился на Дуэйна. Увидев в руках у мальчика ружье, он принялся носиться по кухне, попеременно подбегая то к хозяину, то к двери.

– Нет, – покачал головой Дуэйн, вынимая из магазина пули и раскладывая их на клетчатой скатерти кухонного стола, – мы не собираемся на охоту, дурачок. Но ты получишь особенный ужин, а потом... будешь ночевать сегодня со мной, внизу.

Дуэйн направился к буфету, а хвост Витта выбивал по линолеуму радостную дробь.

Припустивший было дождь почти перестал, но ветер шумел в колосьях и раскачивал ветви диких яблонь.

Джим Харлен вскоре обнаружил, что взобраться наверх будет не так легко, как ему казалось, тем более когда сильный ветер норовит запорошить пылью глаза. Пришлось даже остановиться на полпути, чтобы как следует их протереть.

«Что ж, по крайней мере стук и грохот, производимые ветром, заглушат шум от моего подъема по этой дурацкой трубе», – подумал Харлен.

Теперь, когда он был уже между вторым и третьим этажом, примерно в двадцати футах над мусорным контейнером, Джим осознал всю глупость своей затеи. Что будет, если Ван Сайк, или Рун, или кто-нибудь еще пройдет мимо? А если здесь окажется Барни? Харлен попытался представить, что скажет мать, когда вернется домой со свидания и обнаружит, что ее единственный сын сидит в катажке у Джей-Пи Конгдена и ожидает перевода в тюрьму Оук-Хилла.

При мысли об этом он даже слегка улыбнулся, – по крайней мере, мать хоть тогда, может быть, вспомнит о его существовании.

Он взобрался еще на несколько последних футов, достиг карниза третьего этажа, оперся на него коленом и прижался щекой к кирпичной стене. Теперь можно немного передохнуть. Ветер раздувал тонкую футболку. Сквозь листья вяза внизу виднелись отблески уличного фонаря на углу Скул-стрит и Третьей авеню. Ну и высоко же он забрался!

Харлен не боялся высоты. Прошлой осенью он победил О'Рурка, Стюарта и всех остальных ребят, когда они взбирались на большой дуб позади сада Конгдена. Джим тогда залез почти на самую верхушку дерева, и друзья стали уговаривать его спуститься, но он упрямо подни-

мался выше, пока не ступил на последнюю ветвь, такую тонкую, что, казалось, не удержит и голубя. С верхушки дуба видны были только кроны деревьев, словно Элм-Хейвен неожиданно превратился в безбрежный зеленый океан. В сравнении с тем, на что Джим отважился сейчас, та затея была не более чем детской забавой.

Харлен посмотрел вниз и тут же пожалел об этом. Кроме дренажной трубы и лепнины на углу стены, между ним и бетонным тротуаром не было ничего – только двадцать пять футов пустоты.

Джим опустил веки, сосредоточился, восстанавливая баланс, и, снова открыв глаза, взглянул на окно.

До него было вовсе не два фута, а, пожалуй, больше четырех. Чтобы посмотреть, что делается внутри, придется оторваться от проклятой трубы.

Свет исчез. Он был почти уверен, что сейчас Двойная Задница выйдет из-за угла школы и зычно рявкнет: «Джим Харлен! А ну слезай оттуда сейчас же!»

Что тогда? Может ли она оставить его на второй год в шестом классе? Или лишить его каникул?

Харлен улыбнулся, набрал в грудь побольше воздуха, перенес всю тяжесть тела на колени и медленно двинулся вдоль карниза, распластавшись на стене, словно птица. На узком карнизе его удерживала только сила сцепления.

Правой рукой он нащупал край окна и обхватил пальцами выпуклость орнамента под подоконником. Теперь все в порядке. Он молодец.

Опустив голову, Джим прижался щекой к стене и на несколько мгновений замер в таком положении. Все, что ему нужно было сделать, чтобы заглянуть в комнату, – это приподнять голову.

В эту секунду какая-то часть его разума запретила ему делать это: «Уходи! Отправляйся на бесплатный сеанс. Ступай домой, пока мама не вернулась».

Далеко внизу ветер зашуршал листьями деревьев и снова засыпал пылью глаза Джима. Харлен оглянулся на трубу. Вернуться будет совсем нетрудно: спускаться всегда легче, чем взбираться наверх. Ему вдруг вспомнилось, как Джерри Дейзингер и кое-кто еще из ребят дразнили его, называя «маменькиным сыночком».

«Они не должны знать, что я был здесь», – промелькнуло в голове у Джима.

«Тогда зачем же ты сюда взобрался, дурак?» – поинтересовался внутренний голос.

Харлен подумал о том, что и как можно будет рассказать О’Рурку и другим. Если вдруг окажется, что Двойная Задница вернулась в школу всего лишь за своим любимым мелом или еще чем-нибудь в том же духе, придется приукрасить историю и заявить, например, что видел, как училка и Рун делали *это* в классе, прямо на ее столе... Да эти хлюпики будут в шоке, когда он им в красках опишет такую картину.

Харлен наконец поднял голову и заглянул в окно.

Миссис Даббет сидела не за своим столом, стоявшим в дальнем конце класса, а за маленьким рабочим столиком почти у самого окна, не дальше чем в трех футах от Джима. Свет в помещении не горел, но оно было наполнено слабым фосфоресцирующим сиянием – так светятся в ночном лесу гнилушки.

Училка была не одна. За маленьким столиком, на расстоянии вытянутой руки от прижавшегося носом к стеклу Харлена, сидела еще одна фигура – именно она и фосфоресцировала в темноте. Джим сразу узнал ее.

Миссис Дагган, бывшая коллега и приятельница миссис Даббет, всегда была очень худой, а за те месяцы, что ее глодал рак, истощала настолько, что руки – Харлен это отлично помнил – казались двумя косточками, обернутыми в веснушчатую плоть. Однако она вела уроки в школе до самого Рождества, а после никто из класса не видел ее до самой смерти. Только мать Сэнди Виттакер навестила как-то раз учительницу дома, а в феврале, когда та умерла, пришла

на похороны. Она рассказывала Сэнди, что под конец от старой леди остались только кожа да кости.

Харлен узнал ее сразу.

Он на минуту перевел взгляд на Двойную Задницу: всем телом подавшись вперед, она широко улыбалась и, казалось, была полностью поглощена беседой.

Джим вновь уставился на миссис Дагган.

Сэнди говорила, что миссис Дагган похоронили в ее лучшем шелковом платье зеленого цвета – в том самом, которое она надевала на празднование Рождества, в свой последний день в школе. Именно это платье было на ней и сейчас, только почти совсем сгнившее, и сквозь дыры в ткани пробивалось зеленоватое сияние.

Тщательно причесанные волосы удерживались черепаховыми заколками – их Харлен тоже видел еще в классе, – но во многих местах череп совсем облысел, а кое-где в нем даже зияли дыры, совсем как в шелке платья.

С расстояния в три фута Харлен отчетливо видел руку миссис Дагган, лежавшую на столе: длинные пальцы, ставшее слишком большим золотое кольцо, тусклый блеск костей.

Миссис Даббет склонилась еще ближе к трупу своей подруги и что-то сказала, а потом с озадаченным видом перевела взгляд на окно, за которым замер на коленях Харлен.

Только теперь он понял, что флуоресцирующее сияние освещает его прижавшееся к стеклу лицо, а значит, делает его таким же явственно видимым, как похожие на спагетти сухожилия на кисти миссис Дагган или темные колонии плесени и гнили на ее прозрачной плоти – вернее, на том, что осталось от плоти.

Уголкем глаза Харлен заметил, что Двойная Задница повернулась и смотрит прямо на него, но не мог оторвать взгляд от спины миссис Дагган, где под лопнувшей и разъехавшейся пергаментной кожей шевелились позвонки, похожие на белые камешки, перекатывающиеся под истлевшей тканью.

Миссис Дагган тоже повернулась в его сторону. С двух футов он отчетливо видел зеленоватый свет, пробивавшийся сквозь темную жидкую массу в том месте, где когда-то был ее левый глаз.

С оскаленными в беззубой улыбке зубами она наклонилась вперед, будто намереваясь поцеловать Джима через стекло. Но стекло при этом осталось прозрачным, не замутненным дыханием.

Харлен вскочил и бросился бежать, забыв, что под ногами лишь узкая полоса карниза, а ниже – двадцать пять футов пустоты, пропасть, на дне которой камень и бетон. Впрочем, даже вспомнив об этом, он все равно помчался бы без оглядки.

Он упал, даже не вскрикнув.

Глава 8

Майк очень любил церковные ритуалы. В это воскресенье, как и во все другие, за исключением особых праздничных дней, он помогал отцу Кавано служить обычную раннюю мессу, начинавшуюся в половине восьмого, а после нее остался в храме, чтобы исполнять обязанности главного алтарного служки во время торжественного богослужения, назначенного на десять часов. К ранней мессе людей обычно собиралось больше, поскольку католики Элм-Хейвена жертвовали лишним получасом своего времени только в тех случаях, когда их присутствие на торжественной мессе было по тем или иным причинам обязательным и избежать его не было никакой возможности.

Свои коричневые полуботинки Майк хранил в комнатке, которую отец Кавано называл алтарной. Прежний священник, старый отец Гаррисон, не возражал против того, чтобы из-под ряс его служек выглядывали тенниски, но отец Кавано говорил, что, помогая людям подготовиться к причастию, следует проявлять к ним уважение. Прежде у Майка не было выходной обуви, и непредвиденные расходы вызвали недовольство в семье. Отец ворчал, что ему и без того тяжело одевать четырех дочерей, а тут еще сыну понадобились праздничные наряды. Но в конце концов он все же согласился выказать почтение Богу. Кроме как в костел, Майк никуда не носил свои ботинки и надевал их только во время мессы.

Майк наслаждался каждой минутой церковной службы, и восхищение его возрастало с каждым днем. Почти четыре года назад, когда он только учился выполнять обязанности алтарного служки, требования отца Гаррисона к помощникам были невысоки: фактически главная задача мальчиков состояла в том, чтобы не опаздывать к началу мессы. Вместе с остальными Майк опускался на колени, совершал нужные действия и бормотал латинские песнопения, не пытаясь понять их значение, хотя перевод, записанный на ламинированных карточках, всегда был у него перед глазами. Он никогда не задумывался о величии чуда, которое свершалось каждый раз, когда во время обряда причащения он передавал священнику маленькие бутылочки с водой и вином, и считал, что всего лишь исполняет долг, ибо был католиком, и, как полагал, хорошим католиком, хотя другие маленькие католики из Элм-Хейвена старались под любым предлогом увильнуть от исполнения этого долга.

Около года тому назад отец Гаррисон ушел в отставку, вернее, его попросили об этом, поскольку старый священник выказывал все признаки старческой дряхлости, его пристрастие к спиртному становилось все более явным, а проповеди все более туманными и бессмысленными.

Прибытие отца Кавано, которого с полным правом можно было назвать абсолютной противоположностью отцу Гаррисону, изменило жизнь Майка.

Отец Гаррисон – старый седой ирландец с подозрительно розовыми щечками и некоторой путаницей в мыслях, словах и поступках – давно уже устал от церковных ритуалов. Мессы, которые приходилось служить, превратились в тяжкую обязанность и имели для него не больше значения, чем ежедневное бритье. Он жил только ради визитов к прихожанам и обедов, на которые его приглашали. Даже посещение больных и умирающих служило старику поводом для долгих неторопливых бесед за чашечкой кофе, для воспоминаний о прежних временах и рассказов о тех, кого он когда-то знал. Майку доводилось сопровождать священника на некоторые из таких посиделок, если больной изъявлял желание причаститься. Отец Гаррисон справедливо полагал, что присутствие одного из алтарных мальчиков прибавит пышности простому, в общем-то, обряду. Майк же во время этих визитов отчаянно скучал.

Отец Кавано, напротив, был молодым, темноволосым, необыкновенно энергичным человеком. Майку было известно, что, хотя тот брился дважды в день, примерно к пяти часам на смуглых щеках неизменно проступала отчетливая щетина. К мессе отец Кавано относился

очень трепетно и говорил, что Господь таким образом приглашает всех людей присоединиться к Тайной вечере. Почтения к священным ритуалам он требовал и от алтарных служек. По крайней мере от тех, кто остался при нем и продолжал исправно выполнять свои обязанности.

Среди этих немногих был и Майк. Отец Кавано требовал от мальчиков многого, и прежде всего понимания смысла молитв и песнопений, а не бездумного бормотания вызубренных латинских фраз. Поэтому целых шесть месяцев Майк посещал по средам занятия, на которых священник разъяснял основы христианского вероучения, обучал азам латинского языка и приводил разного рода исторические факты, связанные с мессой как таковой. Алтарные службы, считал он, должны сознательно участвовать в церковных ритуалах, всем сердцем постигая их суть и значение. Учителем отец Кавано оказался весьма строгим и был особенно беспощаден к лентяям, которые просыпали мессу или пренебрегали занятиями.

Отец Гаррисон всегда любил вкусно поесть и уж тем более выпить. Эта слабость старика не составляла секрета ни для кого в приходе. Отец же Кавано вино употреблял только во время обряда причащения, а на пищу, казалось, смотрел как на неизбежное зло. Подобное отношение он проявлял и к посещениям прихожан. Если отец Гаррисон любил поговорить со всеми и обо всем и мог провести целый день на скамье в парке, часами обсуждая с досужими болтунами из числа отошедших от дел престарелых фермеров погоду или грядущие урожаи, то отец Кавано предпочитал беседовать исключительно о Боге. А его посещения больных и умирающих походили на рейды иезуитских командос, дающих последние напутствия тем, кому предстояло в скором времени явиться на Страшный суд.

Единственным пороком отца Кавано было, по мнению Майка, курение. Завзятый курильщик, священник практически не выпускал изо рта сигарету, а когда такой возможности не было, только и ждал, когда она представится вновь. Впрочем, Майк относился к этому спокойно. Его родители тоже курили. Да и в семьях остальных ребят курильщиков хватало. Исключение составляли только Грумбахеры, но это немецкое семейство вообще отличалось странными. А отцу Кавано курение только прибавляло живости и энергии.

В это первое воскресенье наконец-то наступившего лета Майк прислуживал на обеих утренних мессах, наслаждаясь прохладой храма и гипнотическим шепотом прихожан, негромко произносящих ответствия. Майк старательно выговаривал каждое положенное ему по ходу мессы слово – не слишком громко, но и не слишком тихо, артикулируя латинские звуки так, как его учил отец Кавано во время долгих уроков в доме священника.

– *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi... miserere nobis... Kyrie eleison, Kyrie eleison, Kyrie eleison...*⁴⁸ – разносилось под сводами церкви.

Каждая служба приводила Майка в восторг. В то время как часть его разума готовилась к чуду евхаристии, другая свободно парила, будто и вправду оставляя тело. Майк мог вдруг оказаться в гостинице, рядом с Мемо, но только не с той, которая лежала там сейчас, а с той, которая вела с ним долгие беседы и рассказывала старинные истории, когда он был маленьким... Или же летал свободно, как ворон с разумом человека, оглядывая сверху старинное кладбище, зеленые кроны деревьев, ручьи и холмы... Или парил над заброшенными колеями, оставленными цыганскими кибитками на старой дороге, которая извивалась среди лесов и пастбищ...

Обряд причащения подошел к концу: сказаны последние молитвы, даны последние ответствия, гости уложены в предназначенный для их хранения сосуд и оставлены на алтаре. Майк тоже причастился – он всегда делал это перед завершением торжественной воскресной мессы.

Отец Кавано благословил паству и во главе прихожан вышел из храма.

⁴⁸ Агнец Божий, взявший грехи мира... помилуй нас... Помилуй нас, помилуй нас, помилуй нас... (лат., греч.)

Майк направился в маленькую комнатку, где обычно переодевался, аккуратно сложил сутану и стихарь, чтобы отдать их в стирку экономке священника, и спрятал полуботинки на дно кедрового шкафа.

В комнатку заглянул отец Кавано. Он уже сменил черное одеяние на летние брюки из саржи, голубую рубашку и вельветовую спортивную куртку. Вид священника в мирском одеянии неизменно шокировал Майка.

– Ты сегодня хорошо поработал, Майкл, впрочем, как и всегда. – При всей неофициальности их отношений священник всегда называл мальчика полным именем.

– Спасибо, отец...

Майк попытался придумать, что бы еще сказать. Ему хотелось продолжить разговор и тем самым продлить эти минуты, побыть подольше с человеком, которым он восхищался.

– Маловато сегодня народу было на поздней мессе... – нашелся он наконец.

Отец Кавано закурил, и маленькая комнатка тут же наполнилась пахучим голубоватым дымом. Остановившись возле узкого оконца, священник обвел взглядом опустевшую стоянку.

– Разве? По-моему, не меньше, чем обычно... – задумчиво произнес он и обернулся к Майку. – Присутствовал ли кто-нибудь из твоих одноклассников сегодня на службе, Майкл?

– Вы о ком?

Среди одноклассников Майка было не так уж много католиков.

– Ты знаешь... Мишель... как бишь ее... ах да, Стеффни.

Майк почувствовал, как краска заливает щеки. Он никогда не упоминал о Мишель при отце Кавано – вообще никогда не говорил о ней, но всегда отмечал, была ли она на службе. Мишель редко появлялась в этом храме: ее родители обычно ездили в собор Святой Марии в Пеории, но в тех редких случаях, когда она приходила к мессе, Майк чувствовал, как трудно ему сосредоточиться на своих обязанностях.

– Но я не учусь в одном классе с Мишель Стеффни, – хрипло пробормотал он, хотя изо всех сил старался говорить непринужденно, а про себя подумал: «Если проболтался Донни Элсон, то эта крыса еще получит свое... Я ему покажу».

Отец Кавано кивнул и улыбнулся – очень мягко, без тени насмешки, но Майк снова покраснел до корней волос и поспешно опустил голову, словно завязывание шнурков было в тот момент самым важным для него делом.

– Значит, я ошибся. – Священник затушил в стоявшей на столике пепельнице сигарету и тут же стал хлопать себя по карманам в поисках новой. – У тебя и твоих друзей есть какие-то планы на сегодня?

– Нет, ничего особенного.

Майк пожал плечами. Вообще-то, он собирался немного пошататься с Дейлом и мальчишками, а потом следить за Ван Сайком. Он снова, в который уже раз, покраснел, осознав, какую глупость они затеяли с этой игрой в сыщиков.

– Я намеревался сегодня часов около пяти навестить миссис Клэнси, – сказал отец Кавано. – Мне помнится, что ее покойный муж незадолго до смерти вырыл пруд на своей ферме. Наверное, она не станет возражать, если мы захватим с собой удочки и проверим, как поживает в нем рыба. Хочешь, пойдем вместе?

Майк кивнул, чувствуя, как внутри поднимается радость – подобно тому голубю, что изображен на западной стене храма как символ Святого Духа.

– Отлично. Я заеду за тобой в папамобиле примерно без четверти пять.

Майк снова кивнул. Когда отец Кавано впервые назвал принадлежащий приходу черный «линкольн» папамобилем, Майк пришел в ужас, но затем понял, что священник шутит и вряд ли употребляет это слово в присутствии посторонних лиц. Возможно, у отца Кавано даже возникнут неприятности, если Майк кому-нибудь проговорится. Воображение мальчика услужливо рисовало ему двух кардиналов, прибывающих из Ватикана на специальном вертолете,

хватаящих виновного и тут же заковывающих его в кандалы. Майк представлял себе, как кардиналы допрашивают, а потом увозят в неизвестном направлении его друга. Значит, шутка отца Кавано – это своего рода доказательство доверия. Он как бы говорил этим: «Майкл, друг мой, мы с тобой все-таки светские люди».

Майк попрощался со священником и вышел из сумрачного храма на ослепительный свет воскресного полдня.

Почти весь день Дуэйн пришлось усиленно трудиться: ремонтировать «Джона Дира», выпалывать сорняки вдоль канавы, переводить коров с западного пастбища на луг между сараем и кукурузным полем и даже осмотреть все ряды посевов – там, слава богу, прополки пока не требовалось.

Старик приехал домой около трех часов дня. Дуэйн, всегда державший окна подвала открытыми, несмотря на то что они не были зарешечены, еще издали услышал шум подъезжавшей машины. Разумеется, Старик был пьян, хоть и не в стельку. Бормоча под нос ругательства, он прошел в кухню, чтобы сделать себе сандвич, и там разразился целым потоком сквернословия и проклятий. Поэтому Дуэйн счел за лучшее не выходить из подвала. Виттгенштейн, поскуливая, лежал рядом, а хвост старого колли выбивал приветственную дробь по каменным плитам пола.

Обычно по воскресеньям, если голова у Старика не раскалывалась с похмелья, они с Дуэйном сражались в шахматы до самого полудня. Но сегодня шахматы не предвиделись.

Дуэйн вернулся с полей около четырех часов дня.

Старик сидел в кресле-качалке под топодем на южной лужайке. На траве перед ним валялся воскресный выпуск «Нью-Йорк таймс».

– Смотри, что я захватил в Пеории, – пробормотал он, потирая небритые щеки. Двухдневная седая щетина красиво серебрилась на солнце. – Забыл тебе сразу сказать.

Дуэйн уселся на траву и принялся перелистывать газетные полосы в поисках колонки «Книжного обозрения».

– Это за прошлое воскресенье? – спросил он.

– А ты что думал, за сегодняшнее? – ухмыльнулся Старик.

Дуэйн молча пожал плечами и углубился в чтение. Почти вся колонка была посвящена книге Уильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха» и нескольким другим изданиям на ту же тему. Возможно, это было связано с тем, что буквально на днях в Буэнос-Айресе схватили еще одного военного преступника – Адольфа Эйхмана.

– Я, вообще-то, не собирался... гм... возвращаться так поздно... – прочистив горло, заговорил Старик. – Но какой-то долбаный профессор из Брэдли, которого я встретил в маленькой пивнушке на Адамс-стрит, затеял со мной спор о Марксе, и я... ну, в общем, сам понимаешь. Как дома? Все в порядке?

Дуэйн кивнул, не поднимая глаз.

– Тот солдат переночевал у нас или нет? – продолжал расспрашивать отец.

Дуэйн оторвался от газеты:

– Какой солдат?

Старик снова потер щеки и шею, очевидно пытаясь отделить фантазии от реальности.

– Гм... Помню, что я подвозил какого-то солдата. Подобрал его около моста через Спун. – И он опять принялся тереть щеку. – Ты же знаешь, обычно я не пускаю в машину всяких халавщиков... но тут как раз начался дождь... – Он замолчал и оглянулся, как будто ожидал, что солдат все еще сидит в пикапе. – Да, да, теперь я все припоминаю. Он за всю дорогу не сказал ни слова. Только кивнул один раз, когда я спросил, не демобилизовался ли он. Будь оно проклято, я все время чувствовал, что что-то с его мундиром не то, но я был... э-э-э... слишком устал, чтобы обращать внимание на странности.

– А что за странности? – тут же поинтересовался Дуэйн.

– Его обмундирование... Понимаешь, оно было каким-то допотопным. Даже не форма времен генерала Эйзенхауэра, а... знаешь, такая старинная шинель... да, да, коричневая шинель... и еще фетровая шляпа с полями времен испано-американской войны. К тому же ноги у него были в обмотках.

– В обмотках... – повторил Дуэйн. – Ты имеешь в виду такие, что носили пехотинцы в Первую мировую войну?

– Угу, – кивнул Старик, привычно пожевывая ноготь на указательном пальце, что свидетельствовало о недоумении и напряженной работе мысли. – Вот именно. Все говорило о том, что солдат участвовал в той войне... обмотки, высокие башмаки – тогда носили такие тяжелые, подбитые гвоздями, – фетровая шляпа... и даже офицерская португеза. Но при этом парень был слишком молод, чтобы и в самом деле служить в армии все годы. Похоже, он просто вырядился в мундир своего дедушки или возвращался домой с какого-нибудь маскарада. – Старик пристально посмотрел в глаза Дуэйну. – Так он остался позавтракать?

Дуэйн покачал головой:

– Никто не приходил сюда прошлой ночью. Ты, должно быть, высадил его где-нибудь по дороге.

Старик на миг сосредоточился на этой мысли, затем энергично затряс головой:

– Нет-нет. Я уверен, что солдат сидел в кабине рядом со мной, когда я поворачивал на подъездную дорогу. Помню, что на какое-то время я даже забыл о его существовании, потому что он сидел очень тихо. Я собирался дать ему сэндвич и уложить спать на кушетке. – Налитыми кровью глазами Старик снова заглянул в лицо сыну. – Поверь, Дьюни, он точно был рядом.

Дуэйн спокойно кивнул, чтобы не раздражать отца:

– Ну, значит, я просто не слышал, когда вы вошли в дом. А может, он отправился в город пешком?

Старик прищурился и посмотрел вверх колосьев в сторону шоссе:

– Посреди ночи? Вряд ли. Помнится, он говорил, будто живет где-то здесь, неподалеку.

– По-моему, ты сказал, что он все время молчал.

Старик снова принялся жевать ноготь.

– Молчал? Нет, не помню... может, и молчал... ладно, дьявол с ним.

И он вновь уткнулся в колонки финансовых новостей.

Дуэйн дочитал обзор книг и направился к дому.

Витт, выспавшийся и отдохнувший, вышел из сарая, всем своим видом демонстрируя готовность отправиться с Дуэйном куда угодно.

– Послушай, – обратился к нему мальчик, – ты, случайно, не видел здесь пехотинца, возвращающегося с Первой мировой?

Пес тихо взвизгнул и недоуменно склонил набок голову, явно не понимая, чего от него хотят. Дуэйн в знак утешения почесал его за ушами и, подойдя к грузовичку, открыл дверцу кабины. Оттуда пахло застарелым запахом виски и нестираных носков. На виниловом сиденье рядом с водительским местом виднелась отчетливая вмятина, но она уже была там, когда они покупали эту машину. Дуэйн пошарил под сиденьем, проверил бардачок и заглянул под коврики. Уйма мусора: тряпки, атласы дорог, открывалка, несколько пустых бутылок из-под виски и пивных банок, патроны для пистолета, – но, в общем, ничего интересного. Ни тебе щегольской трости, ни маузера, случайно забытого таинственным посетителем, ни схемы военных укреплений на Сомме или карты Белло-Вуда.

Дуэйн усмехнулся про себя и вернулся во двор, чтобы дочитать газеты и поиграть с Виттом.

Когда Майк и отец Кавано закончили свою рыбную экспедицию, был уже вечер. Миссис Клэнси, умиравшая не столько от преклонного возраста, сколько от непрерывного брюзжания и бесконечных капризов, не хотела, чтобы в доме присутствовал кто-нибудь посторонний, пока она будет исповедоваться, и Майку пришлось довольно долго гулять вокруг пруда, бросая камешки по воде и с сожалением думая о том, что еще немного – и он останется без воскресного обеда. На свете было не так уж много вещей, способных заставить Майка пропустить воскресный обед, но, как оказалось, необходимость помогать отцу Кавано была одной из них. Когда священник поинтересовался, успел ли Майк перекусить, тот только кивнул в ответ. Придется на исповеди включить этот ответ в раздел «Да, отец мой, несколько раз я обманывал старших». В какой-то момент Майк пришел к выводу, что истинная причина безбрачия священников состоит в том, что едва ли найдется женщина, готовая выйти замуж за человека, которому придется регулярно исповедоваться.

Было уже около семи часов, когда отец Кавано появился возле пруда и принес с собой все необходимое для рыбалки. Майку, правда, казалось, что до вечера еще далеко: июньское солнце только-только начало клониться к закату и по-прежнему высоко стояло над верхушками деревьев. За час с хвостиком им, а точнее, Майку удалось поймать несколько мелких рыбешек, да и те были мгновенно выпущены обратно в воду. Но зато беседа получилась настолько интересной, что у мальчика даже закружилась голова от восторга. О чем они только не говорили! И о таинстве Святой Троицы, и о хулиганах на чикагских улицах в пору юности отца Кавано, и об уличных бандах, и о том, почему все в мире – творение Божие, а сам Он сущ и един и почему в старости многие люди обращаются к Церкви. Отец Кавано рассказал о знаменитом «Пари Паскаля»⁴⁹ и о многом-многом другом. Майк обожал такие разговоры. Конечно, болтать с Дуэйном, Дейлом или еще с кем-нибудь из башковитых ребят, высказывавших порой интересные мысли, тоже было довольно забавно, но в отличие от них отец Кавано знал жизнь. Он был умным человеком – не только потому, что одолел премудрости латинского и теологии, но и потому, что подростком прошел суровую школу чикагских улиц, где царили такие жестокость и цинизм, каких Майк не мог и вообразить.

Тени деревьев потянулись по зеленой траве, окунулись в воду и постепенно накрыли большую часть пруда.

– Боже, Майкл! – глянув на часы, воскликнул отец Кавано. – Ты только посмотри, как поздно. Миссис Маккафферти будет беспокоиться.

Миссис Маккафферти служила экономкой в доме священника. И если с отцом Гаррисоном она обращалась скорее как старшая сестра, пытающаяся удержать беспутного брата на краю пропасти, то с отцом Кавано нянчилась почти по-матерински.

Уложив в машину рыболовные принадлежности, они выехали на Шестое окружное шоссе и направились к городу. Когда папамобиль начал спускаться с холма, сквозь густое облако поднятой колесами пыли Майк сумел разглядеть справа дом Дуэйна Макбрайда, а слева – ферму дяди Генри, который приходился родственником Дейлу Стюарту. Машина вползла на следующий холм и поравнялась со Страстным кладбищем, на золотившейся в вечернем свете территории которого не было ни души. Майк обратил внимание, что поросшая травой обочина шоссе, где оставляли машины посетители кладбища, тоже пуста, и неожиданно вспомнил о том, что как раз сегодня собирался начать слежку за Ван Сайком. Он попросил священника остановиться, и тот свернул на зеленую полосу между дорогой и кованой железной оградой.

– Что случилось? – удивился отец Кавано.

Майк лихорадочно соображал, как вывернуться:

⁴⁹ *Блез Паскаль* (1623–1662) – французский ученый, монах. Рассуждение, получившее название «Пари Паскаля», содержится в трактате «Мысли о религии и других предметах»: Паскаль размышляет о вопросе спасения с точки зрения вероятностей и утверждает, что если человек верит в Бога, а Его нет, то человек ничего не теряет. А если Бог есть, то не верящий в Него теряет все. Следовательно, делает вывод Паскаль, каждый должен быть христианином.

– Я... ну-у... я обещал Мемо сходить на дедушкину могилу. Ну-у... понимаете... посмотреть, не заросла ли она травой, остались ли с прошлой недели цветы и все такое.

«И в этом обмане придется признаться на исповеди».

– Я подожду тебя, – сказал священник.

Майк покраснел и поспешно отвернулся, чтобы отец Кавано не заметил румянца. Хорошо бы, тот не услышал и фальшивых ноток в его голосе.

– Гм... Понимаете, я бы хотел побыть там один. Ну, чтобы помолиться...

«Святой Михаил! Да что же это я несу! Говорю, что хочу помолиться, и при этом прошу священника уйти подальше?» – в ужасе подумал Майк и тут же добавил еще одну ложь:

– Знаете... Мне, может статься, понадобятся цветы, а за ними нужно идти в лес... Понадобится время... Я задержусь...

Отец Кавано посмотрел на заходящее солнце, подобно красному шару повисшее над полями:

– Скоро стемнеет, Майкл.

– Я успею засветло вернуться домой. Честно.

– Но до города еще почти миля.

В голосе священника ясно звучало сомнение, словно он подозревал какой-то подвох, но не мог понять, в чем именно он заключается.

– Ничего страшного, отец Кавано. Мы с ребятами знаем лес как свои пять пальцев. Мы ведь часто гуляем там и успели изучить его вдоль и поперек.

– Но ты обещаешь, что не останешься в лесу до темноты?

– Конечно, – заверил Майк. – Только исполню просьбу Мемо – и сразу домой.

«Интересно, а не боится ли темноты сам отец Кавано?»

Он тут же отбросил эту мысль и несколько секунд колебался, размышляя, не рассказать ли священнику всю правду об их подозрениях, о том, что в Старой школе творятся странные вещи и там явно нечисто, об исчезновении Табби Кука и о том, что сам он собирается всего лишь заглянуть в старую сторожку позади кладбища, где, по слухам, ночует Ван Сайк. Но и от этой идеи он тоже отказался: не хватало еще, чтобы отец Кавано счел его психом.

– Уверен, что все будет в порядке? – обеспокоенно спросил священник. – Ведь твои домашние будут думать, что ты со мной.

– Они знают, что я обещал Мемо. – Очередная ложь далась Майку уже легче. – Я обязательно вернусь домой до темноты.

Священник кивнул и наклонился, чтобы открыть дверцу:

– Хорошо, Майкл. Спасибо за совместную рыбалку и беседу. Завтра придешь к ранней мессе?

Вопрос был чисто риторическим: Майк не пропустил ни одной утренней службы.

– Конечно, до завтра, – ответил он, захлопывая тяжелую дверцу и наклоняясь к опущенному стеклу. – Спасибо за... – Он помолчал, не зная, за что именно хочет поблагодарить священника. «За то, что он, умный взрослый человек, разговаривает со мной как с равным?» – Спасибо за то, что одолжили мне удочку.

– Готов помочь в любое время, – усмехнулся отец Кавано. – В следующий раз мы с тобой отправимся на Спун – вот где водится настоящая рыба.

Он отсалютовал двумя поднятыми вверх пальцами, дал задний ход и выехал на дорогу. Через минуту папамобиль уже спускался по противоположному склону холма, а вскоре исчез из виду.

В низкой траве вокруг ног Майка скакали кузнечики. Он немного постоял в ожидании, пока рассеется пыль, потом обернулся и, окинув взглядом кладбище, с удивлением заметил, что его собственная тень уже протянулась так далеко, что смешалась с тенью от черной остроконечной решетки железной кладбищенской ограды.

«Великолепно! А что, если Ван Сайк собственной персоной сейчас где-то поблизости?»

До этого момента Майку и в голову не приходила подобная мысль. Нет, едва ли Ван Сайк, не то смотритель, не то сторож кладбища – а может быть, просто разнорабочий, мастер, так сказать, на все руки, – сейчас здесь. В воздухе стоял густой запах зреющего зерна и пыли, столь характерный для влажного июньского вечера. Вокруг было тихо и пусто. Майк почти физически ощущал эту абсолютную пустоту. Взявшись за шарообразную ручку калитки, он толкнул створку и вошел на территорию кладбища, с опаской поглядывая на ползущую впереди собственную тень, на скорбно застывшие могильные памятники и на их искаженные копии, которые причудливо тянулись по земле. После оживленной беседы с отцом Кавано повисшее в воздухе оглушительное молчание казалось особенно жутким.

Кладбище занимало площадь приблизительно в четыре акра. Заросшая травой дорожка делила его на две почти равные части. Майк прошел по ней до середины, свернул в сторону и, миновав три памятника, остановился перед могилой дедушки. На этом же участке покоились и другие О'Рурки, а чуть дальше, ближе к забору с другой стороны, были похоронены родственники матери. Рядом с надгробием дедушки оставалось пустое, заросшее травой пространство. Майк знал, что оно предназначено для его родителей, сестер и... и для него самого.

Цветы – поникшие и увядшие – все еще были на месте. Они лежали здесь с прошлого понедельника – со Дня памяти⁵⁰. Рядом с цветами был воткнут маленький американский флаг: каждый год его приносили сюда ветераны Американского легиона⁵¹, и Майк странным образом связывал чередование времен года с тем, насколько выгоревшим был этот флажок. Во время Первой мировой войны дедушка поступил на военную службу, но побывать за океаном ему не удалось: вместо действующей армии он оказался в Джорджии, в мобилизационном лагере, где и провел четырнадцать месяцев. В детстве Майк с удовольствием слушал рассказы Мемо о военных подвигах американских солдат, и у него сложилось стойкое убеждение, что до конца жизни дедушка так и не смог смириться со своим отсутствием на полях сражений.

Сейчас цвета флага были яркими: кроваво-красный и ослепительно-белый на фоне сочной зелени травы. Последние лучи заката делали тени более густыми, а краски – более насыщенными. На ферме дяди Генри, расположенной примерно в четверти мили от кладбища, по другую сторону холма, мычали коровы – в неподвижном воздухе звук разносился далеко вокруг.

Мальчик опустил голову, шепотом помолился, осенил себя крестным знаменем и по тропинке направился в дальний конец кладбища, где находилась хибара Ван Сайка. Теперь, размышлял Майк, его маленький обман перестал быть обманом, и, возможно, не придется каяться на исповеди.

Вообще-то, эта хибара Ван Сайку не принадлежала. Это был старый сарай для инструментов, с незапамятных времен стоявший почти возле самого забора кладбища. Вечерние лучи солнца освещали западную стену старого сооружения, делая ее похожей на кусок масла. От последнего ряда могил постройку отделяла широкая полоса скошенной травы.

«А ведь еще немного – и от этой полосы ничего не останется, – подумалось Майку. – Кладбище подступит вплотную к сараю».

Майк заметил, что на двери висит замок, и прошел мимо, будто направляясь к лесу и заброшенным рудникам в холмах – любимому месту прогулок местных мальчишек, а затем резко повернул обратно и нырнул в тень возле западной стены хибары. Кузнечики врассыпную бросились из-под его ног, под подошвами кед трещала сухая стерня.

⁵⁰ 30 мая – День памяти павших в Гражданской войне в США 1861–1865 гг., в испано-американской и других войнах (Memorial Day).

⁵¹ *Американский легион* (The American Legion) – военно-патриотическая общественно-политическая организация, созданная в 1919 г. двадцатью офицерами – участниками боевых действий во Франции с целью защиты интересов ветеранов Первой мировой войны. Позднее в организацию был открыт доступ участникам Второй мировой, корейской и вьетнамской войн.

С этой стороны в стене примерно на уровне шеи Майка было окно – единственное во всем строении и совсем крохотное. Он подошел ближе и, ладонями заслонив от света глаза, заглянул внутрь.

Но ничего не увидел: окно было слишком грязным, а внутри царил мрак.

Небрежно засунув руки в карманы и насвистывая, Майк обошел вокруг сарая, время от времени посматривая по сторонам, чтобы убедиться, что там никого нет. Шоссе оставалось пустынным: за все время, что Майк провел на кладбище, ни одна машина не проехала мимо. Над рядами могил повисла напряженная тишина. Малиновый шар солнца медленно уплыл вниз и скрылся за дорогой. Такие великолепные, удивительные закаты бывают, наверное, только в Иллинойсе. Осиротевшее небо все еще озаряли багровые отблески, но краски постепенно тускнели, свет июньского вечера уступал место сумеркам, и летняя ночь готовилась вступить в свои права.

Майк внимательно осмотрел замок: автоматический, вполне надежный. Однако деревянный косяк под металлической пластиной, в отверстие которой входил язычок, совершенно сгнил и превратился в труху. Все еще тихо посвистывая, Майк принялся раскачивать и дергать пластину туда-сюда, пока проржавевшие шурупы – сначала два, а потом и третий – не выскочили из гнезд. С четвертым пришлось немного повозиться, но наконец, поддетый перочинным ножиком, вылетел и он. Майк поискал глазами камешек, чтобы было чем забить шурупы обратно, когда придет время уходить, и опасливо переступил порог хибары.

Внутри было совершенно темно. В воздухе пахло свежевырытой землей и еще чем-то кислым. Мальчик прикрыл за собой дверь, предварительно положив у порога камень побольше, чтобы оставить щель для света и услышать шум, если к воротам вдруг подъедет какая-нибудь машина. Прежде чем двинуться дальше, он с минуту постоял, давая глазам привыкнуть к мраку.

В отсутствии Ван Сайка Майк уже успел убедиться. В углу сарая он увидел несколько лопат и кирок – обычный набор инструментов кладбищенского сторожа, на полках – упаковки с удобрениями и несколько банок с какой-то темной жидкостью. В другом углу валялись ржавые заостренные металлические прутья, явно вытащенные из ограды для ремонта, детали от газонкосилки и пара небольших ящиков, один из которых, похоже, служил столом – к нему был прикреплен фонарик. Рядом были свалены в кучу какие-то тряпки. Майк сначала не понял, что это, но потом догадался: на таких широких лентах из грубого полотна опускают в могилу гроб.

Под окошком стояла низкая кровать. Едва Майк подошел ближе, в нос ему ударил отвратительный запах плесени. Смятое, грязное одеяло почти касалось пола – словно его бросили в спешке – и тоже воняло какой-то гадостью. Но кто-то, очевидно, был здесь совсем недавно: у стены Майк заметил скомканный номер «Пеория джорнал стар» за последнюю среду.

Майк опустился на колени и отодвинул газету в сторону. Под ней оказался толстый глянецовый журнал. Майк поднял его и начал было листать, но тут же отшвырнул прочь.

Все страницы были заполнены черно-белыми фотографиями обнаженных женщин. Женская нагота не была Майку в новинку – в его семье росли четыре девочки, а однажды он даже держал в руках нудистский журнал, который принес в школу Джерри Дейзингер. Но сейчас его глазам предстало нечто невообразимое.

Женщины лежали, раздвинув ноги и все, совершенно все выставив на обозрение. На нудистских фотографиях никаких подробностей не было видно – только белые и гладкие человеческие тела, а здесь... Курчавые волосы вокруг призывно раздвинутых половых губ... намятые пальцы женщин, приоткрывающие самые сокровенные места, ласкающие грудь... На некоторых фото женщины стояли на коленях, выставив попы, и, обернувшись, улыбались прямо в объектив.

Майк почувствовал, как кровь бросилась ему в голову, и в ту же секунду, будто поток крови повернул вспять и понесся к паху, напрягся пенис. Он снова протянул руку к журналу и, не поднимая его с пола, перевернул несколько страниц.

Снова женщины... раздвинутые ноги... Ему и в голову никогда не приходило, что есть женщины, готовые заниматься такими вещами перед объективом фотоаппарата. А что, если это увидят их родные, знакомые?

Мальчик ощущал, как стремительно наступает эрекция. Прежде ему уже случалось возбуждать себя, а однажды, примерно год назад, он даже, к своему несказанному удивлению, испытал оргазм. Но отец Гаррисон в одной из своих проповедей такими страшными красками обрисовал последствия, которыми чревато самоосквернение, будь то духовное или физическое, что у Майка пропала всякая охота к таким номерам. Он совсем не хотел сойти с ума или покрыться ужасными прыщами, которые Господь насылает в наказание тем, кто занимается рукоблудием. Кроме того, Майку пришлось в мрачной темноте исповедальни покаяться в своем грехе перед духовным отцом, и тот его сильно выбранил. Но одно дело признаться в таких вещах отцу Гаррисону и получить от него нагоняй, и совсем другое – повиниться перед отцом Кавано. Майк подумал, что он скорее станет атеистом и отправится в ад, чем расскажет о содеянном нынешнему пастырю. А если он совершит такой страшный проступок и скроет это... Отец Гаррисон достаточно ясно описал адские муки, ожидающие развратников.

Майк вздохнул, положил журнал туда, где нашел его, и прикрыл газетой. Теперь ему придется бежать вниз по склону холма, а потом быстрым шагом взбираться на следующий, чтобы избавиться от гадких мыслей и от напряжения под ширинкой.

Когда Майк встал на ноги, одеяло соскользнуло на пол – и по всему сараю распространился еще более сильный и мерзкий запах гнили.

Майк сначала отпрянул, но потом вернулся, чтобы поднять одеяло.

Пахло сырой землей... и чем-то еще, ужасно отвратительным... Вонь шла откуда-то снизу. Майк на секунду задержал дыхание, затем приподнял кровать и прислонил ее к одному из ящиков.

Под ней оказалась дыра. Больше двух футов в поперечнике и почти совершенно круглая, она была похожа на открытый люк посреди мостовой. Только края ее были ужасно грязными. Майк опустил на четвереньки и заглянул внутрь.

Ну и мерзость! Однажды Майку случилось побывать на скотобойнях в Оук-Хилле, так около помещения, куда сбрасывали внутренности и те части туши, которые не подлежали продаже, запах был примерно таким же. Только здесь он смешивался с густым запахом сырой земли, и это делало его таким зловонным, что Майк отшатнулся и зажмурился.

Тут же снова открыв их, он уловил в глубине какое-то быстрое движение, будто какое-то существо, прячась от света, стремительно метнулось в сторону. Мальчик быстро мигнул. Края дыры были странного, кроваво-красного цвета, хотя почва здесь совершенно не имела примеси глины, и к тому же испещрена глубокими бороздами. Это напомнило Майку что-то, только он не мог сразу вспомнить, что именно. Но через минуту память подсказала ответ.

Однажды Дейл Стюарт принес в школу издание иллюстрированной энциклопедии Комптона. Мальчики не отрываясь разглядывали изображенные в цвете органы человеческого тела. На одной из картинок был нарисован пищеварительный тракт в разрезе.

Так вот, края этой дыры напоминали внутреннюю сторону человеческих кишок: красные и такие же бороздчатые.

Гребни между бороздами вокруг ямы вдруг дрогнули и зашевелились, будто сжимаясь и расслабляясь. Зловоние усилилось.

Майк, задыхаясь, отполз на четвереньках. И тут же услышал странные звуки – будто кто-то скреб или царапал землю. Что это? Крысы? Или там, внизу, действительно что-то есть?

Воображение нарисовало Майку туннель, уходящий далеко в глубину, соединяющий между собой могилы старого кладбища... Ему представилось, как в этот туннель медленно, извиваясь как змея, вползает Ван Сайк... Заслышав беззаботное насвистывание Майка, он торопится скрыться, исчезнуть в толще земли...

Ван Сайк? А может, что-нибудь еще хуже?

Майк вздрогнул и посмотрел в окно, но сквозь мутное стекло ничего не увидел, как будто на улице уже стемнело. Однако сквозь щель, оставленную у двери, еще пробивался слабый свет.

Майк опустил кровать на место, убедился, что газета и журнал лежат в том виде, в каком он нашел их, и бросил одеяло на кровать так, чтобы оно скрывало яму, хотя в этом-то как раз нужды не было: внутри хибары царил такой мрак, что дыры никто бы не заметил, даже не будь здесь кровати. Он тоже никогда бы не обнаружил это жуткое отверстие, если бы не тошнотворный запах, от которого можно упасть в обморок.

По-прежнему стоя на коленях, Майк вдруг вообразил, как из дыры высовывается белая, как личинка червя, рука и тянется к нему из-под кровати... хватает его за запястье, сжимает локоть...

От эрекции не осталось и следа. На секунду Майку показалось, что его вот-вот вырвет от страха и отвращения. Он крепко сжал веки, приоткрыл рот, чтобы меньше чувствовать ужасный запах, и принялся беззвучно молиться.

Он прочел «Аве Мария», потом «Отче наш», но ничего не помогало.

Майку показалось, что он слышит крадущиеся шаги по траве, возле самой стены сарая...

Не помня себя от ужаса, он бросился к двери, распахнул ее и кинулся бежать, не заботясь о том, что его могут увидеть, а только стремясь оказаться как можно дальше от этой жуткой дыры, от этого страшного места.

На кладбище никого не было. Сумерки сгустились. Далеко на востоке, чуть выше верхушек деревьев, на потемневшем небе вспыхнула одинокая звезда. Лес казался совсем черным, хотя долгий летний вечер пока не уступил место ночи. Ярдах в двадцати от Майка на высоком надгробии сидел краснокрылый дрозд и словно разглядывал его.

Мальчик быстро пошел прочь, но тут вспомнил про замок. Минуту поколебавшись и обозвав себя идиотом, он вернулся к сараю, подобрал присмотренный заранее камень и, прижав металлическую пластину к косяку, начал загонять на место шурупы. Последний пришлось вкручивать с помощью ножа, и Майк заметил, как дрожат руки.

«Если из той дыры что-то выползает, как оно выбирается из лачуги? Может, через окно?» – размышлял он, но, спохватившись, запретил себе даже думать об этом.

Нож соскользнул с головки шурупа и вонзился в мизинец. Капли крови падали в траву возле двери, но Майк, не обращая внимания на рану, продолжал свое дело и наконец подтянул шуруп на последние пол-оборота.

Теперь все. Выполнено, конечно, не лучшим образом. От внимательного взгляда не скроется, что пластину сняли, а потом прикрутили обратно. Ну и что?

Майк повернулся и торопливо зашагал по дорожке.

На Шестом окружном не было ни единой машины. Майк бегом помчался вниз по склону холма, молясь про себя, чтобы тени в ложбине не были такими темными. В лесу по обе стороны от дороги уже, казалось, стояла глубокая ночь.

Дорога пошла вверх, и Майк сбавил темп. Запертый бар «Под черным деревом» смотрел на дорогу черными глазницами окон. Ничего необычного в этом не было: по воскресеньям спиртное продавать запрещалось, но вид пустой автостоянки перед небольшим строением был пугающим. Слева по-прежнему возвышался лес. Цыганская дорога была где-то за ним, но справа уже потянулись кукурузные поля и было чуть светлее. Впереди, всего лишь в паре сотен ярдов, уже показался перекресток, где шоссе пересекала Джубили-Колледж-роуд,

а оттуда будет видна водонапорная башня Элм-Хейвена, до которой останется пройти около трех четвертей мили.

Майк чуть успокоился и пошел медленнее, ругая себя за трусость, когда позади вдруг послышался негромкий шорох гравия. Это не было похоже на шум приближающейся машины – шаги явно принадлежали одинокому пешеходу.

Не сбавляя шага, мальчик оглянулся, пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Заметив на вершине холма тень, отделившуюся от черноты леса, он поначалу подумал, что это кто-то из ребят, хотя на таком расстоянии трудно было узнать, кто именно. Майк смог различить только старомодную бойскаутскую шляпу и форму. Расстояние между ними составляло не более пятнадцати ярдов.

Однако уже через пару минут Майк понял, что незнакомец на дороге совсем не мальчик, а вполне взрослый парень лет двадцати с лишним и форма на нем не бойскаутская, а военная. Похожие мундиры Майк видел на старых фотографиях. Бледное лицо солдата в сумеречном свете казалось восковым и словно размытым, лишенным каких-либо черт, ни бороды, ни усов не было.

– Эге-гей! – приветственно прокричал Майк и помахал рукой. Конечно, он не знал этого солдата, но все же почувствовал, как отлегло от сердца: это не Ван Сайк.

Молодой солдат не ответил на приветствие. Майк не видел его глаз, но почему-то решил, что тот, возможно, слеп. Он не бежал, а шел широким, будто строевым, шагом, высоко поднимая напряженно выпрямленные ноги, однако быстро настигал Майка. Расстояние между ними уже сократилось ярдов до десяти, и мальчик явственно видел латунные пуговицы на коричневом мундире и странные, цвета хаки, полосы ткани, подобно бинтам обмотанные вокруг ног солдата. Подбитые гвоздями высокие ботинки скрипели по гравия. Майк вновь попытался рассмотреть лицо незнакомца, но густая тень от широких полей шляпы и темнота вокруг не позволили ему это сделать.

Теперь молодой парень маршировал так быстро, что Майк уже не сомневался в его намерениях: солдат хочет его догнать и изо всех сил старается сократить разделяющую их дистанцию.

«Вот дьявол!» – выругался про себя Майк и с тревогой подумал, что теперь надо будет каяться на исповеди еще в одном грехе: придется признаться отцу Кавано, что произнес плохое слово.

Он повернулся и бросился бежать по Джубили-Колледж-роуд – к темнеющим вдали деревьям, к Элм-Хейвену.

Лоренс, младший братишка Дейла, боялся темноты.

Насколько мог судить сам Дейл, этот восьмилетний мальчишка не боялся больше ничего на свете. Он мог забраться на такую высоту, о какой никто другой – кроме разве что Джима Харлена – не осмеливался и помыслить. Лоренс с полнейшим хладнокровием бросался на обидчика, даже если тот был вдвое старше и в полтора раза крупнее его самого. Опустив голову и отчаянно молотя кулаками, он упрямо продолжал драться, не обращая внимания на тумачи, которые давно бы заставили любого другого из ребят со слезами покинуть поле боя. Кроме того, Лоренс презирал опасность и обожал проделывать рискованные трюки: он отважно слезал на велосипеде с самых высоких трамплинов, какие только удавалось отыскать, а когда по условиям очередной безрассудной затеи требовался кто-то готовый лечь перед трамплином в качестве дополнительного препятствия, через которое будут прыгать другие, единственным добровольцем опять же оказывался он сам. Он был блокирующим полузащитником в футбольной команде и играл против парней, которые были гораздо старше его. А еще Лоренс мечтал, чтобы его упаковали в картонную коробку и сбросили с самой высокой вершины Козлиных гор. Дейл был уверен, что отчаянная храбрость и полное пренебрежение опасностью когда-

нибудь сослужат братишке плохую службу и в один прекрасный день помогут благополучно угробиться.

Но Лоренс боялся темноты.

Больше всего его пугал мрак на лестничной площадке второго этажа их дома и в спальне.

Дом, в котором жили Стюарты, с тех пор как пять лет назад переехали сюда из Чикаго, был довольно старым. Выключатель, расположенный у подножия лестницы, был соединен с небольшой люстрой, висящей в холле у входа, при этом лестничная площадка наверху, через которую требовалось пройти, чтобы добраться до спальни мальчиков, оставалась неосвещенной. И что еще хуже, по крайней мере с точки Лоренса, в самой спальне не было настенного выключателя около двери. Чтобы зажечь свет, нужно было добраться до середины погруженной во тьму комнаты, отыскать там свисавший с потолка шнур и дернуть за него. Это мероприятие Лоренс откровенно ненавидел и всегда просил Дейла подняться наверх первым.

Однажды, когда они с братом укладывались спать при свете ночника, Дейл поинтересовался, чего, собственно, Лоренс так боится. Ведь это, в конце концов, их собственная комната.

Лоренс долго молчал, а потом сонным голосом ответил:

– Боюсь, что кто-то сидит здесь. И ждет.

– Кто-то? – шепотом спросил Дейл. – А кто?

– Не знаю... – Лоренс говорил медленно, словно в полусне. – Кто-нибудь. Иногда я представляю, как захожу в комнату и начинаю искать этот шнур... ты же знаешь, его вечно не сыскать сразу... и вдруг вместо шнура натыкаюсь на чье-то лицо...

Дейл почувствовал, как по спине побежали мурашки.

– Понимаешь, – продолжал Лоренс, – мне видится лицо какого-то высокого парня... но оно какое-то нечеловеческое... и я в темноте ощупываю его... чувствую холодные, скользкие зубы... я понимаю, что глаза у него широко раскрыты, как бывает у мертвецов... и...

– Ладно, хватит, заткнись, – шепотом оборвал брата Дейл.

И даже при свете ночника Лоренса не оставлял страх. В старом доме не было встроенных платяных шкафов – отец сказал, что в прежние времена люди хранили одежду в специальных гардеробных, – но в этой комнате не то владельцы, не то предыдущие арендаторы соорудили некое подобие шкафа – точнее, узкий ящик из грубо отесанных сосновых досок, высотой от пола до самого потолка. Лоренс утверждал, что он похож на поставленный стоймя гроб. Дейл был полностью согласен с братом, но предпочитал держать свое мнение при себе. Лоренс никогда не отваживался первым открыть дверцу шкафа, даже днем, и оставалось только догадываться, кого или что брат боится там увидеть.

Но больше всего Лоренса пугало пустое пространство под кроватью.

Мальчики спали всего в двух шагах друг от друга, на совершенно одинаковых кроватях, накрытых одинаковыми одеялами, но Лоренс был уверен, что именно под его кроватью затаилось нечто страшное.

Если в спальне была мама, то он отваживался читать молитву, стоя на коленях, но, если мальчики оставались одни, он мгновенно раздевался, натягивал пижаму и нырял в постель, запрыгивая на нее издалека, словно опасался, что кто-то схватит его за ноги и утащит во тьму. Потом он долго и тщательно укутывался в одеяло и подтыкал его под себя со всех сторон. Если Лоренс читал комикс и книга случайно падала на пол, он просил Дейла поднять ее. Если же тот не соглашался, книга оставалась валяться на полу до самого утра.

В течение нескольких лет Дейл неустанно пытался урезонить брата.

– Вот, смотри, дурачок, – авторитетно говорил он, – здесь же ничего нет. Одна только пыль.

– Там может быть дыра, – прошептал однажды Лоренс.

– Какая дыра?

– Обыкновенная, похожая на туннель. И в ней что-то сидит и собирается меня сцапать.

Голос брата звучал едва слышно.

Дейл рассмеялся:

– Ты, заячья душа, сам подумай, наша спальня на втором этаже. Какой же туннель может быть на втором этаже? К тому же здесь крепкий деревянный пол. Вот, смотри.

В доказательство своих слов Дейл, наклонившись, постучал костяшками пальцев по доскам.

Лоренс в страхе зажмурил глаза, словно был уверен, что сейчас высунется рука и схватит Дейла за запястье.

В конце концов Дейлу надоело уговаривать брата и объяснять, что на втором этаже ничего страшного нет. Сам он был в этом абсолютно уверен и считал, что самое опасное место в доме – подвал, а особенно бункер для угля, куда зимой ему каждый вечер приходилось спускаться с ведерком. Но ни Лоренсу, ни кому-либо еще Дейл ни за что бы не признался в своей трусости. Кстати, лето Дейл любил еще и потому, что ему не нужно было таскаться в подвал за углем. Лоренсу же приходилось трястись от страха весь год.

Первый воскресный вечер летних каникул подходил к концу, и Лоренс, как обычно, попросил брата подняться с ним в спальню и включить свет. Дейл со вздохом закрыл книжку про Тарзана, которую перед тем читал, и направился к лестнице.

Ничье лицо не скалилось в темноте. Никто не выпрыгнул из-под кровати и не выскочил из шкафа, когда Дейл открыл дверцу, чтобы повесить рубашку брата. Лоренс уже натягивал на себя пижаму, и Дейл почувствовал, что тоже не прочь нырнуть в постель, хотя еще не было и девяти. Решив, что сможет еще немного почитать в постели, он переоделся, забросил грязное белье в корзину, поудобнее устроился в кровати и углубился в чтение о приключениях Тарзана в затерянном городе Опар.

За дверью послышались шаги, и на пороге комнаты возникла фигура отца. Он не снял очков, и темная оправа делала его лицо более старым и строгим, чем обычно.

– Привет, папа, – пропищал Лоренс.

Он уже успел подоткнуть со всех сторон одеяло и убедиться в том, что ни один уголок не свисает вниз, а значит, тому, кто таится под кроватью, ухватиться будет не за что.

– Привет, тигрята. Рановато вы что-то сегодня угомонились, да?

– Хотел еще немного почитать, – сказал Дейл и неожиданно понял, что произошла какая-то неприятность: не в привычках отца подниматься к ним в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи, а сегодня к тому же выражение его лица было странно мрачным и напряженным. – Пап, что-то случилось?

Отец сделал несколько шагов, снял очки, будто только что вспомнив о них, и присел на кровать Лоренса.

– Вы слышали телефонный звонок?

– Угу, – кивнул Дейл.

– Слышали, – подтвердил Лоренс.

– Это звонила миссис Грумбахер... – Отец замолчал, нервно поигрывая дужками очков, потом наконец сложил их и сунул в карман. – Она сказала, что сегодня в Оук-Хилле встретила мисс Дженсен и...

– Мисс Дженсен? – переспросил Лоренс. – Ты имеешь в виду маму Джима Харлена? – Лоренс никак не мог понять, почему у мамы Джима другая фамилия и почему ее называют «мисс», хотя у нее есть сын.

– Помолчи, – велел брату Дейл.

– Да, маму Джима. – Отец погладил младшего сына по спрятанной под одеялом ноге. – И она сказала миссис Грумбахер, что с Джимом произошел несчастный случай.

Дейл почувствовал, как екнуло и провалилось куда-то сердце. Днем, когда ребята собрались было сыграть в бейсбол, а Майк куда-то запропастился, они с Кевином отправились

к Джиму, чтобы позвать его в команду, но дом Харлена стоял темный и пустой. Мальчики решили, что приятель отправился проводить родственников или еще что-нибудь в этом роде.

– Несчастный случай? – переспросил Дейл, и его неожиданно охватило страшное ощущение, что Харлен мертв. – Он умер?

Отец удивленно моргнул:

– Мертв? Нет, малыш, что ты. Джим жив. Но он сильно расшибся. И сейчас лежит без сознания в больнице в Оук-Хилле. По крайней мере, так было, когда миссис Грумбахер разговаривала с его мамой.

– А что с ним случилось?

Дейл слышал, как сухо и безжизненно звучит его голос.

Отец задумчиво потер щеки.

– Еще не совсем понятно. Похоже, он хотел забраться на стену школы и...

– Старой школы? – выдохнул Лоренс.

– Да, он лез по стене и сорвался. Его нашла сегодня утром миссис Мун. Он вышла, чтобы поискать газеты и банки в мусорном контейнере, который стоит там возле стены, ну и... Джим упал в него то ли накануне вечером, то ли рано утром... в общем, парень был без сознания.

Дейл облизнул пересохшие губы:

– Он сильно расшибся?

Отец ответил не сразу, будто размышляя, что сказать. Потом погладил обоих сыновей по ногам.

– Мисс Дженсен сказала миссис Грумбахер, что Джим скоро поправится. Но пока он без сознания: травма слишком серьезная и у него сотрясение мозга...

– А что такое сотрясение мозга? – подал голос Лоренс, с широко раскрытыми глазами слушавший разговор.

– Такое бывает, если сильно ударишься черепушкой, – шепотом объяснил Дейл. – Молчи, не мешай папе рассказывать.

Отец чуть улыбнулся:

– Джим не то чтобы в коме, но в сознание еще не приходил. Доктора говорят, что это обычное явление при травме головы. Кажется, у него еще сломаны ребра и рука в нескольких местах... Миссис Грумбахер не сказала, какая именно. Видимо, при падении он ударился о край контейнера. Если бы внутри не было мусора, ослабившего удар, то... ну...

– Он был бы как котенок Майка, да, пап? – тонким голоском проговорил Лоренс. – Помнишь, который прошлым летом разбился в лепешку на Хард-роуд?

Дейл шлепнул брата по руке и, прежде чем отец успел сделать ему замечание, спросил:

– Папа, а мы съездим проводить его в больницу?

Отец снова вынул очки из кармана.

– Разумеется. Почему бы нет? Только, конечно, через несколько дней. Джиму сначала нужно прийти в сознание, а когда доктора убедятся, что он в порядке, обязательно навестим его. А если изменений к лучшему не будет, его переведут в больницу в Пеорию... – Он встал и напоследок еще раз погладил тщательно укрытые одеялом ноги Лоренса. – Мы непременно проведем Джима на этой неделе, как только доктора разрешат. Ребята, вы не читайте долго, хорошо?

Отец направился к двери.

– Папа? – окликнул его младший из сыновей. – А как получилось, что мама Джима не знала, что он ушел ночью из дома? Почему никто не искал его до самого утра?

На лице отца ясно отразился обуревавший его гнев, вызванный отнюдь не вопросом Лоренса.

– Не знаю, малыш. Наверное, мама Джима думала, что он спит дома. А может быть, Джим вышел рано утром и отправился к школе.

– Только не это, – уверенно заявил Дейл. – Харлен спит дольше всех ребят, которых я знаю. Могу поспорить, все произошло вечером.

Дейлу вспомнилось, как во время бесплатного сеанса в парке, в то время как Род Тейлор сражался с морлоками, вдруг засверкали в темноте молнии и на землю посыпались первые капли дождя, заставившие зрителей поспрятаться в машины или под деревья. Вторую картину из-за дождя вообще не удалось посмотреть. Они с Лоренсом возвращались домой вместе с одной из сестер Майка и ее тупым ухажером.

«И с чего это Харлену приспичило лезть на стену Старой школы?» – недоуменно подумал Дейл.

– Папа, ты, случайно, не знаешь, в каком месте Джим забирался наверх? – спросил он. – В какой части здания?

Отец озадаченно нахмурился:

– Ну, поскольку он упал в контейнер, что стоит возле автостоянки, то я полагаю, что все произошло недалеко от угла с этой стороны здания. Кажется, в прошлом году там был ваш класс, не так ли?

– Ага-а, – протянул Дейл.

Он мысленно представил маршрут, по которому лез Джим: водосточная труба, затем, наверное, каменный выступ на углу и, конечно, карниз под окном класса.

«Ну и ну! Прямо сказать, путь не из легких. – Дейл не мог прийти в себя от удивления. – Какого черта Харлен вообще туда полез?»

Отец словно прочел мысли сына:

– Мальчики, вы не знаете, зачем Джиму понадобилось забраться в свой старый класс?

Лоренс молча покачал головой и покрепче прижал к себе медвежонка Тедди – так он называл старую плюшевую панду, свою самую любимую игрушку.

– Понятия не имею, – вслед за братом покачал головой Дейл. – Ума не приложу, что это вдруг пришло ему в голову.

– Ну что ж, – сказал отец. – Завтра вечером я уезжаю, и во вторник меня здесь не будет. Но я обязательно позвоню – узнать, как вы тут без меня и как обстоят дела у вашего приятеля. А когда вернусь, мы проведем Джима, если захотите. Наверное, ближе к концу недели.

Оба мальчика согласно закивали.

После ухода отца Дейл вновь открыл книгу и попытался читать, но приключения Тарзана в затерянном городе перестали казаться интересными. Он встал, чтобы выключить свет, и увидел протянутую из-под одеяла руку Лоренса – это было единственное, на что тот отваживался, рискуя быть схваченным таинственным существом, прятавшимся в темноте под кроватью. Лоренс часто просил брата поддержать его за руку – так ему было спокойнее засыпать, – но обычно Дейл не соглашался. Однако сегодня вечером он охотно сжал маленькую ладонь.

Занавески на обоих окнах были раздвинуты, и на противомоскитных сетках причудливо плясали тени деревьев. Где-то стрекотали сверчки. Ветерок негромко шумел в кронах деревьев. Лежа в постели, Дейл не мог видеть здание Старой центральной, но бледный голубоватый свет единственного фонаря у ее северного входа был виден ему отлично.

Дейл закрыл глаза, но, как только начал проваливаться в сон, перед его мысленным взором возникла жуткая картина: Джим лежит без сознания в мусорном контейнере, на куче всякой гадости, а Ван Сайк, Рун и все остальные столпились рядом в темноте, уставившись паучьими глазами на распростертое тело мальчика и злобно скаля крысиные зубы.

Дейл вздрогнул. Сон как рукой сняло. Лоренс тихонько сопел и похрапывал, по-прежнему крепко прижимая к себе плюшевого панду. Тонкая струйка слюны стекала из уголка рта прямо на подушку.

Дейл лежал тихо-тихо, едва дыша и не отпуская руки младшего брата.

Глава 9

В понедельник утром Дуэйн Макбрайд проснулся незадолго до рассвета с мыслью, что ему следует быстренько покончить с неотложными домашними делами и пулей мчаться к шоссе, чтобы не опоздать на школьный автобус. Но уже в следующую долю секунды он вспомнил, что сегодня хоть и понедельник, но первый понедельник летних каникул и что в Старую центральную ему вообще никогда больше ездить не придется. У Дуэйна словно тяжесть упала с плеч, и он, весело насвистывая, отправился наверх.

На столе белела записка от Стрика: он договорился встретиться в парке с несколькими старыми друзьями и позавтракать там в кафе, но постарается вернуться домой до вечера.

Дуэйн принялся за привычные утренние хлопоты. Поиск яиц в курятнике напомнил ему о тех временах, когда он был совсем маленьким и больше всего на свете боялся грозных кур. Воспоминания тем не менее были приятными, поскольку воскресили образ матери, хотя в памяти о ней мало что осталось, кроме передника в горошек и ласкового голоса.

После завтрака, состоявшего из пары яиц, пяти ломтиков бекона, тоста, жаркого и шоколадного пончика, Дуэйн уже был готов выйти из дому – в чистке нуждался насос на дальнем пастбище, да и шкив не мешало бы заменить на новый, – но его остановил телефонный звонок. Звонил Дейл Стюарт. Дуэйн молча выслушал новость о Джиме Харлене. Секунду помедлив в ожидании ответа и не услышав его, Дейл сообщил, что Майк О’Рурк предлагает всем встретиться у него в курятнике в десять утра.

– А почему бы не в моем курятнике? – невозмутимо поинтересовался Дуэйн.

– Потому, что в твоём курятнике полно кур, и еще потому, что до твоего дома нам придется добираться на велосипедах.

– А у меня вообще нет велосипеда, – заметил Дуэйн. – И мне придется тащиться в такую даль пешком. Может, лучше соберемся в нашем тайнике в старой штольне?

– В пещере? – переспросил Дейл.

В голосе приятеля слышалось сомнение. Откровенно говоря, Дуэйну и самому не хотелось возвращаться к штольне.

– Ладно, – сказал он. – В десять я буду.

Повесив трубку, Дуэйн посидел немного в кухне, думая о том, что придется отложить все намеченные на утро дела, а после обеда покрутиться в удвоенном темпе, но в конце концов пожал плечами, отыскал в шкафу конфету, чтобы подкрепиться перед дорогой, и вышел во двор. Витт бросился ему навстречу, изо всех сил виляя хвостом, и в этот раз Дуэйн решил взять собаку с собой. Небо было затянуто облаками, а значит, была надежда, что день будет не очень жарким и прогулка пошла бы только на пользу старой собаке.

Дуэйн вернулся в дом, набил карманы собачьими галетами, взял еще одну конфету для себя – надо было подумать и о ланче, – и парочка отправилась в путь. Дуэйн шагал по обыкновению неторопливо, вразвалку, а рядом семенил прихрамывающий от артрита Виттгенштейн, осторожно, как это делают все четвероногие, переставляя лапы по горячему гравию и близко-руко щурясь в попытках разглядеть то, что он чуял, но не видел. Любому, кто смотрел на них со стороны, сходство хозяина и собаки сразу же бросалось в глаза.

Подножие холма пряталось в тени, и можно было чуть-чуть отдохнуть от жары, но к тому времени, когда они дошли до бара «Под черным деревом», фланелевая в клетку рубашка Дуэйна насквозь промокла от пота. Возле бара стояли несколько машин, но машины отца Дуэйн среди них не заметил. Значит, «завтрак» получил продолжение в городе, в пивной «У Карла», решил он.

Путешественники повернули на запад по Джубили-Колледж-роуд. Облака начали рассеиваться, и возвышавшаяся вдалеке водонапорная башня тускло сияла в мареве зноя. Дуэйн

внимательно оглядел поля, расстилавшиеся с одной стороны дороги, мысленно сравнивая их с полями на своей ферме – на этих колосьях были чуточку повыше, – и остановился у желтой таблички, установленной у обочины, чтобы узнать, какие сорта и гибриды здесь посеяны. Солнце палило не на шутку, обжигая лицо и плечи, и Дуэйн мысленно выругал себя за то, что забыл дома кепку. Витт лениво трусил рядом. Если его вдруг привлекал какой-нибудь интересный запах, пес устремлялся по следу, почти уткнувшись носом в землю и подслеповато всматриваясь в покрытую пылью траву в придорожной канаве. Его исследования неизменно прекращались возле ограды поля, и колли медленно, прихрамывая, возвращался к терпеливо поджидавшему его Дуэйну.

До водонапорной башни и поворота с дороги оставалось примерно четверть мили, когда появился грузовик. Услышав скрип колес по гравию и почти одновременно почувствовав отвратительный запах, Дуэйн догадался, что это за машина. Витт поднял голову, пытаясь отыскать причину запаха и шума, и мальчик, ухватив за ошейник, подтолкнул колли к обочине. Ох уж эти грузовики! Стоит хоть одному из них проехать мимо – даже глаза забиваются пылью, и потом приходится подолгу отплевываться и вытряхивать из волос мельчайшие кусочки гравия, а бывает даже, что и принимать внеочередную ванну.

Дуэйн остановился на траве у обочины и удивленно отметил про себя, что машина мчится слишком быстро. Конечно, это труповоз: не так уж много на здешних дорогах грузовиков с ободранной красной краской на кабине и высокими бортами кузова. В ветровом стекле отражалось слепящее сияние неба. Машина не только делала по меньшей мере пятьдесят – шестьдесят миль в час, но вообще мчалась по правой стороне, не думая смещаться, как полагается, к центру или влево. Дуэйн раздраженно подумал о летящем гравии и отошел, подтянув Витта за собой, к самому краю канавы.

Грузовик мчался по правой стороне, не сбавляя скорости, подминая низким бампером траву... Огромная машина летела со скоростью пятьдесят миль прямо на мальчика с собакой.

Раздумывать было некогда. Дуэйн наклонился, рывком подхватил Витта за ошейник и отскочил за узкую канаву, вцепившись спиной в ограду из колючей проволоки. Он едва сумел удержать испуганного, вырывающегося пса, когда машина промчалась мимо них не больше чем в трех дюймах, подняв с дороги тучу мелких камней, пыли и мусора.

Перед глазами Дуэйна мелькнули лежавшие в кузове туши нескольких коров, лошади, двух свиней и того, что походило на собаку светлой масти. Жуткая громадина вильнула, выскочила обратно на полотно дороги и в облаке пыли помчалась дальше.

– Сукин ты сын! – крикнул Дуэйн, с трудом удерживая собаку.

Поскольку руки были заняты, он не мог погрозить кулаком и ограничился тем, что плюнул вслед удалявшемуся грузовику. Плевок был совершенно серым от набившейся в рот пыли.

Труповоз поравнялся с башней и свернул влево, взвизгнув на повороте шинами.

– Безмозглый выродок, – пробормотал Дуэйн. Он почти никогда не ругался, но сейчас требовалось облегчить душу. – Кретин несчастный!

Витт скулил и пытался высвободиться, и Дуэйн только сейчас почувствовал, как тяжела старая собака и как толчками отдается в предплечьях ее учащенное сердцебиение. Он ступил на укатанную колею дороги, поставил рядом Витта и постарался успокоить его, ласково глядя по спине.

– Все нормально, дружище. Все хорошо, – негромко говорил он. – Этот старый полоумный засранец не хотел нас обидеть, правда?

Спокойный голос уменьшил страх собаки, но ее ребра все еще ходили ходуном.

На самом деле Дуэйн не видел, сидел ли за рулем именно Ван Сайк: он был слишком занят Виттом и собственным спасением, чтобы разглядывать водителя. И все же у него не было никаких сомнений, что грузовиком управлял не кто иной, как этот сумасшедший кладбищенский сторож и по совместительству собиратель падали. Ну что ж, надо будет позаботиться,

чтобы об этом происшествии как можно скорее узнали все. Одно дело – пугать детей, бросая в воду дохлых обезьян, и совсем другое – пытаться убить одного из этих самых детей.

И тут до Дуэйна дошло, что Ван Сайк – или кто там на самом деле был за рулем – действительно пытался убить его. И это не шутка. И не какая-то угрожающая выходка безумца. Водитель пытался сбить именно их, и только тот факт, что на такой скорости грузовик несомненно перевернулся бы, попади колесо в канаву, помешал ему преодолеть недостающие дюймы и добраться до намеченных жертв.

«А потом какой-нибудь прохожий наткнулся бы на наши с Виттом тела, – с ужасом думал Дуэйн. – И никто бы не узнал, как все случилось. Эка невидаль! Неосторожный ребенок и сбежавший с места происшествия водитель...»

Дуэйн вспомнил об ограде из колючей проволоки и провел рукой по спине. Ладонь стала красной от крови. И что еще хуже, на рубашке появились две большие прорехи, которые теперь ему придется зашивать.

Мальчик продолжал машинально гладить Витта, но сам при этом дрожал сильнее собаки. Свободной рукой он выудил из кармана галету для Витта, а потом и конфету для себя.

Из-за угла водонапорной башни с ревом вынырнул грузовик.

Дуэйн машинально поднялся на ноги и уставился на него. Неразжеванная конфета выпала изо рта. Это был точно труповоз: теперь мальчик ясно видел красную кабину и массивный бампер, перед которым катилось облачко пыли. На этот раз скорость машины была меньше, но все же превышала миль тридцать в час. Вполне достаточно, чтобы эти три тонны на колесах раздавили его и Витта в лепешку и размазали по дороге.

– О черт! – невольно вскрикнул Дуэйн.

Витт взвыл и резко рванулся в сторону.

Дуэйн потянул собаку на левую сторону дорожного полотна, словно направляясь к полям с южной стороны. В этом месте канава, хоть и заросшая травой, была очень мелкой – ее, можно сказать, не было вообще. Разве это препятствие такому громиле?

Труповоз уже успел преодолеть половину расстояния от башни до того места, где стояли Дуэйн и Витт, и теперь вильнул вправо, в их сторону. Силуэт человека в кабине вырисовывался вполне отчетливо: высокий мужчина наклонился вперед, почти к самому рулю, и сосредоточенно смотрел на дорогу – или на тех, кого намеревался сбить.

Дуэйн схватил собаку за ошейник и потянул на другую сторону – колли сопротивлялся, упираясь судорожно вытянутыми передними лапами и царапая когтями по гравию. Наконец мальчику все же удалось дотащить его до противоположной обочины и толкнуть в канаву.

Грузовик срезал влево, съехал с полотна и на полной скорости перелетел через канаву – теперь его левые колеса почти касались забора, передний бампер мял траву. В воздухе повисло облако пыли.

Дуэйн оглянулся через плечо, тщетно надеясь, что появится какая-нибудь машина, что вмешается кто-нибудь взрослый... или что сам он вот-вот проснется.

Труповоз был менее чем в сотне футов и, казалось, опять начал набирать скорость.

Дуэйн понял, что он не успеет еще раз перебежать дорогу вместе с Виттом, а если и успеет, то грузовик настигнет их прежде, чем они сумеют перелезть через ограду.

Витт залился отчаянным лаем и, не помня себя от страха, даже попытался укусить Дуэйна за руку. Мальчик уже хотел было разжать пальцы и предоставить собаке свободу и возможность спастись самостоятельно, но тут же понял, что у старого колли нет ни единого шанса. Даже в паническом возбуждении пес не сумеет убежать: слишком неповоротливы суставы, слишком плохи глаза.

Грузовик был уже в двадцати ярдах и упорно мчался вперед. Его переднее левое колесо ударило о подгнивший столбик ограды и вырвало его из земли. Металлическая проволока загудела, как потревоженные струны арфы.

Дуэйн наклонился, поднял Витта и одним резким движением перебросил его через ограду. Взлетев высоко над проволокой, колли упал в третью или четвертую от края борозду между рядами колосьев, перевернулся на бок и принялся лихорадочно перебирать лапами, пытаясь подняться.

Времени не оставалось. Дуэйн ухватился за деревянный столб и подпрыгнул. Ограда закачалась и завибрировала. Острые концы проволоки впились мальчику в левую ладонь. Самое ужасное, что ячейки сетки оказались слишком мелкими и один из кедов прочно застрял.

Надвигающаяся стена из красного металла наполнила мир грохотом и пылью. В глаза ударил слепящий блеск ветрового стекла, и водителя теперь вообще не было видно. Между Дуэйном и грузовиком, сметавшим на своем пути столбики ограды, оставалось меньше тридцати футов.

Оставив кед в ячейке, Дуэйн перевалился через проволоку, чувствуя, как ее острые концы царапают живот, рухнул на мягкую землю на краю поля и покатился по стеблям, хватая ртом воздух.

Труповоз промчался мимо, вырвав с корнем столб, за который держался мальчик, и взметнув в воздух над ним обрывки проволоки, клочья травы и гравий.

Оглушенный, дрожащий от ужаса Дуэйн поднялся на колени. Фланелевая рубашка превратилась в лохмотья, из разодранной кожи на животе сочилась кровь, тонкими струйками стекая на брюки. Ладони были сплошь расцарапаны.

Грузовик выпрыгнул обратно на дорогу. Задние фары сверкнули, как красные глаза среди тучи пыли.

Дуэйн огляделся, отыскивая взглядом Витта – тот, все еще не оправившийся от падения, лежал через два ряда от него, – и снова перевел взгляд на дорогу. Красная громадина медленно разворачивалась. Грузовик зарылся носом в канаву на противоположной стороне дороги, задние колеса неистово крутились, словно мелкой дробью, стреляя во все стороны гравием, потом развернулся, на этот раз съехав задом в ту же канаву, нацелил бампер в сторону Дуэйна и ринулся вперед.

Спотыкаясь, виляя из стороны в сторону, Дуэйн бросился к Витту, подхватил его на руки и понесся по полю. Хвост колли волочился по невысоким колосьям.

Поле протянулось на целую милю к северу, в конце его виднелась еще одна ограда, возле которой росли несколько деревьев.

Дуэйн летел вперед без оглядки. Судя по раздававшимся за его спиной звукам, труповоз перескочил через канаву, прорвал сетку ограды и помчался по полю, подминая стебли и колесами перемешивая их с землей.

«Кажется, пару дней назад шел дождь...» – на бегу думал Дуэйн.

Витт безвольно висел на его руках, и только судорожное подрагивание тела и едва уловимое движение ребер при дыхании свидетельствовали о том, что собака еще жива.

«Да, кажется, дождь шел два дня назад... – лихорадочно размышлял Дуэйн. – Верхние дюйм или два почвы, конечно, просохли и превратились в пыль, под ней... под ней должна быть жидкая грязь. Господи, пожалуйста, сделай так, чтоб там была грязь!»

А грузовик тем временем несся по полю, словно огромный разъяренный зверь, преследующий свою жертву. Дуэйн слышал скрежет дифференциала и скрип шестеренок, отчетливо ощущал запах мертвой плоти.

Дуэйн все бежал и бежал по полю.

«Может, стоит остановиться, повернуться лицом к этой чертовой машине и в последний момент нырнуть в сторону, как ловкий матадор, а потом попытаться обежать грузовик сзади, подобрать с земли какой-нибудь камень и швырнуть в ветровое стекло?» – промелькнуло в голове.

Но Дуэйн тут же отказался от этой затеи: не такой уж он проворный, и вдобавок Витт очень тяжелый. Нет, ничего не выйдет...

Он продолжал бежать.

Грузовик ревел футах в сорока позади него... Затем в двадцати... В пятнадцати...

Силы мальчика были на исходе. Бежать он уже не мог и просто пошел, стараясь шагать как можно шире. Стебли хлестали его по лодыжкам и коленям, шерсть колли покрылась пыльной цветущих колосьев. Преодолевая очередную борозду, Дуэйн почувствовал под ногами сырость и вязкую грязь и догадался, что это одна из ирригационных канав. Он упорно шел вперед.

Рев двигателя за спиной сменился воем, а потом превратился в отвратительный визг.

Мальчик обернулся. Грузовик стоял, накренившись под каким-то странным углом. Задние левые колеса прокручивались вхолостую. Комья земли и обрывки стеблей дугой разлетались в разные стороны.

Дуэйн вновь поплелся вперед, раздвигая те стебли, которые могли попасть собаке в глаза. Когда он снова оглянулся, расстояние между ним и машиной было уже футов сто. Безнадёжно застрявший в грязи труповоз по-прежнему стоял накренившись. Колеса буксовали, мотор натужно ревел, корпус машины трясся, дергался туда-сюда, но не двигался с места.

Дуэйн сосредоточил взгляд на видневшейся впереди ограде. За ней простиралось пастбище Джонсона, а еще дальше к северу и востоку темнел лесной массив, тянувшийся до того места, где стоял бар «Под черным деревом». Там холмы. И глубокий овраг вдоль ручья.

«Еще десять рядов – и я оглянусь».

Пот ручьями стекал по спине, смешивался с пылью и кровью, образуя между лопатками противную корку. Кожа зудела. Витт вздрогнул и дернул лапами, как, бывало, со щенячьего возраста делал во сне, грезя об охоте на кроликов или кого-то еще, а потом снова расслабился, словно отдаваясь на милость хозяина и предоставляя тому полную свободу действий.

Восемь рядов... Девять... Дуэйн отвел в сторону колосья и посмотрел назад.

Грузовик вырвался из грязевого плена и вновь двигался по полю... Только теперь в обратном направлении. Подпрыгивая и раскачиваясь, он пятился задним ходом обратно к шоссе. Да, несомненно, машина постепенно удалялась.

Дуэйн не остановился. Прислушиваясь к вою мотора и скрежету дифференциала, он ковылял к северной ограде, до которой оставалось меньше сотни ярдов, и не рискнул передохнуть, даже когда под колесами набиравшего скорость грузовика зашуршал на шоссе гравий.

«Сюда ему не проехать, – успокаивал себя мальчик. – Ему не достать меня здесь. Если я пойду лесом, подальше от дорог и тропинок, то смогу добраться до дальнего края нашего пастбища».

А вот наконец и ограда. Дуэйн осторожно перекинул через нее Витта, потом перелез сам, оставив на остриях колючей проволоки еще несколько лоскутков кожи, и только тогда позволил себе небольшой отдых.

Опираясь руками о колени, тяжело дыша и слыша оглушительный гул в ушах, мальчик присел рядом с собакой. Затем поднял голову и посмотрел назад.

Водонапорная башня была теперь совсем близко. В четверти мили к югу виднелась густая масса деревьев Элм-Хейвена. Дорога была пуста. Вокруг стояла звенящая тишина. И только медленно оседавшее облако пыли и искореженная сетка ограды на противоположном краю поля доказывали Дуэйну, что все это ему не приснилось.

Он наклонился над собакой и погладил ее по боку. Витт не шелохнулся. Глаза пса были совершенно стеклянными. Дуэйн прижался щекой к его ребрам и задержал дыхание.

Сердце Витта не билось. Возможно, оно было готово остановиться еще тогда, когда они перебирались через первую ограду, и только преданность хозяину и желание оставаться рядом с ним заставили старого колли так долго бороться за жизнь.

Дуэйн коснулся пальцами узкой морды колли, погладил ее и попытался закрыть собаке глаза. Веки не опускались.

Дуэйн встал на колени. Неожиданно возникшая где-то глубоко внутри нестерпимая боль постепенно разливалась по всему телу. Но эта боль была вызвана отнюдь не ссадинами, царапинами или ушибами. Горло перехватило, а боль вдруг превратилась в ужасную опухоль, в тяжелый камень, который нельзя было ни проглотить, ни выплакать вместе со слезами и который угрожал задушить Дуэйна, когда тот, подняв лицо к безоблачному небу, попытался вдохнуть.

Стоя на коленях, Дуэйн в отчаянии колотил кровотокащими ладонями по земле. В эти ужасные минуты он пообещал Витту и Богу, в которого не умел верить, что отомстит, что кто-то обязательно заплатит за содеянное.

На собрание Велосипедного патруля, назначенное Майком, пришли только Майк О'Рурк и Кевин Грумбахер. Кевин нервничал, нетерпеливо мерил шагами курятник и вертел в пальцах резиновую ленту, в то время как Майк сохранял спокойствие, понимая, что и Дейл, и остальные ребята нашли занятия поинтереснее, чем бежать летним утром на какие-то глупые собрания.

– Не бери в голову, Кев, – проговорил он с продавленного дивана, на котором лежал. – Я поговорю с ребятами в другой раз, когда мы будем вместе.

Кевин остановился, открыл было рот, чтобы что-то сказать, да так и замер при виде неожиданно появившихся на пороге Дейла и Лоренса.

Было очевидно, что Дейл необычайно взволнован: его глаза возбужденно горели, волосы были в беспорядке. Лоренс тоже выглядел очень взволнованным.

– Что случилось? – спросил Майк.

Дейл схватился за косяк двери и, задышав, с трудом выговорил:

– Только что звонил Дуэйн... Ван Сайк пытался убить его.

Майк и Кевин изумленно переглянулись.

– Это правда, – выдохнул Дейл. – Он позвонил мне перед самым приходом полиции. Ему пришлось позвонить в пивную «У Карла» и попросить передать отцу, что тому лучше вернуться домой. Потом он позвонил Барни. А еще он боялся, что Ван Сайк придет, когда он будет ждать дома, но Ван Сайк не появился... А отец, когда приехал, ему не поверил... А его собака погибла... Не то чтобы Ван Сайк ее убил, но виноват все равно он, потому что...

– Да подожди ты, успокойся, – перебил его Майк.

Дейл замолчал.

Майк встал:

– А теперь давай все сначала и по порядку. Так, как ты рассказываешь истории, когда мы собираемся вместе. Сначала скажи главное: жив ли Дуэйн и что с ним? А потом объясни толком, как Ван Сайк пытался убить его.

Дейл бросился на диван, который только что освободил Майк. Лоренс пристроился на подушке, валявшейся на полу. Кевин замер там, где его застало появление мальчиков, и стоял совершенно неподвижно. Только пальцы безостановочно сплетали и расплетали сложные узоры из резиновой ленты.

– Ладно, – кивнул Дейл и, еще немного помолчав, начал: – Мне только что звонил Дуэйн. Примерно полчаса назад... Ван Сайк... вернее, он думает, что это был Ван Сайк, но точно не видел... В общем, кто-то, сидевший в грузовике Ван Сайка, пытался задавить Дуэйна на Джубили-Колледж-роуд. Недалеко от водонапорной башни.

– Господи Иисусе! – изумленно выдохнул Кевин и тут же осекся под строгим взглядом Майка.

Дейл кивнул и растерянно посмотрел на друзей, словно до него самого только что дошел истинный смысл случившегося.

– Дуэйн сказал, – после паузы снова заговорил он, – что грузовик сначала пытался сбить его на дороге, а потом снес ограду и погнался за ним по полю. А колли его умер... вроде как от страха.

– Витт? – переспросил Лоренс.

В голосе восьмилетнего мальчишки прозвучала искренняя боль. Когда они с братом приходили в гости к Дуэйну, Лоренс часами играл со старым псом.

Дейл снова кивнул.

– Чтобы попасть домой, Дуэйну пришлось пешком пройти через пастбище и поля Джонсона, Дохлый ручей и весь лес. И что самое удивительное...

– Что? – тихо переспросил Майк.

– Дуэйн сказал, что он всю дорогу нес Витта на руках. А ведь мог бы оставить пса там, где он умер, и вернуться за ним позже.

Лоренс молча обвел взглядом ребят, всем своим видом показывая, что поступок Дуэйна ему вполне понятен.

– Это все? – уточнил Майк. – А Дуэйн не объяснил, почему Ван Сайк пытался убить его?

Дейл покачал головой:

– Он только сказал, что ничего такого не делал – просто шел по дороге сюда. Я сам позвонил ему утром и сообщил про собрание. И еще. Он уверен, что это не было шуткой... Совсем не похоже, будто бы Джей-Пи Конгден или еще кто из этих старых перду... – Тут Дейл остановился и глянул на младшего брата. – Кто-нибудь из этих старых ослов просто хотел поугубить его. Дуэйн говорит, что, кто бы ни сидел в кабине труповоза, он в самом деле хотел убить его и Витта.

Майк кивнул, явно пребывая в полном недоумении.

Дейл пригладил вихры.

– Ему пришлось повесить трубку, потому что как раз явился Барни.

Кевин смял в комок и бросил на пол резиновую ленту.

– Он звонил тебе из дома?

– Угу.

Кевин глянул на Майка:

– Это как-нибудь связано с тем, о чем ты хотел поговорить с нами?

Тот чуть задержался с ответом.

– Может быть. – Он выглянул во двор, где валялись брошенные ими велосипеды. – Ладно, поехали.

– Куда? – вытаращился на него Лоренс, все это время сосредоточенно жевавший козырек своей бейсболки, – верный признак сильного душевного волнения.

Майк чуть улыбнулся:

– Как ты думаешь, куда Дуэйн повел Барни и своего отца? Если грузовик гонялся за ним по полю, то там должна была остаться уйма следов от колес и много чего еще.

Все четверо бросились к велосипедам.

Барни действительно уже был там. Его зеленый «понтиак» с потускневшими золотыми буквами «КОНСТЕБЛЬ» по борту был припаркован на обочине, рядом с пикапом отца Дуэйна и черным «шевроле» Джей-Пи Конгдена. Дуэйн с отцом стояли у огромной бреши в проволоочном заборе, мальчик что-то тихо говорил, временами указывая на глубокие рытвины в земле. Барни кивал и время от времени что-то заносил в свой блокнот. Джей-Пи молча пыхтел сигарой и хмурился с таким видом, будто подозревал, что во всем происшедшем виноват Дуэйн.

Ребята затормозили футах в тридцати от собравшихся.

Конгден отвернулся от Дуэйна, сплюнул в траву и крикнул мальчишкам, чтобы те убирались.

Они кивнули и остались там, где были.

Теперь говорил отец Дуэйна:

– ...И я хочу, чтобы вы, Говард, разыскали и арестовали его. – Настоящее имя Барни было Говард Силлз. – Проклятый идиот пытался убить моего сына.

Барни кивнул и черкнул что-то в своей книжке:

– Но, Даррен, на самом деле у нас нет никаких доказательств, что это был именно Карл Ван Сайк...

Майк со значением взглянул на Дейла, Кевина и Лоренса, и они ответили ему таким же взглядом: никто из них прежде не знал, как зовут Ван Сайка.

– Ваш сын не разглядел, кто именно сидел за рулем, – быстро договорил Барни, торопясь закончить, пока Макбрайд опять не взорвался.

Лицо отца Дуэйна побагровело, и он готов был вновь разразиться гневной тирадой, но в этот момент Джей-Пи Конгден, передвинув сигару из одного угла рта в другой, неожиданно заявил:

– Это был не Карл.

Барни поправил свою кепку и вопросительно поднял бровь, искоса глянув в сторону мирового судьи.

«Наш Барни, вообще-то, совсем не похож на Барни из шоу», – думал Дейл, по-прежнему стоя в тридцати футах от споривших и наблюдая за происходящим.

Шериф Говард Силлз был коротеньким лысым человечком и действительно в чем-то напоминал Дона Ноттса – возможно, невзрачной внешностью и широко открытыми глазами, – но на самом деле был ничуть не похож на помощника шерифа из «Шоу Энди Гриффита»⁵². Тем не менее все называли его Барни.

Барни повернулся к толстяку:

– Откуда вы знаете, что за рулем сидел не Карл?

Конгден снова передвинул сигару и прищурился, глядя на отца и сына Макбрайдов с таким видом, будто видел перед собой жалкое отребье, которое только зря отнимает драгоценное время мирового судьи.

– Знаю, потому что я сам был с ним все это утро.

Джей-Пи еще раз сплюнул и ухмыльнулся. Его зубы были почти такого же цвета, что и дешевенькая сигара.

– Мы с Карлом рыбачили сегодня на Спуне, неподалеку от моста у главной магистрали, – небрежным тоном пояснил он.

– Но труповоз обычно водит Ван Сайк, – ровным голосом заметил Барни. – Я связался с Билли Дейзингером, и тот сказал, что не садился за руль с прошлого года.

Конгден пожал плечами и снова сплюнул:

– Карл сказал мне, что кто-то украл его грузовик прошлой ночью. Машина была припаркована у масложирового завода.

Мальчики опять переглянулись. Старое, полуразрушенное здание масложирового завода стояло к северу от заброшенного элеватора, если идти в сторону свалки. Когда-то сюда свозили дохлых животных со всей округи, в том числе и тех, что погибали под колесами машин на шоссе. Несмотря на то что заводик давно прекратил работать, в воздухе по-прежнему висела отвратительная вонь, а иногда ветер доносил ее даже до домика Харленов, стоявшего на северной окраине городка.

Барни почесал свой небольшой скошенный подбородок:

⁵² «Шоу Энди Гриффита» («The Andy Griffith Show») – популярная в 1960-х гг. телевизионная программа, в которой роль Барни Файфа (Barney Fife) – неуклюжего помощника шерифа – долгое время исполнял американский комический актер Дон Ноттс (Don Knotts; 1924–2006).

– Почему вы не заявили об этом, Джей-Пи? Ни вы, ни Карл.

Конгден равнодушно пожал плечами. Расследование ему явно наскучило и не вызывало ничего, кроме раздражения.

«Надо же, да он почти совсем облысел, – глядя на мирового судью, подумал Дейл. – Остался лишь какой-то жиденький венчик волос за ушами, похожий на мокрый мех хорька. И макушка почему-то совсем не загорает – белая, как брюхо сазана».

– Как я уже сказал, мы были заняты, – снова послышался голос мирового судьи. – Кроме того, сдается мне, что все это дело рук вот этих маленьких говнюков. – Он махнул рукой в сторону мальчишек, все еще сидевших на велосипедах. – Откуда мы знаем, что это не их выходки?

Барни невозмутимо посмотрел на ребят.

– И кто сказал, что этот засранец не подстроил все сам? – повысив голос, продолжал Конгден и большим пальцем указал на Дуэйна. – Да они небось сговорились и орудовали здесь все вместе. Нахулиганили, сломали ограду полей Саммерсона, вытоптали посевы, а теперь отнимают наше время, чтобы выкрутиться и избежать наказания.

Отец Дуэйна шагнул вперед, не обращая внимания на кольца проволоочной сетки, цеплявшейся за ноги. Его лицо пошло от гнева пятнами и теперь было скорее малиновым, чем просто красным.

– Черт вас побери, Конгден, вы лживый кусок капиталистического дерьма. Вы отлично знаете моего парня, и вам прекрасно известно, что ни мой парень, ни эти ребята ничего такого не делали. Кто-то пытался убить Дуэйна, пытался задавить его прямо здесь, а вы, как я понимаю, покрываете этого никчемного австралопитека по имени Ван Сайк только потому, что вы с ним на пару украли машину. Да, это воровство, и оно ничем не лучше того, что вы вытворяете с так называемыми лихачами, которых тащите в суд, чтобы заработать себе на пиво, вы, безмозглый...

Барни быстро шагнул между двумя мужчинами и положил ладонь на плечо мистера Макбрайда. Хватка, видимо, была более чем крепкой, потому что Макбрайд побледнел, сразу замолчал и отвернулся.

– А, хрен с ним, – бросил мировой судья и зашагал к своей машине.

– Передайте Карлу, пусть зайдет ко мне, – вслед ему сказал Барни.

Даже не соизволив кивнуть в ответ, Конгден захлопнул за собой дверцу черного «шевроле» и повернул ключ зажигания. Мотор с усиленной мощностью взревел, и машина резко рванула с места. Песок и гравий, облаком вылетевшие из-под колес, приземлились лишь футах в двадцати от того места, где только что стоял автомобиль, а ребятам пришлось поспешно съехать в канаву, чтобы не попасть под него, когда разгневанный мировой судья пулей промчался мимо.

Мистер Макбрайд еще несколько минут что-то возбужденно говорил, временами повышая голос и жестами указывая на поле, но в конце концов успокоился и лишь время от времени тихо бормотал себе под нос. Барни тем временем делал какие-то заметки в своем блокноте. Дуэйн молча стоял в нескольких футах от них, сложив на груди руки, глаза его за толстыми линзами очков смотрели безучастно. Как только мистер Макбрайд и шериф направились обратно к дороге, мальчишки побросали велосипеды на пыльную траву и поспешили к товарищу.

– Как ты, нормально? – спросил Дейл.

Ему хотелось потрепать Дуэйна по плечу, но в их компании было не принято вести себя так по отношению к старшему.

Дуэйн кивнул.

– Он и вправду убил Витта? – В дрожащем голосе Лоренса слышались слезы.

Дуэйн снова кивнул.

– Сердце не выдержало, – пояснил он. – Витт ведь был уже старый.

– Но кто-то правда хотел переехать тебя? – спросил Кевин.

Дуэйн опять утвердительно кивнул и хотел что-то сказать, но в эту минуту отец позвал его. Дуэйн опустил руки и уже на ходу тихо произнес:

– Происходит что-то странное. Я кое-что расскажу вам сегодня вечером, если сумею выбраться.

Он пролез через дыру в ограде и присоединился к отцу.

Барни начал что-то говорить Дуэйну, о чем-то его спрашивать, но ребята сумели расслышать лишь одну фразу:

– Мне тоже жаль твоего пса, парень.

Констебль снова повернулся к отцу Дуэйна и, как показалось ребятам, о чем-то его предупредил, а потом направился к машине и медленно, осторожно, чтобы не обдать пылью оставшихся, тронул «понтиак» с места.

Дуэйн с отцом постояли с минуту, внимательно оглядывая простиравшееся за сломанной оградой поле, после чего сели в пикап, развернулись и направились по Джубили-Колледж-роуд в сторону Шестого окружного шоссе. Дуэйн даже не помахал ребятам на прощание.

Четверо мальчишек смотрели вслед машине, рассеянно поддавая ногами сухие комья земли и перебрасываясь вырванными и успевшими уже завянуть колосьями. Время от времени они настороженно посматривали на ряды колосьев, словно ожидая, что оттуда вот-вот выбежит призрак Витта.

Однако ни один колосок не шелохнулся. Вокруг все будто замерло, и воцарилась тишина. Небо снова заволокло облаками.

– Эй, – бросил наконец Кевин. – А вдруг грузовик сейчас вернется?

Уже через несколько секунд все дружно крутили педали и, низко пригнувшись, мчались по направлению к городу. Дейл поначалу приотстал от друзей, чтобы не отрываться от Лоренса, но семнадцатидюймовый велосипед младшего брата, превратившись в туманное пятно, почти мгновенно вырвался в лидеры, оставив позади и Дейла, и Кевина, и красный драндулет Майка.

Только почувствовав себя в безопасности под сенью вязов и дубов Элм-Хейвена, ребята чуть замедлили ход, перевели дыхание и, расправив плечи, опустили руки, чтобы дать отдых пальцам, всю дорогу мертвой хваткой сжимавшим рули велосипедов. Всклопоченные волосы у всех были мокрыми от пота. Проехав по Депо-стрит мимо дома Дейла и Старой школы, они остановились у поворота к дому Кевина, побросали велосипеды и, все еще задыхаясь после неистовой гонки, буквально рухнули на прохладную траву.

– Эй, а что такое капиталист? – подал голос Лоренс.

Глава 10

Покушение на жизнь Дуэйна Макбрайда обсуждалось до хрипоты в течение примерно получаса, а потом ребята отправились играть в бейсбол. Собрание Велосипедного патруля Майк перенес, решив, что его стоит провести либо после игры, либо после возвращения в город Дуэйна – в зависимости от того, что произойдет раньше.

Городская бейсбольная площадка находилась на пустыре позади домов Кевина и Дейла, и мальчишки, как правило, перелезали через забор Стюартов, на толстом деревянном столбе которого очень к месту имела деревянная перекладина. Это обстоятельство превратило подъездную дорожку и западную часть довольно большого двора Стюартов в оживленную магистраль, по которой то и дело сновали ребята со всех концов города. Дейлу и Лоуренсу чрезвычайно льстило, что их дом в результате превратился в своего рода штаб игроков и болельщиков. Следует особо отметить, что хозяйка дома не имела ничего против таких гостей. Напротив, она с удовольствием потчевала их лимонадом, сэндвичами и другим угощением.

В этот день игра началась вяло – в первый час Кевин и Дейл играли против Лоренса и Майка, но ко времени ленча к ним присоединились Джерри Дейзингер, Боб Маккоун, Донна Лу Перри и Сэнди Виттакер. Сэнди неплохо орудовала битой, но подавала совсем по-девчоночьи. Зато она была подругой Донны Лу, играть с которой в одной команде мечтал каждый. Затем на поле появились ребята из богатых кварталов: Чак Сперлинг, Диггер Тейлор, братья Фусснеры, Билл и Барри, и Том Кастанатти. Крики и суета на поле привлекли других, и уже часам к двум, когда началась третья игра, команды и скамейки запасных были полностью укомплектованы.

Чак Сперлинг, как всегда, захотел быть капитаном. Его отец руководил единственной в Элм-Хейвене командой «малой лиги», так что Чак мог выбирать, то ли ему играть капитаном, то ли питчером, хотя подавал он даже похуже, чем Сэнди Виттакер. Но сегодня за него проголосовало меньшинство, и на четвертую игру капитаном первой команды выбрали Майка, а капитаном второй – Тома Кастанатти, приземистого паренька с очень спокойным характером, хорошего отбивающего, у которого к тому же была лучшая в городе бита из белого ясеня, замечательная «Луисвилль слаггер»⁵³, которую его отцу подарил друг из чикагской команды «Уайт сокс».

Майк тут же выбрал себе в команду Донну Лу. Никто не возражал: она давно считалась лучшим питчером во всем городе, и если бы «малая лига» допускала в свои ряды девчонок, то все ребята – по крайней мере, те из них, кто не боялся отца Чака Сперлинга, – умолили бы его поставить Донну Лу на место нападающего и таким образом значительно увеличить шансы на победу.

Выбор игроков в определенной степени отражал деление города на северную, бедную, половину, где жил Дейл, и южную, обитатели которой считались более состоятельными. Хотя форма обеих команд была примерно одинаковой – джинсы и белые футболки, – искушенный наблюдатель без труда определял разницу. Сперлинг и остальные южане играли в новеньких, огромных негнущихся рукавицах, в то время как Майк и другие пользовались старыми, поношенными, в которых сражались еще их отцы. В отличие от конусообразных, с карманами, кожаных красавиц Сперлинга и Тейлора они вообще больше походили на самые обыкновенные варежки. Ловить молниеносные подачи в них было довольно неудобно, но ребята не расстраивались. Это так же входило в ритуал игры, как синяки и царапины, которые им доставались. В софтбол⁵⁴

⁵³ «Louisville Slugger» (англ.) – знаменитая марка бейсбольной биты производства компании «Hillerich & Bradsby» (Луисвилль, штат Кентукки).

⁵⁴ Софтбол – спортивная командная игра с мячом; олимпийская дисциплина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.